

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

ТОМ 16 • № 4 • 2024 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кошкин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель президента Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Зягельская И.Д. — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Технический редактор

Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 16 • No. 4 • FALL • 2024

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Leading Research Fellow at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Head of the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

Technical Editor

Bogdan A. Avdeev

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)

Периодичность —
четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов,
факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 25.01.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. ...

Уч.-изд. л. ... Тираж ... экз. Цена свободная. Изд. № 12721. Заказ № .

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original research papers, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово президента ФМП Л.Э. Слуцкого 9

Международная безопасность

К о к о ш и н А.А. Вопросы стратегического ядерного и неядерного сдерживания в политике национальной безопасности России .. 11

Экономическая дипломатия

О г а н и с я н Л.Д. Политика санкций ЕС: тернистый путь трансформации 32

Идеология и внешняя политика

Ш а р и к о в П.А. «Трампизм» как доминирующее движение в Республиканской партии США в 2020-е годы 70

Политика памяти

П о н а м а р е в а А.М. Историческая политика Республики Беларусь: перипетии эволюции 95

Национальная конкурентоспособность: политические аспекты

В о р о н и н Т.В. Потенциал глобальной конкурентоспособности атомных энергетических технологий США 140

История международных отношений и внешней политики

А в д е е в Б.А. Выход США из ЮНЕСКО при администрации Р. Рейгана: многоуровневый анализ 169

Теория и методология международных исследований

П а в л ю ч е н к о А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях 225

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» в 2024 г. 251

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

CONTENTS

An Introductory Message by the President of the School of World Politics L.E. Slutsky	9
International Security	
Kokoshin A.A. Strategic Nuclear and Non-Nuclear Deterrence in Russia's National Security Policy	11
Economic Diplomacy	
Oganyan L.D. The EU Sanctions Policy: A Thorny Path of Transformation	32
Ideology and Foreign Policy	
Sharikov P.A. 'Trumpism' as a Dominant Movement in the U.S. Republican Party in the 2020s	70
Politics of History	
Ponamareva A.M. History Politics of Belarus: Peripeteias of Evolution	95
National Competitiveness: Political Aspects	
Voronin T.V. Global Competitiveness Potential of U.S. Nuclear Energy Technologies	140
History of International Relations and Foreign Politics	
Avdeev B.A. The U.S. Withdrawal from UNESCO under the Reagan Administration: A Multilevel Analysis	169
Theory and Methodology of IR Studies	
Pavlyuchenko A.A. Digital Diplomacy in Russian International Studies: Research Methods	225
<i>Complete List of Papers Published in Lomonosov World Politics Journal in 2024</i>	251

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА ФМП Л.Э. СЛУЦКОГО

Мы встречаем 270-летний юбилей Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в непростой для нашей страны момент. Неслучайно лейтмотивом большинства представленных в этом выпуске статей, подготовленных сотрудниками факультета мировой политики, является тезис, что сейчас международные отношения вступили в период кардинальной, очень болезненной трансформации. Мы наблюдаем начало нового витка великодержавного соперничества, по всему миру возникают очаги напряженности, множатся традиционные и новые вызовы безопасности. В этих условиях особенно острой становится потребность в качественной, серьезной, подлинно научной аналитике. Именно такой уровень научной экспертизы традиционно присущ всем направлениям теоретической и прикладной работы Московского университета. Не стала исключением и область международных исследований, подтверждением чего может служить данный выпуск нашего журнала.

В некотором смысле предлагаемый вниманию читателя выпуск можно рассматривать как своеобразную визитную карточку факультета мировой политики МГУ. В номере представлены труды как опытных исследователей и преподавателей, являющихся признанными специалистами в своих предметных областях, так и молодых сотрудников ФМП, нового поколения российских международников, подготовленных факультетом и продолжающих лучшие традиции Московского университета. Собственно, именно эта преемственность, живой и плодотворный диалог поколений сам является ценнейшей традицией МГУ имени М.В. Ломоносова.

В тематическом отношении собранные в данном номере статьи охватывают широчайший спектр проблем: от вопросов ядерного и неядерного сдерживания, получивших совершенно особое звучание в последние месяцы, до перипетий эволюции политики памяти в Республике Беларусь; от особенностей санкционной политики Европейского союза до методов изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях. Такая широта тематического охвата данного выпуска прекрасно иллюстри-

рует богатство и разнообразие научной и образовательной работы, ведущейся в стенах факультета мировой политики МГУ.

Хочется надеяться, что эта работа послужит на благо Московскому университету и нашей стране в целом! От лица всего коллектива факультета мировой политики поздравляю МГУ — лучший университет России — с юбилеем! Новых открытий, новых достижений, новых вершин!

*Президент факультета мировой политики
доктор экономических наук
Л.Э. Слуцкий*

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-11-31

Научная статья / Research paper

А.А. Кокошин*

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЯДЕРНОГО И НЕЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20*

В условиях резкого обострения межгосударственного соперничества и усиления традиционных и новых угроз трудно переоценить значение политики, сил и средств стратегического сдерживания в обеспечении национальной безопасности России. Принципиальные решения по развитию потенциала стратегического сдерживания были приняты российским руководством еще в конце 1990-х годов. Эти решения базировались на долгосрочных оценках перспектив политико-военных отношений в системе мировой политики, которые были сделаны в Министерстве обороны, в аппарате Совета обороны, а затем в аппарате Совета безопасности РФ. В современных условиях особый интерес представляет рассмотрение вопросов о том, какое развитие эти решения получили в последующие годы, какое конкретное наполнение приобретает проблематика стратегического сдерживания в обновленной политике национальной безопасности России. В первой части статьи рассмотрен ряд ключевых элементов сложнейшего комплекса сил и средств, лежащих в основе политики Российской Феде-

* *Кокошин Андрей Афанасьевич* — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова; директор Института перспективных стратегических исследований НИУ ВШЭ (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru; ORCID: 0009-0009-0740-6509).

рации в области стратегического ядерного сдерживания. Автор подчеркивает, что данная политика носит оборонительный характер, а в своей материально-технической части базируется на крупных достижениях российской науки и промышленности в целом и отечественного оборонно-промышленного комплекса в частности. Эти достижения в свою очередь опираются на задел, созданный еще в СССР, и одновременно являются следствием своевременной модернизации ядерной триады России. Во второй части проанализирована роль неядерного сдерживания в российской политике национальной безопасности. Автор отмечает, что убедительная угроза применения высокоточного дальнобойного носителя с боезарядом в обычном оснащении в рамках неядерного («предъядерного») сдерживания может эффективно дополнить систему ядерного сдерживания. При этом автор заключает, что решение задачи обеспечения и ядерного, и неядерного сдерживания требует отработки большого числа различных сценариев как политико-военного характера, так и сугубо оперативно-стратегического и даже тактического порядка, а также слаженной и системной работы военных и гражданских специалистов, представляющих самый широкий спектр прикладных и фундаментальных дисциплин.

Ключевые слова: стратегическая стабильность, международная безопасность, стратегическое сдерживание, нестратегическое сдерживание, стратегические ядерные силы, нестратегическое ядерное оружие, Россия, национальная безопасность

Для цитирования: Кокошин А.А. Вопросы стратегического ядерного и неядерного сдерживания в политике национальной безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 11–31. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-11-31.

Andrei A. Kokoshin

STRATEGIC NUCLEAR AND NON-NUCLEAR DETERRENCE IN RUSSIA'S NATIONAL SECURITY POLICY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

*HSE University
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia, 101000*

In the present context of a sharp aggravation of interstate rivalry and escalation of traditional and new threats, the importance of policy, forces and means of

strategic deterrence in ensuring Russia's national security cannot be overstated. Fundamental decisions on the development of strategic deterrence capabilities were made by the Russian leadership back in the late 1990s. These decisions were based on the long-term political and military forecasts first made by the Ministry of Defense and the Defense Council and then furthered by the Security Council of the Russian Federation. This paper examines how these decisions were put into practice in the subsequent years and how they have permeated the concept of strategic deterrence in Russia's updated national security policy. The first section of the article identifies the key forces and facilities underlying the policy of the Russian Federation in the field of strategic nuclear deterrence. The author emphasizes that this policy is defensive in its nature and in terms of material capacities is based on achievements of Russian science and industry in general and the defense industry in particular. These advancements, in turn, rely on the foundations laid down in the USSR, and at the same time result from the timely modernization of Russia's nuclear triad. The second section analyzes the role of non-nuclear deterrence in the national security policy of Russia. The author notes that a formidable threat of using a high-precision long-range conventionally-armed carrier within the framework of non-nuclear ('pre-nuclear') deterrence can effectively complement the nuclear deterrence system. That said, the author concludes that the solution to the problem of ensuring both nuclear and non-nuclear deterrence requires working out a large number of different scenarios, not only political ones, but also of a purely military, strategic and even tactical nature. It also necessitates the coordinated and systematic work of both military and civilian specialists representing the widest range of applied and fundamental disciplines.

Keywords: strategic stability, international security, strategic deterrence, non-strategic deterrence, strategic nuclear forces, non-strategic nuclear weapons, Russia, national security

About the author: *Andrei A. Kokoshin* — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Director of the Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru; ORCID: 0009-0009-0740-6509).

For citation: Kokoshin A.A. 2024. Strategic nuclear and non-nuclear deterrence in Russia's national security policy. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 11–31. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-11-31. (In Russ.)

В условиях резкого обострения межгосударственного соперничества и усиления традиционных и новых угроз международной безопасности перед российским руководством остро стоит вопрос о выборе оптимальных инструментов, позволяющих минимизировать риски и обеспечить максимально возможную защиту национальных интересов страны. В этой связи трудно переоценить значение политики, сил и средств стратегического сдерживания в обеспечении национальной безопасности России, против которой коллективный Запад ведет полномасштабную экономическую и психологическую войну, а также прокси-войну, используя для этих целей Украину.

Главная задача российской политики стратегического сдерживания на современном этапе — это предотвращение агрессии против нашей страны, особенно с применением ядерного оружия и с масштабным использованием сил общего назначения и соответствующих средств. В этом контексте одной из ключевых функций стратегического сдерживания в политике национальной безопасности России является принуждение противной стороны к определенному поведению и к отказу от действий, которые могли бы еще больше обострить ситуацию. Сдерживание посредством демонстрации возможного применения военной силы — один из важнейших факторов и предотвращения агрессии, и противодействия политико-силовому давлению на наше государство. Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание (о нем речь пойдет далее) можно считать силовым сдерживанием, которое должно дополняться другими средствами и методами: политико-дипломатическими, информационно-психологическими, экономическими. В этом смысле можно согласиться с мнением генерала А.К. Марьина о том, что действия по стратегическому сдерживанию представляют собой особый способ влияния на быстро меняющуюся военно-политическую обстановку в мире и посему являются одним из базовых элементов военной политики государства [Марьин, 2023: 28].

При этом проблему сдерживания следует рассматривать в тесной связке с вопросами эскалации и деэскалации. Управление эскалацией — это и политико-дипломатическая, и оперативно-стратегическая задача; действия и политиков (в том числе дипломатов), и военных должны быть направлены на недопущение

перехода конфликта в неуправляемую стадию. Вот почему вопросы эскалации и деэскалации должны быть частью современной теории военной стратегии [Кокошин и др., 2021: 53–70]. Их необходимо интегрировать в план обороны России, в том числе в планы стратегических действий, которые должны включать и дозированные демонстрации военной силы в тех или иных конкретных обстоятельствах. Одной из задач сдерживания является предотвращение попыток эскалационного доминирования противостоящей нам стороны ради достижения той или иной политической или военно-стратегической цели.

Для современной России весьма важным этапом в развитии теории сдерживания и ее материальном обеспечении были 1990-е годы — под вопросом оказались многие возможности нашей страны в этой области. Тогда огромными усилиями Министерства обороны РФ, представителей оборонно-промышленного комплекса (ОПК) удалось сохранить его ядро, а по ряду направлений и серьезно продвинуться вперед. В частности, в тот период были сохранены и модернизированы две системы кооперации для разработки и производства межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), которые работают и по сей день, и два важнейших центра отечественного ядерного оружейного комплекса. В сложнейших условиях оборонное ведомство и ОПК смогли сохранить и все основные цепочки для выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и для серийного производства средств стратегического сдерживания, включая строительство ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПКСН), производство и модернизацию самолетов стратегической и дальней авиации.

Принципиальные решения по ядерной политике государства были приняты в результате заседания Совета безопасности РФ в июле 1998 г. В их подготовке в качестве секретаря Совета безопасности РФ довелось принимать участие автору данной статьи. Оценивая уроки того времени, Президент России В.В. Путин отмечал, что именно потенциал стратегического сдерживания «помог нам сохранить государственный суверенитет в сложнейший период

[19]90-х годов, когда других весомых материальных аргументов у нас, будем откровенны, не существовало»¹.

Эти решения базировались на долгосрочных оценках перспектив политико-военных отношений в системе мировой политики, которые были сделаны в Министерстве обороны, в аппарате Совета обороны, а затем в аппарате Совета безопасности РФ. Они предусматривали сохранение трехкомпонентной структуры стратегических ядерных сил (СЯС), нестратегического ядерного оружия (оружия тактического и оперативно-тактического назначения), совершенствование ядерного оружейного комплекса России, развитие системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и др.

В современных условиях особый интерес представляет рассмотрение вопросов о том, какое развитие эти решения получили в последующие годы, какое конкретное наполнение приобретает проблематика стратегического ядерного и неядерного сдерживания в обновленной политике национальной безопасности России.

Стратегическое ядерное сдерживание в политике национальной безопасности России

Ядерное сдерживание уверенно сохраняет ведущее место в системе инструментов политики национальной безопасности России. Более того, как видится, альтернативы ядерному сдерживанию в стратегии РФ не было и нет. Это положение представляется обоснованным на всю обозримую перспективу даже с учетом проблем, связанных с эксплуатацией (и хранением) ядерных боезарядов и средств их доставки. Ядерное сдерживание является важнейшим средством предотвращения сколько-нибудь масштабной агрессии против России. Трудно представить где-то даже в отдаленном будущем адекватную замену ядерному оружию (имея в виду все поражающие факторы ядерного взрыва) как средству сдерживания агрессии или агрессивного политико-военного поведения в условиях острого международного кризиса. Надежное, убедительное стратегическое сдерживание со стороны РФ — одно из важнейших условий обеспечения стратегической стабильности как междуна-

¹ Владимир Путин: «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России» // Российская газета. 19.02.2012. Доступ: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 14.10.2024).

родного феномена. Особую роль стратегическое ядерное сдерживание играет для России в условиях, когда, как отмечает Президент В.В. Путин, «против нашей Родины развязана настоящая война»², а глобальная система стратегической стабильности «продолжает деградировать»³.

Обеспечение стратегической стабильности, как говорится в Стратегии национальной безопасности РФ⁴ и в Концепции внешней политики РФ⁵, является одним из важнейших направлений усилий страны на международной арене, залогом ее выживания. При этом, в отличие от предыдущего этапа развития российской политики национальной безопасности, проблема стратегической стабильности в современных условиях приобретает новые измерения, связанные с военной деятельностью в космосе и киберпространстве.

Рассматривая перспективы поддержания стратегической стабильности во взаимоотношениях с США, В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ отметил неадекватность демагогических заявлений американского руководства о его готовности вести переговоры по этой проблеме, когда Вашингтон одновременно пытается «нанести России, как они сами говорят, стратегическое поражение на поле боя». В силу этого у российской стороны «есть все основания полагать, что слова сегодняшних американских властей о якобы заинтересованности в переговорах с нами по вопросам стратегической стабильности — это демагогия». Далее Президент России подчеркнул, что если коллективный Запад хочет обсуждать «ответственные, важные для всей планеты вопросы безопасности

² Парад Победы на Красной площади // Президент России. 09.05.2023. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/71104> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Путин заявил, что система стратегической стабильности в мире продолжает деградировать // ТАСС. 10.11.2020. Доступ: <https://tass.ru/politika/9959863> (дата обращения: 15.10.2024).

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Президент России. 02.07.2021. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.10.2024).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Президент России. 31.03.2023. Доступ: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAyLXOGGAgmVHQDloFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).

и стабильности, то необходимо делать это только в едином комплексе, естественно, включая все те аспекты, которые затрагивают наши национальные интересы и прямо влияют на безопасность нашей страны, на безопасность России»⁶.

О стремлении РФ к поддержанию (а не подрыву) системы стратегической стабильности свидетельствует то обстоятельство, что российская политика сдерживания носит прежде всего оборонительный характер. С этим согласны и лица, принимающие ключевые решения, и ведущие военные эксперты.

Так, в Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания говорится, что политика страны в указанной сфере «носит оборонительный характер», в случае возникновения военного конфликта направлена на «недопущение эскалации военных действий и их прекращение на приемлемых для Российской Федерации и/или ее союзников условиях»⁷. При этом Россия «рассматривает ядерное оружие исключительно как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой»⁸. В этом документе говорится о ряде условий перехода Российской Федерации к применению ядерного оружия (раздел 19, подп. (а), (б), (в), (г), (д)). Отмечается, что ядерное сдерживание направлено на обеспечение понимания потенциальным противником неотвратимости возмездия в случае агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников⁹.

Как подчеркивает командующий российскими Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) генерал-полковник С.В. Каракаев в развитие тезиса об оборонительном характере российской политики стратегического сдерживания, «среди мер стратегического сдерживания по-прежнему главное место уделено

⁶ Послание Президента Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации) // Президент России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/1> (дата обращения: 20.10.2024).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991 «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». Доступ: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74105990> (дата обращения: 19.11.2024).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

боевому дежурству, обеспечивающему гарантированное выполнение первоочередных боевых задач РВСН и являющемуся основой их сдерживающих действий» [Каракаев, 2023: 15].

И.Р. Фазлетдинов и В.И. Лумпов в свою очередь пишут о том, что гарантированное сдерживание обеспечивается российскими СЯС — «компонентами инструментария», который позволяет убедить государственное руководство и высшее военное командование США «в невозможности достижения цели по нанесению закритичного ущерба» СЯС России «превентивным контрсилowym воздействием» соответствующих американских средств нападения, а также в неспособности полностью уничтожить сохранившиеся после американских ударов ядерные боезаряды средствами эшелонов противоракетной обороны (ПРО) США в «ответном ядерном возмездии» РФ [Фазлетдинов, Лумпов, 2023: 62].

При этом одним из ключевых вопросов в рамках теории сдерживания был вопрос о так называемом неприемлемом ущербе. Многие специалисты справедливо обращают внимание на отсутствие научных критериев оценки его масштабов. Выявление на научной основе по крайней мере рамочных параметров неприемлемого ущерба — междисциплинарная комплексная задача, требующая серьезных усилий ученых разного профиля, в том числе в области общественных наук.

Как представляется, в Военной доктрине Российской Федерации (утвержденной в 2010 г.) был использован более адекватный термин — «заданный ущерб агрессору в любых условиях обстановки»¹⁰. Такого рода ущерб необходимо определять с учетом всех поражающих факторов ядерного взрыва, так как в ряде случаев немаловажную роль могут играть и вторичные, и даже третичные последствия применения ядерного оружия, включая медико-биологические и климатические.

Необходимый объем ядерных средств для осуществления убедительного ядерного сдерживания выдающийся отечественный ученый-атомщик академик АН СССР и РАН Ю.А. Трутнев определил тремя основными параметрами:

¹⁰ Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации // Президент России. 05.02.2010. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 15.10.2024).

- совокупной мощностью ядерных боеприпасов, достаточной для нанесения неприемлемого ущерба;
- совокупной живучестью средств ответного удара по отношению к средствам упреждающего удара противника (т.е. долей средств ответного удара, уцелевших после первого удара противника);
- совокупной живучестью средств ответного удара по отношению к средствам ПРО другой стороны (т.е. долей средств ответного удара, уцелевших после прохождения всех эшелонов противоракетной, противокосмической и противовоздушной обороны) [Кокошин, 2011: 63–64].

Очевидно, что возможности по нанесению масштабного ущерба противнику резко возрастают при ответно-встречном ударе. Так что угроза осуществления ответно-встречного и встречного ударов — это дополнительный весьма важный сдерживающий фактор в отношении потенциального агрессора, задумывающего упреждающий «обезоруживающий» и «обезглавливающий» удар в отношении нашей страны. В силу этого необходимо развивать и средства, которые призваны обеспечить возможность такого удара. В их числе весьма важную роль играют СПРН, ее качественные характеристики, включая особо высокую степень надежности с гарантией получения при любых условиях достоверной информации о действиях агрессора, а также многообразные средства стратегической и оперативной разведки.

Вкладом СПРН в организацию ответно-встречных действий СЯС следует считать разность между количеством боевых блоков баллистических ракет в ответно-встречном ударе и ответном. В этих условиях СПРН обеспечивает наращивание масштабов ответно-встречных действий [Системы ракетно-космической обороны..., 2020: 46]. В целом потенциальному противнику необходимо продемонстрировать, что наши ответные действия исключают возможность рационального использования упреждающего (первого) удара, в том числе «обезоруживающего», или «обезглавливающего».

Необходимо учитывать, как воспринимается гипотетическое использование ядерного оружия другой стороной, какова степень «неприемлемости» ущерба от его применения в том или ином масштабе с точки зрения противника. Этот вопрос в значительной мере лежит в плоскости политической групповой и индивидуальной (лич-

ностной) психологии и является весьма сложно идентифицируемым параметром [Журавлёв и др., 2012]. Во многом эффект сдерживания обеспечивается через информационно-коммуникационную сферу, особенно в ее психологическом измерении.

Силы и средства стратегического ядерного сдерживания представляют собой сложный комплекс компонентов Вооруженных Сил России и различных систем вооружений, необходимой инфраструктуры. Этот комплекс базируется на крупных достижениях российской науки и промышленности в целом, отечественного ОПК, опирающихся на задел, созданный еще в СССР, который всё еще играет значительную роль в силу особой длительности циклов в создании и функционировании соответствующих систем вооружений. В то же время исключительную важность имеет своевременная модернизация ядерной триады, формирующей основу системы стратегического ядерного сдерживания России.

В связи с этим весьма важным является следующее заявление Президента России В.В. Путина: «Несмотря на меняющийся характер военных угроз, именно ядерная триада остается важнейшей, ключевой гарантией военной безопасности России. А если смотреть шире, то и глобальной стабильности. Сохранение такого баланса сил сводит на нет угрозу крупномасштабного военного конфликта, по сути, делает бессмысленными любые попытки шантажа или давления в отношении нашей страны»¹¹.

В последние годы Россия достигла больших результатов в развитии и модернизации своих СЯС, используя в том числе научно-технические заделы, созданные в нашей стране в тяжелые 1990-е годы. В.В. Путин заявил, что «по ряду стратегических вооружений наша страна ушла далеко вперед других ведущих военных держав мира», что «впервые в истории наша страна, Россия, выступила не в роли догоняющего, а сама предложила такие образцы, которые на годы и даже на десятилетия опережают зарубежные аналоги, а некоторые просто не имеют равных в мире и, скорее всего, еще долго не будут иметь аналогов»¹².

¹¹ Совещание с руководящим составом Министерства обороны, руководителями федеральных ведомств и предприятий ОПК // Президент России. 10.11.2020. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64392> (дата обращения: 20.10.2024).

¹² Там же.

Выступая 20 мая 2021 г., Президент РФ обоснованно заявил: «У нас самые современные из всех ядерных держав, самые современные силы ядерного сдерживания. Можно твердо это утверждать, самые современные»¹³. При этом, по его словам, «мы не намерены ввязываться, втягиваться в изматывающую гонку вооружений. Мы не будем этого делать, и необходимости у нас такой сегодня нет»¹⁴. В интервью Дмитрию Киселёву В.В. Путин отметил, что к ядерной войне «с военно-технической точки зрения мы, конечно, готовы», что соответствующие силы и средства «у нас постоянно находятся в состоянии боевой готовности»¹⁵.

За последние 10–12 лет достигнуты новые, еще более высокие результаты в обеспечении живучести российских СЯС, делающие бессмысленным обезоруживающий удар по ним. Это, в частности, обеспечивается высокой скрытностью и мобильностью подвижно-грунтовых ракетных комплексов, увеличенной взрывостойкостью шахт для МБР стационарного базирования и высочайшей готовностью этих ракет к немедленному запуску (десятки секунд).

Если говорить о стратегических подводных ракетноносцах (РПКСН), то российской науке и промышленности удалось добиться снижения их шумности, повышения скрытности, неуязвимости. Это же относится и к отечественным многоцелевым атомным подводным лодкам (АПЛ), значительная часть которых призвана обеспечивать безопасность РПКСН, их боевую устойчивость.

Все российские МБР и БРПЛ оснащены комплексом средств преодоления ПРО, и работа на этом направлении активно продолжается [Каракаев, 2023: 16]. Это обеспечивает для них способность преодолеть любую и существующую, и перспективную ПРО США даже при самых неблагоприятных условиях.

¹³Заседание Российского организационного комитета «Победа» // Президент России. 20.05.2021. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65618> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁴Совещание с руководящим составом Министерства обороны, руководителями федеральных ведомств и предприятий ОПК // Президент России. 10.11.2020. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64392> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁵Интервью Дмитрию Киселёву. Владимир Путин ответил на вопросы Дмитрия Киселёва // Президент России. 13.03.2024. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73648> (дата обращения: 15.10.2024).

Многие требования к возможностям преодоления ПРО США были заложены в разработки отечественной ракетной техники еще в 1980-е годы, когда в Соединенных Штатах была объявлена программа НИОКР «Стратегическая оборонная инициатива», предусматривавшая в конечном счете создание космических эшелонов ПРО. Эта программа, как известно, не дала ожидаемых результатов и была свернута. Отечественные же заделы по комплексам средств преодоления ПРО были реализованы уже в 1990-е годы и значительно приумножены в последующие десятилетия. Они сохраняют свою значимость и сегодня, в том числе перед лицом гипотетического возврата США к попыткам создания космического эшелона ПРО.

Немаловажную роль в сдерживании потенциального агрессора играет ПРО Московского региона, развивающаяся на протяжении нескольких десятилетий. Эта система призвана обеспечить сохранение объектов государственного и высшего военного управления в условиях ограниченных ударов стратегических баллистических ракет, увеличение времени, имеющегося в распоряжении Верховного главного командования, для принятия решения об ответных (ответно-встречных) действиях СЯС [Системы ракетно-космической обороны..., 2020: 47].

Одним из элементов всего сложнейшего комплекса сил и средств стратегического сдерживания служит система контроля космического пространства (СККП). Считается, что по информации о текущем состоянии разведывательных космических систем противника, получаемой от СККП, могут быть выполнены дополнительные мероприятия маскировки и маневр мобильными средствами РВСН. Это позволит повысить скрытность их действий и вывести их из-под удара баллистических и стратегических крылатых ракет противника [Системы ракетно-космической обороны..., 2020: 47].

Определенные шаги по модернизации ядерных потенциалов и средств доставки ядерного оружия предпринимают и другие ключевые ядерные державы. США только на подходе к обновлению своей стратегической ядерной триады, на что предполагается затратить в течение 10 лет 297 млрд долл. (на все ядерные силы и средства —

634 млрд долл.)¹⁶. В последние несколько лет значительную активность в этой области проявляет Китай. В дополнение к наземному компоненту СЯС Пекин уверенно обрел в последние годы морскую ядерную составляющую и близок к созданию современной воздушной составляющей СЯС за счет разработки стратегического бомбардировщика межконтинентальной дальности и соответствующих крылатых ракет воздушного запуска. Технические и экономические возможности Китая позволяют осуществлять достаточно быстрое наращивание ракетно-ядерных вооружений по всему диапазону их классов. Это относится ко всем трем компонентам СЯС — наземному, морскому и воздушному. В том числе, по ряду оценок, в течение текущего десятилетия СЯС КНР могут быть доведены до нынешнего уровня США и России. Это создаст радикально иную политико-военную и военно-стратегическую ситуацию в мире со многими пока еще трудно прогнозируемыми последствиями для стратегической стабильности.

Стратегическое неядерное сдерживание в российской политике национальной безопасности

Уже в начале 1980-х годов некоторые отечественные и зарубежные специалисты обратили внимание на тот факт, что обычные виды вооружений благодаря одновременному повышению точности и мощности приближаются к ядерному оружию малой мощности. В нашей стране на это указал высокоавторитетный военный деятель и технический специалист, генерал армии В.М. Шабанов, на протяжении ряда лет занимавший пост заместителя министра обороны СССР по вооружению [Кокошин, 1989: 210–211].

В тот же период на вооружение Советского Союза начали поступать крылатые ракеты воздушного и морского базирования, новое поколение баллистических ракет средней и меньшей дальности, оперативно-тактического и тактического назначения. Появление более совершенных средств доставки, развитие средств разведки и целеуказания создавали материальную базу для нового вида сдерживания — неядерного стратегического.

¹⁶ Projected costs of U.S. nuclear forces, 2021 to 2030 // Congressional Budget Office. May 2021. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/57240> (дата обращения: 20.10.2024).

Вопросы неядерного (предъядерного) сдерживания автору этой статьи довелось рассматривать еще в 1990-е годы с рядом коллег по Министерству обороны, Совету обороны и Совету безопасности Российской Федерации, с учеными и экспертами, представлявшими ОПК России и Российскую академию наук. Эта работа велась в тесной связи с практической деятельностью отечественного ОПК и Минобороны России по развитию высокоточного дальнобойного оружия в неядерном оснащении.

Создание такого оружия в условиях разрыва многих кооперационных связей вследствие распада СССР и постоянного сокращения государственных оборонных расходов потребовало огромных усилий. Однако эти усилия не пропали даром. В дальнейшем данное оружие начало поступать на вооружение нашей армии. Речь идет, в частности, о таких уже довольно хорошо известных ракетных комплексах воздушного базирования, как крылатая ракета Х-555 (глубокая модернизация крылатой ракеты Х-55) и особенно крылатая ракета Х-101, которую характеризует повышенная дальность полета. Предусматривалось тогда и развитие крылатых ракет большой дальности для многоцелевых АПЛ с пониженным уровнем шумности.

Важным этапом в развитии сил и средств неядерного стратегического сдерживания было создание российской космической системы навигации ГЛОНАСС, основная группировка космических аппаратов которой была достроена огромными усилиями уже в 1995 г. В последующие периоды эта система получила значительное развитие.

Изначально идея неядерного сдерживания была предложена автором в открытой научной публикации в 2003 г. в виде формулы «предъядерного сдерживания» [Кокошин, 2003]. В.М. Буренок и О.Б. Ачасов в 2007 г. обоснованно отмечали, что неядерное сдерживание предполагает демонстрацию готовности к реализации угрозы нанесения неядерными средствами не только в ответных, но и в упреждающих действиях «ущерба жизненно важным интересам и объектам государств — потенциальных агрессоров»; этот ущерб должен заведомо превышать «выгоды от осуществления агрессии» [Буренок, Ачасов, 2007: 12].

А.Е. Стерлин, А.А. Протасов и С.В. Крейдин в журнале Министерства обороны РФ «Военная мысль» пишут, что «стратегический

неядерный потенциал [стратегическое неядерное оружие, СНЯО] является многоцелевым ресурсом, применяемым для решения в том числе деэскалационных задач регионального и глобального сдерживания» [Стерлин и др., 2019: 14–15]. При этом, как отмечают эти военные специалисты, «ядерное оружие (СЯС и нестратегическое ядерное оружие (НСЯО)) во взаимодействии со СНЯО выполняет роль сдерживания, деэскалации и пресечения крупных неядерных угроз, в том числе коалиционных» [Стерлин и др., 2019: 14–15]. Ранее мысль о роли ядерного оружия для деэскалации военных действий высказывалась в статье В.И. Левшина, А.В. Неделина и М.Е. Сосновского в журнале «Военная мысль» в 1999 г. [Левшин и др., 1999].

В 2014 г. положение о неядерном сдерживании в политике национальной безопасности России было включено в новую редакцию Военной доктрины Российской Федерации. В ст. 8 этого документа говорится о том, что система неядерного сдерживания — это комплекс внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии против Российской Федерации неядерными средствами. В ст. 32 отмечается, что стратегическое (ядерное и неядерное) сдерживание — одна из основных задач Вооруженных Сил, других войск и органов в мирное время¹⁷.

В 2013 г. Главком ВМФ России адмирал В.В. Чирков отмечал, что на российском флоте также лежат функции стратегического неядерного сдерживания, что «важным направлением развития ВМФ должно стать создание группировок морских сил общего назначения, оснащенных высокоточным оружием большой дальности, способных решать задачи стратегического неядерного сдерживания угрозой поражения критически важных военных и экономических объектов противника»¹⁸.

В современных условиях это направление военного строительства получило продолжение. Российская оборонная промышленность

¹⁷ Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // АО «Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/420246589> (дата обращения: 15.10.2024).

¹⁸ Виктор Чирков: «Развитие ВМФ невозможно без взгляда в дальнюю перспективу» // Новости ВПК. 02.09.2013. Доступ: https://vpk.name/news/94207_viktor_chirkov_razvitie_vmf_nevozmozhno_bez_vzglyada_v_dalnyuyu_perspektivu.html (дата обращения: 20.10.2024).

и военное ведомство прилагают большие усилия для того, чтобы материальные возможности для такого стратегического неядерного сдерживания были достаточными.

Убедительная угроза применения высокоточного дальнобойного носителя с боезарядом в обычном оснащении могла бы стать основой системы стратегического неядерного (предъядерного) сдерживания, дополняющей систему ядерного сдерживания. Потенциальный агрессор должен иметь в виду, что возможно нанесение удара не только по его силам и средствам, непосредственно развернутым и задействованным против России, но и по ряду других объектов.

Угроза использования высокоточного дальнобойного оружия должна быть соответствующим образом «обставлена» политически — как акт последнего предупреждения в ходе военных действий перед селективным применением сравнительно маломощных ядерных боезарядов (применительно к Военной доктрине РФ такие предложения были в 2009 г. выдвинуты в специальной разработке на эту тему [Кожошин и др., 2009: 187]). При использовании подобного оружия речь должна идти прежде всего об объектах высокой ценности (не столько в денежном исчислении, сколько с позиции их важности для обеспечения национальной безопасности, в том числе при ведении боевых действий). Представляется, что обеспечение таких условий — это во многих отношениях значительно более сложная задача, нежели задача обеспечения ядерного сдерживания. Ее решение требует отработки большого числа различных сценариев как политико-военного характера, так и сугубо оперативно-стратегического и даже тактического порядка (в том числе с применением тщательно отработанного и с методологической, и с содержательной точек зрения компьютерного моделирования).

Совершенствуя и укрепляя систему стратегического неядерного сдерживания, необходимо иметь в виду, что она в еще большей мере, чем система ядерного сдерживания, зависит от развития соответствующей информационно-коммуникационной инфраструктуры: высокоинтегрированных средств разведки, целеуказания, навигации (включая космическую навигацию, ретрансляцию, топогеодезию и др.) [Кожошин, 2008: 8–9]. Значительную часть этой инфраструктуры составляют средства двойного назначения, обладающие своей

спецификой функционирования и развития. Это относится, в частности, к отмеченной системе ГЛОНАСС.

Высокоточное дальнобойное оружие в неядерном снаряжении является и реальным средством ведения военных действий, в том числе весьма ограниченного применения военной силы. Вооруженные Силы РФ это убедительно продемонстрировали в Сирии и в ходе специальной военной операции на Украине.

* * *

Решение комплексных задач стратегического сдерживания с учетом происходящих в мире коренных изменений в политико-военных отношениях и системе обеспечения международной безопасности требует от руководства России не только уделять особо пристальное внимание материально-техническим вопросам стратегического ядерного и неядерного сдерживания, активно парировать появляющиеся новые угрозы национальной безопасности, в том числе принимая упреждающие меры. Для «поддержания в тонусе» другой стороны необходимы «стратегические жесты» (по выражению выдающегося отечественного военного теоретика и историка А.А. Свечина).

Такие «стратегические жесты» необходимо осуществлять, опираясь на основательное знание механизмов принятия решений оппонентами, традиций их политических культур, на понимание индивидуальной и групповой психологии их лидеров и др. В числе таких «жестов» — учения с участием тех или иных компонентов СЯС, демонстрации испытаний МБР и БРПЛ, новых типов боевых блоков, крылатых ракет большой дальности, полеты стратегических бомбардировщиков в определенных районах, демонстрация способности стратегических подводных ракетоносцев действовать в районах с особо сложными условиями навигации, снижающими возможность их поиска, обнаружения и уничтожения противолодочными силами другой стороны, и т.п. Каждый из подобных шагов должен быть оценен в том числе с точки зрения воздействия на общую (общесистемную) и региональную (субсистемную) стратегическую стабильность.

Совокупность подобных «жестов» (опирающихся прежде всего на реальные научно-технические результаты) призвана создать

в глазах профессионального наблюдателя другой стороны желаемую для нас картину для решения задач обеспечения национальной безопасности России. Для этого в свою очередь необходима слаженная и системная работа как военных, так и гражданских специалистов, представляющих самый широкий спектр прикладных и фундаментальных дисциплин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буренок В.М., Ачасов О.Б. Неядерное сдерживание // Военная мысль. 2007. № 12. С. 12–16.
2. Журавлёв А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116–123.
3. Каракаев С.В. К вопросу о применении Ракетных войск стратегического назначения в войнах будущего // Военная мысль. 2023. № 2. С. 6–16.
4. Кокошин А.А. В поисках выхода: военно-политические аспекты международной безопасности. М.: Политиздат, 1989.
5. Кокошин А.А. Инновационные вооруженные силы и революция в военном деле. М.: URSS, 2008.
6. Кокошин А.А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности. Теоретические и прикладные вопросы. М.: УРСС, 2011.
7. Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003.
8. Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Есин В.И., Шляхтуров А.В. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн. М.: ЛЕНАНД, 2021.
9. Кокошин А.А., Потапов В.Я., Савельев А.Г. К вопросу о возможной структуре и содержании новой редакции Военной доктрины Российской Федерации // К новой редакции Военной доктрины Российской Федерации / Сост. А.Г. Савельев. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 187–203.
10. Левшин В.И., Неделин А.В., Сосновский М.Е. О применении ядерного оружия для деэскалации военных действий // Военная мысль. 1999. № 3. С. 34–37.
11. Марьин А.К. Особенности стратегического сдерживания в современных условиях // Военная мысль. 2023. № 12. С. 21–28.
12. Системы ракетно-космической обороны: В 4 т. Т. 1. Ракетно-космические вооружения. Создание и развитие систем ракетно-космической обороны / Под ред. О.Ю. Аксенова. М.: Аргументы недели, 2020.

13. Стерлин А.Е., Протасов А.А., Крейдин С.В. Современные трансформации концепций и силовых инструментов стратегического сдерживания // Военная мысль. 2019. № 8. С. 7–17.

14. Фазлетдинов И.Р., Лумпов В.И. Роль Ракетных войск стратегического назначения в противодействии стратегической многосферной операции НАТО // Военная мысль. 2023. № 3. С. 53–63.

REFERENCES

1. Burenok V.M., Achasov O.B. 2007. Neyadernoe sderzhivanie [Non-nuclear deterrence]. *Voennaya mysl'*, no. 12, pp. 12–16. (In Russ.)

2. Zhuravlev A.L., Nestik T.A., Sosnin V.A. 2012. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty strategicheskoi stabil'nosti i yadernogo sderzhivaniya: postanovka problemy i praktika issledovaniy [The socio-psychological aspects of strategic stability and nuclear containment in the contemporary world: The problem definition and research practice]. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 116–123. (In Russ.)

3. Karakaev S.V. 2023. K voprosu o primeneni Raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniya v voynakh budushchego [On the use of strategic missile forces in future wars]. *Voennaya mysl'*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.)

4. Kokoshin A.A. 1989. *V poiskakh vykhoda: voenno-politicheskie aspekty mezhdunarodnoi bezopasnosti* [In search of a way out: Military and political aspects of international security]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

5. Kokoshin A.A. 2008. *Innovatsionnye vooruzhennyye sily i revolyutsiya v voennom dele* [Innovative armed forces and the revolution in military art]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

6. Kokoshin A.A. 2011. *Problemy obespecheniya strategicheskoi stabil'nosti. Teoreticheskie i prikladnye voprosy* [Problems of ensuring strategic stability. Theory and practice]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

7. Kokoshin A.A. 2003. *Yadernyye konflikty v XXI veke (tipy, formy, vozmozhnyye uchastniki)* [Nuclear conflicts in the 21st century (types, forms, possible participants)]. Moscow, Media-Press Publ. (In Russ.)

8. Kokoshin A.A., Baluevskii Yu.N., Esin V.I., Shlyakhturov A.V. 2021. *Voprosy eskalatsii i deeskalatsii krizisnykh situatsii, vooruzhennykh konfliktov i voyn* [Issues of escalation and de-escalation of crisis situations, armed conflicts and wars]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)

9. Kokoshin A.A., Potapov V.Ya., Savel'ev A.G. 2009. K voprosu o vozmozhnoi strukture i sodержanii novoi redaktsii VoЕННОI doktriny Rossiiskoi Federatsii [Discussing the possible structure and content of the new edition of the Military Doctrine of the Russian Federation]. In: Savel'ev A.G. (ed.). *K novoi redaktsii VoЕННОI doktriny Rossiiskoi Federatsii* [For the new edition of the Military Doctrine of the Russian Federation]. Moscow, LENAND Publ., pp. 187–203. (In Russ.)

10. Levshin V.I., Nedelin A.V., Sosnovskii M.E. 1999. O primenении yadernogo oruzhiya dlya deeskalatsii voennykh deistvii [On the use of nuclear weapons to de-escalate hostilities]. *Voennaya mysl'*, no. 3, pp. 34–37. (In Russ.)

11. Mar'in A.K. 2023. Osobennosti strategicheskogo sderzhivaniya v sovremennykh usloviyakh [Peculiarities of strategic deterrence in modern conditions]. *Voennaya mysl'*, no. 12, pp. 21–28. (In Russ.)

12. Aksenov O.Yu. (ed.) 2020. *Sistemy raketno-kosmicheskoi oborony* [Space missile defense systems]: In 4 vols. Vol. 1. Raketno-kosmicheskie vooruzheniya. Sozdanie i razvitie sistem raketno-kosmicheskoi oborony [Space missile weapons. Creation and development of space missile defense systems]. Moscow, Argumenty nedeli Publ. (In Russ.)

13. Sterlin A.E., Protasov A.A., Kreidin S.V. 2019. Sovremennye transformatsii kontseptsii i silovykh instrumentov strategicheskogo sderzhivaniya [The latest transformation of conceptions and power instruments of strategic deterrence]. *Voennaya mysl'*, no. 8, pp. 7–17. (In Russ.)

14. Fazletdinov I.R., Lumpov V.I. 2023. Rol' Raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniya v protivodeistvii strategicheskoi mnogosfernoi operatsii NATO [The role of Strategic Missile Forces in countering NATO's strategic multi-domain operation]. *Voennaya mysl'*, no. 3, pp. 53–63. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.04.2024;
одобрена после рецензирования 20.11.2024;
принята к публикации 03.12.2024

The paper was submitted 18.04.2024;
approved after reviewing 20.11.2024;
accepted for publication 03.12.2024

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-32-69

Научная статья / Research paper

Л.Д. Оганисян*

ПОЛИТИКА САНКЦИЙ ЕС: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рост международной напряженности в последние годы ставит перед руководством Европейского союза острые вопросы о перспективах как внутреннего развития объединения, так и его глобального позиционирования. В этом контексте особый интерес представляет анализ санкционной политики ЕС как ключевого инструмента его внешнеполитической стратегии. Подобный анализ может помочь не только выявить специфические особенности Евросоюза как субъекта рестрикций, но и приблизиться к пониманию современных тенденций эволюции данного интеграционного объединения в целом. В первом разделе рассмотрены ключевые институты, ответственные за разработку санкционной политики ЕС, а также принципы и механизмы принятия и имплементации соответствующих мер. В качестве отличительных маркеров политики санкций ЕС автор выделяет ее адресный и ценностно-ориентированный подход, стремление к многосторонности и внимание к вопросам гуманитарных исключений. Во втором разделе прослежена эволюция санкционной политики ЕС в период с 1992 по 2022 г. Показано, что уже в 2010-е годы обозначилась тенденция к переходу от использования ЕС санкций как прежде всего средства донесения до адресата определенного политического послания, призванного способствовать защите прав человека и демократических ценностей, к их применению в качестве инструмента экономического давления. Одновременно громко заявляют о себе противоречия с США по вопросам вторичных санкций. Всё

* *Оганисян Лида Давидовна* — кандидат политических наук, доцент кафедры внешней политики России и стран СНГ факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lidaoganiyan@gmail.com; ORCID: 0009-0000-8439-2352).

это подталкивает руководство ЕС к осознанию необходимости укреплять санкционную политику и стратегическую автономию. В третьем разделе проанализированы ключевые аспекты начавшейся в 2022 г. качественной трансформации санкционной политики ЕС. Автор отмечает, что наряду с резким увеличением объема санкционных ограничений против России в связи с проводимой ею специальной военной операцией на Украине важнейшим элементом этой трансформации стала активизация борьбы ЕС с обходом санкций. Всё это говорит о растущей готовности Брюсселя, прежде осуждавшего практику экстерриториальных санкций, пойти на применение санкционных мер за пределами своих территориальных границ. Одновременно наметилась тенденция к значительному усилению роли Еврокомиссии в разработке ограничительных мер, что существенно меняет институциональный баланс внутри ЕС в ее пользу, способствуя усилению наднационального начала. Перспективы реализации этих тенденций во многом будут зависеть от международного контекста и способности объединения согласовать между собой широкую палитру интересов государств — членов ЕС.

Ключевые слова: санкции, рестриктивные меры, Европейский союз, обход санкций, вторичные санкции, умные санкции, гуманитарные исключения, стратегическая автономия, нормативная сила

Для цитирования: Оганисян Л.Д. Политика санкций ЕС: тернистый путь трансформации // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 32–69. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-32-69.

Lida D. Oganisyan

**THE EU SANCTIONS POLICY:
A THORNY PATH OF TRANSFORMATION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

In recent years, the rising international tensions have raised for the EU leadership pressing questions on the prospects for both the internal development of the union and its global positioning. Against this backdrop, the analysis of the EU sanctions policy as a key tool of its foreign policy strategy is of particular interest. Such an analysis can not only help identify the specific features of the European Union as a subject of restrictions, but also reach a better understanding

of the current evolutionary trends of this integration association on the whole. The first section examines the key institutions responsible for the development of the EU sanctions policy, as well as the principles and mechanisms underlying the adoption and implementation of the relevant measures. The author emphasizes the targeted and value-based character of the EU sanctions policy, its commitment to multilateralism and concerns about possible adverse humanitarian effects. The second section traces the evolution of the EU sanctions policy over the period from 1992 to 2022. It shows that it was as early as the 2010s that the EU countries started to switch from using sanctions primarily as a means of conveying an addressee a certain 'political message' designed to ensure human rights and democratic values, to harnessing them as an economic leverage. At the same time, evident disagreements emerged between the EU and the United States on secondary sanctions. All this led the EU leadership to realize the need to strengthen its sanctions policy, as well as its strategic autonomy in general. The third section analyzes the key aspects of the qualitative transformation of the EU sanctions policy that began in 2022. The author notes that along with a sharp increase in the number of sanctions against Russia provoked by the beginning of the special military operation in Ukraine, the most important element of this transformation was the intensification of the EU's efforts to combat sanctions evasion. All this indicates the growing readiness of the EU, which previously condemned the practice of extraterritorial sanctions, to apply sanctions measures beyond its borders. At the same time, the European Commission plays an increasingly active role in the development of restrictive measures. This may significantly change the institutional balance within the EU in its favor, contributing to strengthening the supranational principle. The prospects for the implementation of these tendencies, however, will largely depend on the international context and the ability of the EU leadership to reconcile competing interests of the member states.

Keywords: sanctions, restrictive measures, European Union, sanctions evasion, secondary sanctions, smart sanctions, humanitarian exceptions, strategic autonomy, normative power

About the author: *Lida D. Oganisyan* — PhD (Political Science), Associate Professor at the Chair of the Foreign Policy of Russia and CIS Countries, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lidaoganisyan@gmail.com; ORCID: 0009-0000-8439-2352).

For citation: Oganisyan L.D. 2024. The EU sanctions policy: A thorny path of transformation. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 32–69. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-32-69. (In Russ.)

Через вызовы последних полутора десятилетий стала серьезным испытанием для Европейского союза (ЕС). Мировой финансовый кризис, долговые потрясения еврозоны, миграционные вызовы, последствия Брекзита и пандемии, кризис солидарности и углубляющаяся поляризация общества стали тестом на прочность для Евросоюза [см., например: Прохоренко, 2016; Потемкина, 2016; Невоенные угрозы..., 2023]. В последние годы конфликт на Украине и сопутствующая международная напряженность еще больше актуализировали вопросы о пределах стрессоустойчивости (*resilience*) ЕС, его глобальном позиционировании. Нынешний кризис, пожалуй, более прежних влияет на объединение, а новая геополитическая реальность, складывающаяся после февраля 2022 г., ставит острые вопросы о перспективах его развития в целом и его внешней политики в частности. В условиях системных трансформаций международной среды создаются предпосылки для изменения позиционирования ЕС и переосмысления его внешнеполитической самоидентификации [Сергеев, Воротников, 2023; Riddervolda, Riekera, 2024].

В этом контексте особый интерес представляет анализ санкционной политики Евросоюза как ключевого инструмента его внешнеполитической стратегии. В ответ на нарастающие угрозы Брюссель демонстрирует беспрецедентный уровень санкционной активности и высокую степень внутренней консолидации, что указывает на новый этап в его эволюции как глобального игрока. Данные тенденции особенно явно прослеживаются на российском направлении, хотя следует оговориться, что имеются небезосновательные сомнения в отношении единства стран ЕС в этом вопросе в случае завершения военной стадии конфликта. Отсутствие солидарности государств-членов на других внешнеполитических треках, а также серьезные политические и экономические издержки для них в связи с масштабным применением Евросоюзом рестрикций ставят вопросы о пределах прочности его курса в долгосрочной перспективе.

В последние годы политика санкций ЕС является предметом пристального внимания представителей западного и отечественного научного сообщества. Западные исследователи по объективным причинам традиционно проявляли повышенный интерес к изучению различных аспектов санкционной политики Брюсселя [см., например: De Vries, Hazelzet, 2005; Giumelli, 2013; Biersteker, Portela, 2015; Giumelli et al., 2021]. Внимание отечественных ученых к иссле-

дованию нормативно-правовой основы, механизма и особенностей санкционной политики ЕС стало последовательно возрастать с начала 2010-х годов по мере активизации объединения как субъекта рестрикций, равно как и применения им всё более жестких ограничительных мер в отношении России [см., например: Саргсян, 2011; Стрежнева, Руденкова, 2016; Тимофеев, 2021; Арапова, Кудинов, 2022]. Российские исследователи рассматривали также актуализировавшиеся на рубеже 2010–2020-х годов проблемы, связанные с применением США вторичных санкций против компаний ЕС, и принятые в свете этого Брюсселем меры для защиты от них [Потемкина, 2018; Тимофеев, 2019].

В настоящее время в фокусе внимания ученых находится специфика трансформации политики санкций ЕС в нынешних реалиях, которая во многом происходит под воздействием российского фактора. В частности, исследователей интересует не только ревизия подхода Евросоюза к применению рестрикций, но и влияние данного процесса на Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ) объединения, логику его поведения на международной арене в целом [Meissner, Graziani, 2023; Matthijs, Meunier, 2023; Portela, Olsen, 2023]. Среди отечественных работ следует отметить статью генерального директора и программного координатора Российского совета по международным делам И.Н. Тимофеева и П.И. Чуприяновой, в которой авторы выявляют количественные и качественные изменения в подходе Евросоюза к реализации политики санкций в отношении России после февраля 2022 г. [Тимофеев, Чуприянова, 2024].

В целом в последние годы наблюдается растущая значимость санкций как инструмента внешней политики и политики безопасности ЕС, а сегодня можно констатировать качественную ревизию его санкционной стратегии. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить сущность эволюции Евросоюза как субъекта рестрикций и специфику качественной трансформации его политики санкций на современном этапе. С одной стороны, такой анализ интересен сам по себе, с другой — попытка взглянуть на санкционную политику Евросоюза как аспект, в котором отражаются новые тренды и возникают новые паттерны поведения, открывает возможность посмотреть на логику эволюции интеграционного объединения как международного субъекта в целом, способствуя лучшему пониманию его роли в глобальном и региональном контекстах.

Архитектура и дизайн политики санкций ЕС

Санкции, или рестриктивные меры, сегодня занимают ключевое место во внешнеполитическом инструментарии ЕС. В настоящее время у Евросоюза, второго по активности после США инициатора ограничительных мер, действует более 50 программ санкций¹. Они носят страновой характер или имеют тематическую направленность (так называемые горизонтальные санкционные программы, призванные решить проблемы транснационального характера). Например, ЕС ввел четыре тематических (или горизонтальных) режима санкций, в рамках которых ограничения применяются в отношении лиц, причастных к террористической деятельности, нарушениям прав человека, кибератакам, а также к использованию и распространению химического оружия. Предпринимаются и шаги по созданию нового тематического режима санкций против коррупции [Zamfir, 2023].

Санкции Евросоюза вводятся Советом ЕС во исполнение резолюций Совета Безопасности (СБ) ООН, в дополнение к ним, а также в последние годы растет число автономных санкционных режимов Брюсселя (рис. 1). Их применение отнесено к сфере ОВПБ Евросоюза. В «Базовых принципах использования ограничительных мер

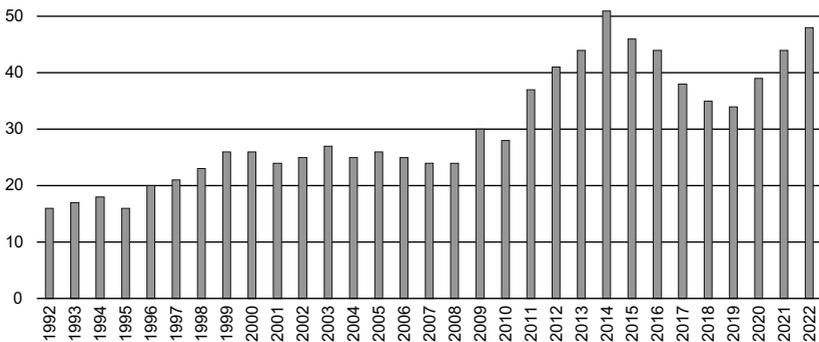

Рис. 1. Количество действующих санкционных режимов ЕС

Источник: составлено автором на основе данных The Global Sanctions Database²

¹ EU sanctions map. Available at: <https://www.sanctionsmap.eu/#/main> (accessed: 03.12.2024).

² См. подробнее о базе данных о санкциях The Global Sanctions Database: [Felbermayr et al., 2020; Kirilakha et al., 2021; Syropoulos et al., 2023].

(санкций)» 2004 г. они определяются как «важный способ поддержания и восстановления международного мира и безопасности в соответствии с принципами Устава ООН и нашей общей внешней политики и политики безопасности»³. Таким образом, ЕС использует санкции как средство защиты и продвижения своих фундаментальных интересов и ценностей, предотвращения конфликтов и укрепления международной безопасности. Рестриктивные меры ЕС, как и других субъектов политики санкций, направлены на изменение поведения целевых государств, а также выполняют сдерживающую и сигнальную, или стигматизирующую, функции [см. подробнее: Giunelli, 2013].

В ЕС действует двухэтапная процедура, предполагающая обязательное принятие двух отдельных, но связанных правовых актов для введения режима санкций: решения ОВПБ и регламента, устанавливающего конкретные меры и порядок их исполнения. Данная процедура, оформившаяся в 1970-е годы, была формализована Маастрихтским договором. По предложению Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности Совет ЕС единогласно (ст. 31 Договора о Европейском союзе — ДЕС)⁴ принимает решения о рестриктивных мерах. Торговые и финансовые санкции, входящие в компетенцию Евросоюза, требуют дополнительного имплементационного акта в виде регламента. На основе совместного предложения Высокого представителя и Европейской комиссии (ЕК) регламент принимается Советом ЕС квалифицированным большинством голосов (ст. 215 Договора о функционировании Европейского союза — ДФЕС)⁵. В случае же введения эмбарго на поставки оружия и запрета на въезд государства-члены должны принять собственные национальные правила реализации этих мер, поскольку они не входят в компетенцию Евросоюза.

³ Basic Principles on the Use of Restrictive Measures (Sanctions). Brussels. 07.06.2004. Para. 1 // Council of the European Union. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10198-2004-REV-1/en/pdf> (accessed: 03.12.2024).

⁴ Consolidated Version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union C 326/13. 26.10.2012. Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (accessed: 03.12.2024).

⁵ Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union C 115/47. 09.05.2008. Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:41f89a28-1fc6-4c92-b1c8-03327d1b1ecc.0007.02/DOC_1&format=PDF (accessed: 03.12.2024).

Процесс введения санкций представляет собой высокий уровень взаимодействия между институтами Европейского союза. Наряду с Советом ЕС, играющим ключевую роль, ЕК и Европейская внешнеполитическая служба являются структурами, наиболее вовлеченными в реализацию санкционной политики. Европейский парламент формально не участвует в установлении рестрикций (его лишь информируют о соответствующих решениях ОВПБ), тем не менее он может принимать резолюции с предложениями по изменению санкционного режима, его введению и т.д., которые носят рекомендательный характер.

Таким образом, в Евросоюзе действует централизованная система выработки санкционных режимов, однако их имплементация происходит децентрализованно: соответствующие законы принимает Совет ЕС, а реализация ограничительных мер находится в руках государств-членов. Согласно «Руководству по имплементации и оценке ограничительных мер (санкций)» именно национальные государства должны обеспечить реализацию и информирование рестрикций, установить штрафы, применимые к нарушениям законодательства о санкциях⁶. Обязанностью каждого государства является создание компетентного органа, ответственного за выполнение перечисленных функций. Однако национальные агентства значительно различаются по численности, опыту персонала, имеют разные способности обнаруживать отклонения от санкционных предписаний. Ни «Руководство по имплементации и оценке ограничительных мер (санкций)», ни законодательство ЕС не определяют, какими ресурсами государства-члены должны обладать для обеспечения оптимального соблюдения требований национальными субъектами [Portela, 2020].

В ЕС децентрализована и система предоставления исключений. Несмотря на то что положения являются общими для всех государств-членов, компетентные национальные органы по своему усмотрению отвечают на запросы об исключении из санкционного режима. В рамках автономных режимов санкций ЕС предусмотрено применение двух видов исключений: общих исключений

⁶ Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy. 5664/18. 04.05.2018 // Council of the European Union. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5664-2018-INIT/en/pdf> (accessed: 03.12.2024).

(*exemptions*), когда не требуется предварительное разрешение для осуществления определенных видов деятельности, выведенных из сферы применения общего запрета, и отступлений (*derogations*), предоставляемых соответствующими компетентными органами государств-членов⁷.

В итоге децентрализованный характер привел к тому, что имплементация и правоприменение санкций ЕС делегированы более чем 160 компетентным органам на национальном уровне [Giumelli et al., 2022]. Данная особенность санкционной политики Евросоюза серьезно отличает его от прочих субъектов рестрикций, прежде всего США.

К числу отличий санкционной политики Брюсселя от американской следует отнести и характерные для ЕС подходы к решению вопросов правоприменения и строгости соблюдения санкций. Еще в 2019 г. в докладе исследователей Европейского совета по международным делам отмечалось мнение администрации США о том, что ЕС и страны — члены объединения не обеспечивают должное соблюдение собственных санкций и слабы в правоприменении [Geranmayeh, Rapnouil, 2019]. Действительно, в этом вопросе Брюссель опирается на государства-члены, в которых действуют весьма разнообразные институциональные и правовые установки. В частности, национальное законодательство в области санкционной политики серьезно разнится: штрафы для физических лиц варьируют от 1,2 тыс. до 5 млн евро, а сроки тюремного заключения — от 0,5 до 12 лет (таблица). Однако следует учитывать и то, что в ЕС совершенно иная культура наказания организаций, нарушающих санкции. Как отмечали официальные лица, правоприменительные действия проводятся здесь более ограниченно и менее публично, чем в США, «где обычно стремятся назвать и пристыдить тех, кто уклоняется от санкций» [Geranmayeh, Rapnouil, 2019: 7].

Более того, Брюссель, в отличие от Вашингтона, устанавливает юрисдикционные ограничения для применения своих рестрикций. В «Руководстве по имплементации и оценке ограничительных мер (санкций)» отмечается: «Ограничительные меры ЕС должны приме-

⁷ European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations. Sanctions and Humanitarian Aid // European Commission. Available at: <https://www.dgecho-partners-helpdesk.eu/sanctions/sanctions-and-humanitarian-aid> (accessed: 03.12.2024).

Наказания за нарушения санкций в странах – членах ЕС

Государство — член ЕС	Максимальный срок тюремного заключения за нарушение санкций в странах — членах ЕС, лет	Фиксированные максимальные штрафы, налагаемые на физических лиц за нарушение санкций в странах — членах ЕС, евро
Австрия	5	1,8 млн
Бельгия	5	25 тыс.
Болгария	10	256 тыс.
Венгрия	10	Не фиксирован
Германия	10	500 тыс.
Греция	0,5	500 тыс.
Дания	4	Размер штрафа определяется судьей
Ирландия	3	500 тыс.
Испания	–	1,5 млн
Италия	12	Не фиксирован
Кипр	2	100 тыс.
Латвия	8	1 млн
Литва	5	80 тыс.
Люксембург	5	250 тыс.
Мальта	12	5 млн
Нидерланды	6	87 тыс.
Польша	10	1 млн
Португалия	5	1 млн
Румыния	–	40 тыс.
Словакия	–	66,4 тыс.
Словения	5	125 тыс.
Финляндия	4	Не фиксирован
Франция	5	Не фиксирован
Хорватия	5	6,7 тыс.
Чехия	8	157 тыс.
Швеция	4	15 тыс.
Эстония	5	1,2 тыс.

Источник: составлено автором по материалам The Genocide Network Report⁸

⁸ Данные по странам представлены за 2015 г. и обновлены в 2021 г. Одни государства предусматривали возможность классификации нарушений санкций как

няться только в ситуациях, когда существуют связи с ЕС. Эти ситуации <...> охватывают территорию Европейского союза, воздушные суда или суда государств-членов, граждан государств-членов, компании и другие субъекты, учрежденные или созданные в соответствии с законодательством государств-членов, или любой бизнес, осуществляемый полностью или частично в пределах Европейского союза»⁹. В документе подчеркивается, что «ЕС воздержится от принятия законодательных актов, имеющих экстерриториальное применение, в нарушение международного права. ЕС осудил экстерриториальное применение законодательства третьих стран, вводящего ограничительные меры, которые направлены на регулирование деятельности физических и юридических лиц, находящихся под юрисдикцией государств — членов Европейского союза, как нарушающее международное право»¹⁰.

Однако это не исключало задействования Евросоюзом различных способов расширения охвата своими односторонними ограничениями и увеличения их эффективности. Как отметила профессор права Университета Лилля Ш. Бусилон, хотя ЕС не использовал экстерриториальность в качестве средства мультилатерализации своих рестрикций, в достижении этой цели он прибегал к разным методам формального и неформального характера [Beaucillon, 2021]. Случай формальных мер — Рамочное соглашение по финансовым и административным вопросам (Financial and Administrative Framework Agreement, FAFA)¹¹ между Евросоюзом и ООН, из текста которого вытекает, что ООН обязуется не предоставлять средства, полученные в качестве добровольных взносов от Брюсселя, лицам, на которых распространяются односторонние санкции ЕС [Beaucillon, 2021].

уголовных или административных правонарушений в зависимости от их тяжести, другие — как уголовных преступлений. Две страны, Испания и Словакия, классифицировали нарушение санкций как административное правонарушение [см.: Prosecution of sanctions (restrictive measures) violations..., 2021].

⁹Sanctions Guidelines — update. Brussels. 04.05.2018. P. 19. Para. 51 // Council of the European Union. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5664-2018-INIT/en/pdf> (accessed: 03.12.2024).

¹⁰Ibid. Para. 52.

¹¹Financial and Administrative Framework Agreement between the European Union represented by the European Commission and the United Nations. 2018. Para. 6a // United Nations Development Programme. Available at: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/brussels/un_fafa_consolidated_2018.pdf (accessed: 03.12.2024).

К неформальным средствам можно отнести, например, попытки экспорта односторонних санкций ЕС в третьи страны, что представляет собой классический способ в санкционных практиках, принимающий форму приглашения. В решениях ОВПБ есть стандартное положение: «В целях максимального увеличения воздействия мер, предусмотренных настоящим Решением, Союз должен побуждать третьи страны к принятию аналогичных ограничительных мер»¹².

В качестве яркого примера также можно привести попытки расширения круга субъектов санкций посредством распространения своих ограничительных мер на страны, входящие в орбиту влияния ЕС. К ним относятся государства южного и восточного соседства, однако в вопросах санкционной политики речь идет в первую очередь о кандидатах на вступление в Евросоюз. Для реализации данной задачи в ход могут пойти как мягкие, так и более жесткие методы, в числе которых политика кондициональности (обусловленности).

Таким образом, применяя санкции, Брюссель стремится различными способами расширить круг их субъектов. Можно утверждать, что одна из сущностных черт политики санкций ЕС — многосторонность. Помимо описанных средств Евросоюз также уделяет большое внимание вопросам координации своих действий с союзниками, прежде всего США, и с другими западными партнерами. Данные меры не просто направлены на повышение эффективности санкционных режимов, но и выступают средством большей легитимации односторонних рестрикций.

Следует отметить и ряд других отличительных маркеров санкционной политики ЕС. Прежде всего, он придерживается адресного подхода к применению санкций, предполагающего их нацеливание на режим и его сторонников, а не население страны-мишени в целом¹³. Этот подход также преследует важную для Брюсселя цель

¹² См., например: Consolidated text: Council Decision (CFSP) 2020/1999 of 7 December 2020 concerning restrictive measures against serious human rights violations and abuses. Article 9 // Official Website of the European Union. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02020D1999-20240722> (accessed: 03.12.2024).

¹³ Это, однако, не касается мер экспортного контроля в отношении отдельных стран. См., например: Update EU Best Practices for the Effective Implementation of Restrictive Measures // Council of the European Union. 04.05.2018. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-8519-2018-INIT/en/pdf> (accessed: 03.12.2024); Update of the EU Best Practices for the Effective Implementation of Restrictive Measures // Council of the European Union. 27.06.2022. Available at: <https://www.eu-ropesansctions>.

смягчения гуманитарных последствий его рестрикций. Евросоюз постоянно подчеркивает, что его санкции должны быть разработаны таким образом, чтобы оказать давление на конкретных лиц, минимизируя гуманитарный ущерб и «непредвиденные негативные последствия» для населения стран-мишеней¹⁴. В этом отношении следует также отметить, что ЕС в значительно большей мере, чем США, уделяет внимание вопросам гуманитарных исключений из санкций, проблеме «чрезмерного соблюдения» (оверкомплаенса) рестрикций. Часто подчеркивается, что оверкомплаенс нежелателен¹⁵.

Другая важная особенность санкционной стратегии ЕС — его ценностно-ориентированный подход к применению рестрикций. Внешняя политика Евросоюза, как и санкционная, имеет ярко выраженную ценностную основу. В этом отношении особое значение для анализа международного позиционирования ЕС имеет сигнальная, или коммуникационная, функция его рестрикций, т.е. использование санкций как средства отправки послания стране-мишени о неодобрении ее политики [Giumelli, 2013]. В сообщении Еврокомиссии от 19 января 2021 г. подтверждалось, что санкции «играют решающую роль в отстаивании ценностей ЕС и проецировании его влияния на международной арене»¹⁶. В связи с этим

com/wp-content/uploads/2022/07/June-2022-_-EU-Best-Practices-for-the-effective-implementation-of-restrictive-measures.pdf (accessed: 03.12.2024).

¹⁴ См., например: Basic Principles on the Use of Restrictive Measures (Sanctions). 10198/1/04, REV 1, Brussels. 07.06.2004. Para. 6 // Council of the European Union. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10198-2004-REV-1/en/pdf> (accessed: 03.12.2024); Communication from the Commission to the European Parliament and the Council on the EU's Humanitarian Action: New Challenges, Same Principles // Council of the European Union. 20.05.2021. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-8966-2021-INIT/en/pdf> (accessed: 03.12.2024).

¹⁵ См., например: Commission Guidance Note on the Provision of Humanitarian Aid to Fight the COVID-19 Pandemic in Certain Environments Subject to EU Restrictive Measures. 12.08.2021 // European Commission. Available at: https://www.icpac.org.cy/zePortal/WebFiles/SELK/WebDocuments/Members/Sanctions/2021/210813-humanitarian-aid-guidance-note_en.pdf (accessed: 03.12.2024); Commission Guidance Note on the Provision of Humanitarian Aid in Compliance with EU Restrictive Measures (Sanctions). Brussels. 30.06.2022 // European Commission. Available at: https://finance.ec.europa.eu/document/download/9ad399ee-90f8-4a75-afe0-fa58d44cad6a_en?filename=220630-humanitarian-aid-guidance-note_en.pdf (accessed: 03.12.2024).

¹⁶ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Central Bank, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions. The European economic and financial system: Fostering openness, strength and resilience. Brussels. 19.01.2021 // European Commission. Available at: <https://eur-lex>.

западные ученые отмечают, что санкции Евросоюза также имеют важное дискурсивное измерение [см., например: Jaeger, 2016].

Как показывают эмпирические исследования, практика ограничительных мер как минимум частично подтверждает то, что сущность ЕС как «нормативной силы» отражается в его санкционной политике [см. подробнее: Giumelli et al., 2021] (данный аспект будет отдельно рассмотрен в следующем разделе). Кроме того, образу Евросоюза как проводника нормативной и «мягкой» силы соответствует подчеркнутое акцентирование внимания на нежелательности деструктивного воздействия ограничительных мер на население подсанкционных государств, проблеме оверкомплаенса.

Следует также отметить, что помимо санкций инструментарий ЕС включает меры, которые применяются вне рамок ОВПБ. Такие меры, подобные санкциям (*sanctions-like measures*), официально ими не называются, но выполняют схожие функции. Среди них: прекращение двусторонних переговоров, отмена торговых преференций, отказ в предоставлении кредитов, а также приостановка или сокращение помощи в целях развития [Immenkamp, 2024].

Например, приостановление или ограничение помощи, так называемые соответствующие меры (*appropriate measures*)¹⁷, было предусмотрено ст. 96 Соглашения Котону (2000–2023) о партнерстве ЕС и государств-членов со странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ). В ответ на нарушения прав человека и демократических принципов, обязательство соблюдения которых закреплено в указанном Соглашении, соответствующие меры, включая частичную или полную приостановку помощи, вводились единогласным решением Совета ЕС. На протяжении более двух десятилетий данный механизм неоднократно применялся в отношении государств АКТ. В Соглашении Самоа, принятом в январе 2024 г., ст. 96 была заменена ст. 101 об «урегулировании споров и выполнении обязательств» [Immenkamp, 2024].

europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0032&qid=1611728656387 (accessed: 03.12.2024).

¹⁷ Приостановление помощи не определяется ЕС как чисто санкция, хотя по своему характеру эта мера близка к ней. В документе она называется «соответствующей мерой», т.е. не «рестриктивной». Мера применяется в политических целях. В соответствии с соглашением применение этой меры допустимо в «случаях, вызывающих опасения», оно строго регламентировано.

При этом исследования показывают, что речь идет не столько о приостановлении помощи, сколько о ее переориентации на других бенефициаров и иные цели [см., например: Portela, 2007, 2015]. В частности, приостановка помощи касается бюджетной поддержки, тогда как гуманитарная помощь сохраняется и нередко даже увеличивается за счет перенаправления финансовых средств на проекты, ориентированные на население. Это свидетельствует об адресном характере подобных мер. Одновременно в этой сфере проявляется гетерогенность Евросоюза: приостановление помощи ЕС зачастую сопровождается принятием аналогичных мер государствами-членами, но встречаются и исключения, когда отдельное национальное правительство продолжает оказывать помощь или даже наращивает ее объемы. Подобная модель поведения характерна, например, для Франции в отношении бывших колоний [Portela, 2015].

Следует отметить, что перечисленные особенности ЕС как субъекта санкционной политики находят отражение и в применении других инструментов воздействия. Например, предоставление льготных кредитов Европейского банка реконструкции и развития сопряжено с обязательным соблюдением норм международного права и прав человека [Immenkamp, 2024], что в очередной раз акцентирует ценностно-ориентированный подход ЕС.

Важно подчеркнуть, что рассматриваемые меры имеют разную правовую и институциональную природу: санкции принимаются в рамках ОВПБ, тогда как торговая политика относится к исключительной компетенции ЕС, а помощь развитию находится в совместной компетенции Евросоюза и государств-членов. Это обуславливает вариативность процедур принятия мер в зависимости от их характера и сферы применения. Так, двусторонние переговоры с третьими странами могут быть прекращены посредством неформального решения Совета ЕС или Европейского совета. Приостановка помощи в целях развития требует принятия решения Советом ЕС квалифицированным большинством. В то же время торговые преференции подлежат отмене или восстановлению решением Европейской комиссии. Как и в случае с процедурой введения санкций в рамках ОВПБ, Европейский парламент информируется о соответствующих решениях, однако не участвует в процессе их принятия [Immenkamp, 2024].

Эволюция санкционной политики ЕС: от Маастрихта до специальной военной операции России на Украине

Практика применения Евросоюзом ограничительных мер берет свое начало в 1980-е годы, когда страны — члены Европейского экономического сообщества (ЕЭС) ввели первые рестрикции¹⁸. До этого ЕЭС не прибегало к использованию собственных санкций, государства-члены принимали меры на национальном уровне [Immenkamp, 2024]. Запуск в 1992 г. ОВПБ с принятием Маастрихтского договора закрепил новые формы сотрудничества, в том числе была формализована санкционная политика Брюсселя. В 1999 г. была инициирована Общая политика безопасности и обороны, предоставившая ЕС возможность проводить совместные военные операции, однако именно санкции заняли центральное место в его внешнеполитическом арсенале как ключевое силовое (невоенное) средство решения стратегически значимых проблем безопасности и внешней политики.

Примечательно, что характерной чертой практики применения санкций Брюсселем на протяжении 1990–2000-х годов было отсутствие их ярко выраженного экономического характера [см. подробнее: Portela, 2016]. За редкими исключениями, как в случае с рестрикциями против Югославии¹⁹, торговые отношения между Евросоюзом и странами-мишенями не прекращались. При этом следует отметить уже наметившуюся в тот период и сохраняющуюся по сей день черту ограничительных мер ЕС: увеличение объемов помощи странам-мишеням, в частности гуманитарного содействия и помощи развитию.

Как справедливо отмечала профессор Сингапурского университета менеджмента К. Портела, ввиду этой противоречивой картины неудивительно, что ЕС не воспринимался как значимый субъект политики санкций. На практике главным мотивом введения ограничительных мер оставалось политическое послание, направленное на защиту прав человека и демократических принципов, а не экономическое воздействие на страну-мишень [Portela, 2016]. Этой цели

¹⁸ В частности, в 1980-е годы ЕЭС были введены рестрикции против КНР, Сирии, Ливии, ЮАР и др.

¹⁹ Однако следует учитывать, что в отношении Югославии действовал не автономный санкционный режим ЕС, а международные санкции, введенные СБ ООН.

служили и так называемые умные (точечные, адресные) санкции, применение которых началось на рубеже 1990–2000-х годов. В отличие от всеобъемлющих мер, направленных на целые государства, эти ограничения были ориентированы на отдельных лиц и компании для минимизации политических и гуманитарных издержек. Такая практика стала результатом развернувшихся в то время дебатов между политиками, научным сообществом и гуманитарными организациями в связи с катастрофическими последствиями санкционных режимов против Ирака, Югославии и Гаити. В итоге в 2000-е годы четко обозначился тренд на нацеливание санкций на отдельных лиц и компании, сектора экономики целевых государств, а инициаторы, в числе которых и ЕС, взяли этот инструмент на вооружение [см. подробнее: Оганисян, 2023]. С начала 2000-х годов в документах Евросоюза как важная черта его ограничительных мер выделяется их адресный характер²⁰.

В 1990–2000-е годы наиболее распространенной целью вводимых Брюсселем санкций, как правило, были защита прав человека и продвижение демократии. Таким образом, практика рестриктивных мер позиционировала ЕС как последовательного защитника прав человека на международной арене (рис. 2).

С начала 2010-х годов санкционная политика Евросоюза перешла на новый этап своего развития. В 2010 г. Совет ЕС ввел ограничения против Ирана, вышедшие за рамки требований СБ ООН. Кризис в Кот-д'Ивуаре привел к установлению Брюсселем кратковременного, но весьма сурового режима санкций. Уже в 2011 г. ЕС инициировал введение жесткого санкционного режима против Сирии, задействовав широчайший набор ограничительных мер, имеющихся в его арсенале. Причем, в отличие от Ирана и Кот-д'Ивуара, санкционный режим в отношении Сирии носил автономный характер.

²⁰ См., например: Update EU Best Practices for the Effective Implementation of Restrictive Measures // Council of the European Union. 04.05.2018. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-8519-2018-INIT/en/pdf> (accessed: 03.12.2024); Update of the EU Best Practices for the Effective Implementation of Restrictive Measures // Council of the European Union. 27.06.2022. Available at: https://globalsanctions.com/wp-content/uploads/2022/07/June-2022-_-EU-Best-Practices-for-the-effective-implementation-of-restrictive-measures.pdf (accessed: 03.12.2024); Update of the EU Best Practices for the Effective Implementation of Restrictive Measures. 03.07.2024 // Council of the European Union. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-11623-2024-INIT/en/pdf> (accessed: 03.12.2024).

Рис. 2. Структура санкций ЕС по целям

Источник: составлено автором на основе данных The Global Sanctions Database²¹

Эти ограничения, особенно против Ирана, негативно повлияли на предприятия ЕС в ряде секторов экономики [см. подробнее: Portela, 2016]. Всё это демонстрировало, что в рестрикциях Евросоюза стал усиливаться экономический компонент в противовес прежней практике, фокусировавшейся преимущественно на сигнальных функциях. Данный тренд отразился и на инструментарии Брюсселя. В частности, с 2010-х годов доля торговых и финансовых санкций увеличилась, составив более половины всех ограничений, вводимых ЕС (рис. 3). Что касается целей рестрикций, то на данном этапе они постепенно сместились в сторону обеспечения безопасности, хотя защита прав человека и поддержка демократии остаются важными драйвами санкционной политики ЕС (см. рис. 2). При этом следует отметить, что горизонтальный режим санкций по правам человека, прошедший долгий и сложный путь разработки с 2018 г., был принят только в 2020 г.²²

Введение санкций против Российской Федерации в 2014 г. усилило данные тенденции (новый виток в их развитии наметился с 2022 г., что отдельно будет рассмотрено в следующем разделе статьи). В этом

²¹ См. подробнее о базе данных о санкциях The Global Sanctions Database: [Felbermayr et al., 2020; Kirilakha et al., 2021; Syropoulos et al., 2023].

²² Причем во второй половине 2010-х годов ряд стран — членов ЕС вслед за принятием США «Глобального акта Магнитского» приняли схожие меры на национальном уровне [см. подробнее: Russell, 2020].

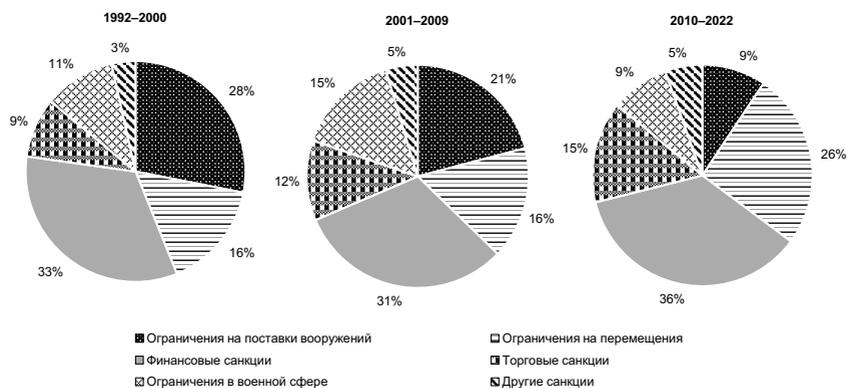

Рис. 3. Структура санкций ЕС по типу

Источник: составлено автором на основе данных The Global Sanctions Database²³

контексте К. Портела отмечает, что «робкая» санкционная практика Евросоюза до 2010 г. выглядит «репетицией», в ходе которой он готовил страны-члены к тому дню, когда его «безобидные ограничения» повлекут за собой реальные издержки для них [Portela, 2016]. В итоге сформировался своего рода консенсус между государствами-членами относительно того, что санкции ЕС могут иметь серьезные экономические и политические последствия.

Во второй половине 2010-х годов санкционная политика Брюсселя столкнулась с серьезными внутренними и внешними вызовами. В частности, одной из проблем стал выход Великобритании из интеграционного объединения, который, как тогда полагали исследователи, мог негативно сказаться на политике санкций ЕС [Jokela, Aula, 2020]. Великобритания традиционно играла ключевую роль в рамках Евросоюза в разработке и инициировании санкционных режимов, обладала широкими возможностями финансовой разведки и выполняла уравнивающую функцию в случае разногласий между Францией и Германией [Jokela, Aula, 2020].

Однако наиболее существенным вызовом для Евросоюза в это время стала санкционная деятельность США, прежде всего американские вторичные санкции. В этот период актуализировалась

²³ См. подробнее о базе данных о санкциях The Global Sanctions Database: [Ferbermayr et al., 2020; Kirilakha et al., 2021; Syropoulos et al., 2023].

проблема их экстерриториальных последствий, вновь после второй половины 1990-х годов став причиной напряженности в отношениях с Вашингтоном. В 2018 г. вслед за выходом США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и введением администрацией Д. Трампа экстерриториальных санкций против Ирана ЕС возобновил²⁴ Блокирующий статут 1996 г.²⁵ и способствовал созданию Инструмента поддержки торговых обменов INSTEX странами «евротройки» — Францией, Германией и Великобританией. Однако эта инициатива охватила только гуманитарные товары, в марте 2020 г. была проведена единственная транзакция для содействия экспорту медицинской продукции из Европы в Иран в период пандемии. В итоге эффективность этих усилий оказалась ограниченной: в 2023 г. INSTEX прекратил свою деятельность, а европейский бизнес был вынужден уйти из Ирана под давлением американских санкций. Тем не менее эти шаги стали важным политическим сигналом о несогласии Брюсселя с действиями США и показателем несоответствия американской политики интересам и целям ЕС [см., например: Потемкина, 2018; Тимофеев, 2019].

Проблемы, вызванные активизацией применения Вашингтоном вторичных санкций на ряде направлений, в числе которых и российское (например, обострение противоречий вокруг «Северного потока-2»), подтолкнули ЕС с конца 2010-х годов к более сплоченной политике, нацеленной на укрепление внутренней координации и защиту от негативных экстерриториальных последствий амери-

²⁴ Commission Delegated Regulation (EU) 2018/1100 of 6 June 2018 amending the Annex to Council Regulation (EC) No 2271/96 protecting against the effects of extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting from the reform // Official Journal of the European Union. L1 199/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1100> (accessed: 03.12.2024).

²⁵ Блокирующий статут 1996 г. был принят для защиты компаний ЕС от экстерриториального применения санкций США, введенных против Кубы в соответствии с Законом Хелмса–Бертон 1996 г. Он применяется к резидентам ЕС и компаниям, зарегистрированным в Европейском союзе, и запрещает им соблюдать экстерриториальные санкции США. В исключительных случаях им может быть разрешено соблюдать соответствующие санкции США, если несоблюдение может нанести серьезный ущерб их интересам или Евросоюзу. См.: Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom // Official Journal of the European Union. L 309. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj> (accessed: 03.12.2024).

канских рестрикций. В опубликованном в декабре 2020 г. докладе Генерального директората ЕС по вопросам внешней политики подчеркивалось, что экстерриториальные санкции США бросают вызов Евросоюзу и государствам-членам и ставят под удар трансатлантические отношения²⁶. В докладе предлагались возможные меры противодействия, среди которых: активизация последовательного непризнания «незаконных экстерриториальных санкций» совместно с третьими странами, содействие европейскому бизнесу в подаче исков в международный инвестиционный арбитраж и американские суды, повышение роли евро в мировой финансовой системе, создание единого координирующего органа по вопросам санкционной политики типа Управления по контролю за иностранными активами США (OFAC), например Агентства ЕС по контролю за иностранными активами (EU-AFAC), и др.²⁷ Данная проблема стала также предметом повышенного интереса европейских исследователей, призывавших в сложившихся реалиях принять конкретные меры для укрепления санкционной политики ЕС, в том числе для повышения его устойчивости перед лицом вторичных ограничений США [см., например: Geranmayeh, Rapnouil, 2019].

У. фон дер Ляйен, возглавившая новую «геополитическую комиссию»²⁸ в 2019 г., подчеркнула необходимость для ЕС в меняющемся геополитическом контексте строить и поддерживать «открытую стратегическую автономию»²⁹. В сообщении Еврокомиссии от 19 января 2021 г. излагался комплекс мер в макроэкономической

²⁶ Extraterritorial sanctions on trade and investments and European responses // Policy Department for External Relations Directorate General for External Policies of the Union. November 2020. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/653618/EXPO_STU\(2020\)653618_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/653618/EXPO_STU(2020)653618_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

²⁷ Ibidem.

²⁸ Вступая в должность, председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен заявила, что возглавит новую «геополитическую комиссию», цель которой — повышение роли Европейского союза на мировой арене. См.: EU strives for more — President-elect von der Leyen unveils her 'geopolitical Commission' // EU Reporter. 10.09.2019. Available at: <https://www.eureporter.co/frontpage/2019/09/10/vdlcommission-president-elect-vonder-leyen-unveils-her-line-up/> (accessed: 03.12.2024).

²⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Europe's moment: Repair and Prepare for the Next Generation. Brussels. 27.05.2020. COM/2020/456 final // European Commission. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020DC0456> (accessed: 03.12.2024).

и финансовой областях как часть более широкого набора действий по укреплению «открытой стратегической автономии» и устойчивости ЕС, среди которых продвижение международной роли евро, укрепление инфраструктуры финансового рынка. В сообщении подчеркивалось, что «полная и единообразная реализация санкций Евросоюза вместе с дополнительными усилиями по противодействию незаконному экстерриториальному применению односторонних санкций к операторам ЕС третьими странами еще больше укрепит стратегический вес ЕС». Одновременно с признанием, что реализация санкций «не столь единообразна в ЕС, как должна быть», была акцентирована необходимость принятия конкретных мер по обеспечению соблюдения санкционных режимов, в числе которых разработка Еврокомиссией репозитория, призванного содействовать оперативному обмену информацией между государствами-членами и ЕК об имплементации и правоприменении санкций, усиление роли Комиссии /вице-президента /Высокого представителя в обеспечении всеобъемлющего надзора за реализацией политики санкций ЕС и др.³⁰

Помимо усилий по укреплению санкционной политики Евросоюза, в числе которых и инициированные У. фон дер Ляйен институциональные реформы, призванные усилить координацию и мониторинг реализации ограничительных мер [см. подробнее: Portela, Olsen, 2023], были предприняты конкретные шаги в иных областях, включая торговлю и помощь развитию. В частности, в условиях глобальной конкуренции и растущего экономического давления на ЕС и государства-члены, одним из примеров которого в Брюсселе считали введение КНР торговых ограничений против Литвы³¹, были приняты меры для защиты объединения и его участников: предложено создать Инструмент противодействия экономическому принуждению (Anti-Coercion Instrument, ACI). Регламентом Европейского парламента и Совета № 2023/2675, вступившим в силу

³⁰ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Central Bank, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions. The European economic and financial system: Fostering openness, strength and resilience. Brussels. 19.01.2021 // European Commission. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0032&qid=1611728656387> (accessed: 03.12.2024).

³¹ Экономическое давление Китая на Литву стало ответом на открытие в 2021 г. в Вильнюсе официального представительства Тайваня.

в 2023 г., такой инструмент был создан и установлены рамки для его применения³². Он призван служить средством сдерживания, прибегать к нему станут лишь в тех случаях, если не удастся урегулировать проблемы с помощью переговоров³³. Иными словами, ЕС подчеркивал именно оборонительный, а не наступательный характер данного механизма.

Наряду с этим для усиления политики помощи развитию был создан Новый инструмент соседства, развития и международного сотрудничества (Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument, NDICI) в целях более эффективного и стратегического использования средств развития. Он направлен на улучшение координации и согласованности между различными аспектами внешней политики ЕС, включая политику помощи в целях развития, гуманитарную помощь и санкции [см. подробнее: Olsen, 2022].

Таким образом, динамика санкционной политики ЕС на протяжении двух десятилетий демонстрирует постепенную модификацию инструментария и целей применения ограничений. В то же время уже на рубеже 2010–2020-х годов усилилась необходимость укрепления как санкционных инструментов, так и других средств политики Евросоюза в условиях нарастания международной напряженности, а также горизонтальных и вертикальных вызовов для ЕС.

Контуры трансформации санкционной политики ЕС

2022 г. открыл новый этап в эволюции политики санкций Евросоюза. Наряду со зримым увеличением объема санкционных ограничений ЕС против России с этого года наблюдаются качественные изменения подхода Брюсселя. Прежде всего, данная трансформация

³² Regulation (EU) 2023/2675 of the European Parliament and of the Council of 22 November 2023 on the protection of the Union and its Member States from economic coercion by third countries // Official Journal of the European Union. 07.12.2023. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R2675> (accessed: 03.12.2024).

³³ Совин В. «Антипринуждающий» инструмент ЕС: очередной шаг в обход международного права // Российский совет по международным делам. 27.12.2023. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antiprinuzhdayushchiy-instrument-es-ocherednoy-shag-v-obkhod-mezhdunarodnogo-prava/> (дата обращения: 03.12.2024).

проявилась в отношении применения Евросоюзом вторичных санкций [Тимофеев, Чуприянова, 2024].

Со второй половины 2022 г. Европейский союз разработал правовой механизм, позволяющий Совету ЕС вводить санкции против лиц и компаний за нарушение его рестрикций. Первые шаги на этом направлении были предприняты еще в рамках 8-го пакета санкций ЕС. Регламентом Совета ЕС № 2022/1905 был расширен перечень оснований для введения санкций в связи с ситуацией на Украине. Данное нововведение позволяет устанавливать ограничения против лиц и компаний, содействующих обходу режимов санкций против России³⁴. Этот шаг демонстрирует растущую готовность ЕС применять санкции за пределами своих территориальных границ, что существенно меняет традиционный подход Евросоюза, прежде избегавшего экстерриториальных санкций. Однако на официальном уровне заявляется обратное. Официальные лица ЕС неоднократно подчеркивали, что санкции не являются экстерриториальными, они работают на его территории, распространяются на его граждан и компании. Цель введенных мер состоит в том, чтобы предотвратить нарушение или обход санкционного режима Евросоюза³⁵.

В 11-й пакет санкций против России, принятый в июне 2023 г., ЕС включил новый инструмент борьбы с обходом. Он позволяет Евросоюзу ограничить продажу, поставку, передачу или экспорт определенных санкционированных товаров и технологий в третьи страны с высоким риском обхода³⁶. Принятие дальнейших пакетов

³⁴ Council Regulation (EU) 2022/1905 of 6 October 2022 amending Regulation (EU) No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // Official Journal of the European Union. L1 259/76. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.LI.2022.259.01.0076.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A259I%3ATOC> (accessed: 03.12.2024).

³⁵ См., например: Якунин И. Обход санкций тянет на срок // Коммерсантъ. 02.12.2022. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5705371> (дата обращения: 03.12.2024); Saiz Erausquin G., Keatinge T. The EU paradox with tackling sanctions circumvention // EURACTIV. 22.11.2023. Available at: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/opinion/the-eu-paradox-with-tackling-sanctions-circumvention/> (accessed: 03.12.2024).

³⁶ Council of the European Union, Council Regulation (EU) 2023/1214 of 23 June 2023, amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. OJ L 195I. 23.06.2023, pp. 1–329, para. 13. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R1214> (accessed: 03.12.2024).

значительно расширило и укрепило практику применения вторичных ограничений. К таким мерам можно отнести экспортный контроль в отношении третьих стран, а также блокирующие санкции против лиц из тех государств, которые участвуют в обходе санкций или содействуют ему. Так, в рамках ст. 3 Регламента Совета ЕС № 269/2014 предусматриваются санкции за содействие обходу ограничений³⁷, ряд компаний из третьих стран были включены в Приложение IV Регламента Совета ЕС № 833/2014, в отношении них действуют расширенные ограничения в области поставок товаров двойного назначения³⁸.

На данный момент практика вторичных санкций ЕС носит весьма ограниченный характер, хотя число подобных рестрикций растет по экспоненте. Как справедливо указывают И.Н. Тимофеев и П.И. Чуприянова, «сравнительно небольшое число случаев применения ограничений позволяет говорить о “сдерживающей” функции вторичных санкций ЕС, нежели принудительной. Целью использования таких ограничений можно считать направление политического сигнала компаниям из третьих стран о рисках прекращения работы с бизнесом стран ЕС» [Тимофеев, Чуприянова, 2024: 51]. Таким образом, несмотря на то что Евросоюз традиционно критиковал экстерриториальное применение санкций, нынешняя ситуация побудила его пересмотреть свои подходы. Появление элементов экстерриториальности в санкционной практике ЕС, хотя и с характерными для него нюансами, в числе которых их ограниченный характер, направленность на борьбу с обходом, подчеркивает изменение парадигмы внешней политики Брюсселя.

В рамках усилий, направленных на решение проблемы обхода санкций, в декабре 2022 г. был учрежден пост специального посланника ЕС по санкциям, на который был назначен опытный дипломат, бывший посол Евросоюза в США Д. О’Салливан. Его миссия

³⁷ Consolidated text: Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // Official Journal of the European Union. L 78/6. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0269-20221006> (accessed: 03.12.2024).

³⁸ Consolidated text: Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. L 229/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20241029> (accessed: 03.12.2024).

состоит в том, чтобы сосредоточиться на реализации санкционных мер и борьбе с их обходом посредством дипломатического взаимодействия с третьими странами³⁹. Среди них прежде всего Объединенные Арабские Эмираты, Турция, Сербия, а также государства постсоветского пространства, которые подозреваются Брюсселем в содействии обходу санкций.

В задачи спецпосланника входит разъяснительная работа с третьими странами, причем взаимодействие осуществляется не только с политическим руководством, но и с главами финансовых институтов, компаний, бизнес-ассоциаций. В ходе такого многоуровневого диалога используются как стимулы, включающие обещания помощи, инвестиций и проч., так и разного рода рестрикции или угрозы их применения. Следует отметить, что подобная практика не является ноу-хау ЕС. Принятие данной меры, по всей видимости, вдохновлено богатым американским опытом в этой области⁴⁰.

Координация действий с международными партнерами стала еще одним направлением активности спецпосланника. В частности, на протяжении 2024 г. Д. О'Салливан провел два Форума координаторов санкций⁴¹, на которых представители государств — членов ЕС и их международных партнеров обсудили вопросы, касающиеся ограничения доступа России к чувствительным технологиям и сокращения ее доходов от продажи нефти, а также проблемы реализации и соблюдения рестрикций. Говоря о международном сотрудничестве, отдельно следует отметить взаимодействие

³⁹ EU appoints David O'Sullivan as International Special Envoy for the Implementation of EU Sanctions. 13.12.2022 // European Commission. Available at: https://ireland.representation.ec.europa.eu/news-and-events/news/eu-appoints-david-osullivan-international-special-envoy-implementation-eu-sanctions-2022-12-13_en (accessed: 03.12.2024).

⁴⁰ Задачи, стоящие перед Д. О'Салливаном, весьма близки к тем, за выполнение которых отвечает Управление по координации санкций Государственного департамента США. В США в такого рода разъяснительной работе с политиками и бизнес-сообществом третьих стран также участвуют представители Министерства финансов, Министерства торговли и т.д.

⁴¹ Statement on the fourth Sanctions Coordinators Forum. 24.09.2024 // European Commission. Available at: https://finance.ec.europa.eu/news/statement-fourth-sanctions-coordinators-forum-2024-09-24_en (accessed: 03.12.2024); Statement on the third Sanctions Coordinators Forum. 13.02.2024 // European Commission. https://finance.ec.europa.eu/news/statement-third-sanctions-coordinators-forum-2024-02-13_en (accessed: 03.12.2024).

с фактическими или потенциальными кандидатами на вступление в ЕС в целях вовлечения их в свои санкционные кампании (такие попытки активно предпринимаются на российском направлении) [Stanicek, Caprile, 2023]. Задача подключения подобных стран к коалиции субъектов санкций также стоит перед специальным посланником.

В одном из своих интервью Д. О'Салливан подчеркнул, что борьба с обходом санкций начинается дома⁴², а это означает, что важным и в то же время весьма чувствительным для государств-членов направлением его работы является устранение разногласий внутри объединения. Так, беспрецедентный масштаб и охват рестрикций, введенных ЕС против России после 2022 г., выявил существенные проблемы, связанные с их имплементацией и правоприменением, включая несогласованность подходов национальных правительств. Хотя, как было отмечено, важность усилий на данном треке подчеркивалась и ранее, с 2022 г. именно под воздействием российского фактора стали предприниматься более деятельные попытки их реализации.

28 ноября 2022 г. Совет ЕС принял решение добавить нарушение рестриктивных мер в перечень «преступлений ЕС» в соответствии со ст. 83(1) ДФЕС⁴³. Это решение позволило Европейской комиссии инициировать процесс гармонизации правовых норм и стандартов наказаний за такие нарушения на уровне Евросоюза⁴⁴. Директива Европейского парламента и Совета № 2024/1226 от 24 апреля 2024 г.

⁴² См., например: Jones M.G. Clampdown on the evasion of sanctions against Russia should 'start at home' — EU envoy // Yahoo! News. 07.12.2023. Available at: https://www.yahoo.com/news/clampdown-evasion-sanctions-against-russia-131159641.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly93d3cuZ29vZ2xlLnJlLW&guce_referrer_sig=AQAAAGgjoYKLaqyAq8W2-b-7Twh2aFaBUk5Gp4Oni2-Mepyuqy-AcHZyeByEqpXmiofi-oxLUbpclozZ9DM6irKt7LdGUq8_nTlDcmMYEb9ns4pL_7UXpXDCUR5TDQtKtR95uOYymastKIRrBGT72-2n6tbPdQDid8GYaXcvZmBILeh (accessed: 03.12.2024).

⁴³ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Towards a Directive on criminal penalties for the violation of Union restrictive measures. Brussels. 25.05.2022. COM(2022) 249 final // European Commission. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022DC0249> (accessed: 03.12.2024).

⁴⁴ См. подробнее: Harmonisation of criminal offences and penalties for the violation of EU sanctions // European Parliamentary Research Service. March 2024. Available at [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2024/759618/EPRS_ATA\(2024\)759618_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2024/759618/EPRS_ATA(2024)759618_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

вступила в силу 19 мая 2024 г., а 29 апреля была опубликована в Официальном журнале ЕС⁴⁵. Этот документ призван обеспечить последовательное и эффективное соблюдение санкций ЕС и устанавливает существенные требования к государствам-членам. Иными словами, принятие данной меры позволяет продвинуться в процессе гармонизации подходов, обеспечив единообразие в их определении и правоприменении.

С 2022 г. практика уголовного преследования властей стран — членов ЕС за нарушение антироссийских санкций заметно расширилась, причем, в отличие от США, информация о многих из них не публикуется в открытых источниках⁴⁶, что также подтверждает относительно более умеренный подход Брюсселя в этой области. Кроме того, с марта 2022 г. начал свою работу Инструмент информирования о нарушениях санкций ЕС (EU Sanctions Whistleblower Tool), анонсированный в рамках инициатив Еврокомиссии еще в январе 2021 г. Он направлен на содействие анонимным сообщениям о нарушениях или попытках нарушения санкций⁴⁷.

Среди иных мер, принимаемых или разрабатываемых ЕС в нынешних условиях, следует отметить усилия в области координации принципов экспортного контроля между государствами-членами⁴⁸, создание нормативно-правового механизма, позволяющего направлять прибыль от замороженных российских активов на восстановле-

⁴⁵ Directive (EU) 2024/1226 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on the definition of criminal offences and penalties for the violation of Union restrictive measures and amending Directive (EU) 2018/1673 // Official Journal of the European Union. 29.04.2024. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401226 (accessed: 03.12.2024).

⁴⁶ Harmonisation of criminal offences and penalties for the violation of EU sanctions // European Parliamentary Research Service. March 2024. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2024/759618/EPRS_ATA\(2024\)759618_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2024/759618/EPRS_ATA(2024)759618_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

⁴⁷ EU sanctions whistleblower tool // European Commission. Available at: https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/overview-sanctions-and-related-resources/eu-sanctions-whistleblower-tool_en (accessed: 03.12.2024).

⁴⁸ В январе 2024 г. Еврокомиссия опубликовала Белую книгу, отражающую предложения в области координации мер экспортного контроля между государствами — членами ЕС. White Paper on Export Controls. Brussels. 24.01.2024. COM(2024) 25 final // European Commission. Available at: https://www.fecc.org/wp-content/uploads/2024/02/European-Commission-White-Paper-on-Export-Controls_January-2024.pdf (accessed: 03.12.2024).

ние Украины⁴⁹, обсуждение вопроса о внедрении в процесс принятия решений по санкциям процедуры голосования квалифицированным большинством и др.

В целом изменения в санкционной политике ЕС свидетельствуют о более широкой институциональной трансформации, усиливающей роль наднациональных структур. Формулирование и введение санкций по-прежнему происходят в рамках межправительственного взаимодействия, в котором доминирующую роль играют государства-члены. Это отражает стремление национальных правительств сохранить контроль над этим направлением политики, оставляя Еврокомиссии второстепенную роль. Однако (и это отмечается в докладе, подготовленном для Комитета по иностранным делам Европейского парламента) с 2022 г. баланс между институтами ЕС заметно сместился в пользу Еврокомиссии, особенно в связи с ее возрастающей ролью в процессе планирования и координации санкционных мер против России. Этот сдвиг согласуется с заявленной амбицией ЕК стать геополитическим актором, способным оперативно реагировать на вызовы и отстаивать стратегические интересы Брюсселя [Portela, Olsen, 2023]. Одновременно Европейский парламент начал проявлять возрастающую активность в вопросах санкционной политики ЕС, запрашивать введение новых режимов ограничительных мер или усиление существующих. Однако отсутствие у него формальных полномочий в процессе принятия решений о санкциях ограничивает его реальное влияние [Portela, Olsen, 2023].

Представляется, что запрос на рост субъектности наднациональных органов в санкционной политике постепенно стал усиливаться с конца 2010-х годов на фоне растущих вызовов для ЕС в связи с применением США вторичных санкций. Тем не менее, несмотря на признание проблем, в тот период желание национальных элит сохранить за собой рычаги влияния доминировало. С 2022 г. этот запрос усиливается на фоне обострения проблем в сфере безопасности. В новых реалиях российский фактор сыграл консолидирующую роль для Евросоюза. Большинство стран-членов продемонстрировали готовность содействовать уменьшению дифференциации подходов

⁴⁹ В 2024 г. ЕС уступил давлению со стороны США по вопросу о конфискации российских активов, несмотря на серьезные опасения по поводу последствий данных мер.

внутри ЕС и минимизации гетерогенности. В этой связи с новой силой разгорелись дискуссии о создании европейского аналога OFAC, не реализованного до сих пор по объективным причинам, а также наметилась интенсификация процессов централизации в санкционной политике, получивших в некоторых сферах практическое воплощение.

* * *

Сегодня наблюдается трансформация политики санкций ЕС, в последние десятилетия ставшей для объединения важным средством защиты и продвижения его интересов и инструментом укрепления своих позиций на международной арене. Некоторые из направлений трансформации начали выкристаллизовываться уже на рубеже 2010–2020-х годов, но их реализация ускорилась именно под воздействием российского фактора, заставившего государства-члены искать баланс между коллективными и национальными интересами. Динамика санкционной политики ЕС с 2022 г. демонстрирует движение в сторону более жесткого подхода, которое выражается в стремлении Брюсселя минимизировать возможности для обхода рестрикций и укрепить свою роль в международной системе регулирования.

В частности, важным сдвигом в санкционной политике ЕС стал медленный, но устойчивый тренд на расширение практики вторичных санкций, пусть и сопровождающийся значительными дипломатическими и имиджевыми рисками для объединения. Появление элементов экстерриториальности в санкционной политике Евросоюза, хотя и с характерными для него нюансами, стало индикатором серьезной и в то же время чувствительной трансформации ЕС как субъекта рестрикций и международного актора в целом. Помимо этого появляются новые для Евросоюза формы взаимодействия с третьими странами в целях минимизации обхода санкций, в том числе учреждение поста специального посланника ЕС по санкциям. Однако следует подчеркнуть, что многие «узкие места», изъяны в санкционной политике Евросоюза, среди которых проблема обхода санкций, не есть явление, связанное исключительно с российским кейсом. Потому, не отрицая важности российского направления, следует подчеркнуть, что эту трансформацию политики ограничительных мер Брюсселя необходимо анализировать в более широком контексте.

Так, можно заметить, что санкционная политика ЕС в целом сейчас приобретает всё более реалистскую природу, хотя и с сохранением ценностной составляющей — акцента на продвижении демократии и защите прав и свобод человека. Императивы обеспечения безопасности сильнее определяют политику санкций ЕС, как страновых, так и горизонтальных⁵⁰. В частности, среди приоритетов новой ЕК, вновь возглавляемой У. фон дер Ляйен, на 2024–2029 гг. отмечается необходимость усилить «стратегический подход к санкциям, чтобы гарантировать, что мы можем гибко реагировать на новые угрозы», прежде всего гибридные атаки на ЕС и входящие в его состав государства⁵¹. Равным образом в последние годы можно наблюдать явный отход санкционной практики Евросоюза от узкой адресности, которая традиционно была ее характерной чертой. Эти тенденции всё больше девальвируют роль Брюсселя как нормативной силы, что в свою очередь говорит о трансформации природы ЕС как международного субъекта. Об этом свидетельствует и наметившаяся в последние годы проактивная роль Еврокомиссии в разработке ограничительных мер, что существенно меняет институциональный баланс в ее пользу, способствуя усилению наднационального начала и реализации ее стратегической цели стать «геополитической комиссией» [Portela, Olsen, 2023]. Перспективы реализации этих амбиций, равно как и развития санкционной политики ЕС, во многом будут зависеть от международного контекста и способности объединения согласовать между собой широкую палитру интересов государств-членов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапова Е.Я., Кудинов А.С. Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 151–165. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.11.
2. Невоенные угрозы безопасности ЕС / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева, Е.Г. Черкасовой. М.: Весь мир, 2023.

⁵⁰ Данная тенденция проявляется также и в специфике применения Евросоюзом иных инструментов, в числе которых торговая политика и помощь развитию.

⁵¹ Europe's Choice. Political Guidelines for the next European Commission 2024–2029. Ursula von der Leyen, Candidate for the European Commission President. Strasbourg. 18 July 2024. Available at: https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en?filename=Political%20Guidelines%202024-2029_EN.pdf (accessed: 03.12.2024).

3. Оганисян Л.Д. Гуманитарная помощь под санкциями: от постановки проблемы к поискам решений // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 116–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-116-152.

4. Потемкина О.Ю. Блокирующий статут как инструмент суверенной торговой политики ЕС. Аналитическая записка № 50. Институт Европы РАН, 2018. Доступ: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an146.pdf?ysclid=m5wldodoic279776329> (дата обращения: 03.12.2024).

5. Потемкина О.Ю. Миграционный кризис и политика Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 38–60.

6. Прохоренко И.Л. Внешнеполитическая стратегия Европейского Союза и проблема регулирования миграционного кризиса // Год планеты: Ежегодник. Вып. 2016 г. / Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьёва. М.: Идея-Пресс, 2016. С. 178–186.

7. Саргсян А.М. Эволюция нормативно-правовой базы применения экономических санкций на пространстве Европейского союза // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 236–249.

8. Сергеев Е.А., Воротников В.В. Стратегия Европейского союза в условиях глобальной перестройки: автономия или эвтаназия? М.: МГИМО-Университет, 2023.

9. Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. Европейский союз: архитектура внешней политики. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

10. Тимофеев И.Н. Европа под огнем вторичных санкций США. Специальный доклад клуба «Валдай» для ПМЭФ-2019 // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 05.06.2019. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/evropa-pod-ognem-sanktsiy/?ysclid=m5wleyqtuo887087425> (дата обращения: 03.12.2024).

11. Тимофеев И.Н. Политика санкций Европейского союза. Опыт событийного анализа // Современная Европа. 2021. № 2. С. 17–27. DOI: 10.15211/soveurope220211727.

12. Тимофеев И.Н., Чуприянова П.И. Политика санкций ЕС в отношении России после февраля 2022 г.: направления изменений // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2. № 2 (6). С. 43–59. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59.

13. Beaucillon C. The European Union's position and practice with regard to unilateral and extraterritorial sanctions // Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions / Ed. by C. Beaucillon. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Ltd, 2021. P. 110–129.

14. Biersteker T., Portela C. EU sanctions in context: Three types // European Union Institute for Security Studies. July 2015. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/192691/Brief_26_EU_sanctions.pdf (accessed: 03.12.2024).

15. De Vries A.W., Hazelzet H. The EU as a new actor on the sanctions scene // International sanctions. Between words and wars in the global system / Ed. by P. Wallensteen, C. Staibano. Oxon: Routledge, 2005. P. 95–107.

16. Felbermayr G., Kirilakha A., Syropoulos C. et al. The Global Sanctions Data Base // European Economic Review. 2020. Vol. 129. P. 1–23.

17. Geranmayeh E., Rapnouil M.L. Meeting the challenge of secondary sanctions // European Council on Foreign Relations. June 2019. Available at: https://ecfr.eu/archive/page/-/4_Meeting_the_challenge_of_secondary_sanctions.pdf (accessed: 03.12.2024).

18. Giumelli F. How EU sanctions work: A new narrative. Paris: EU Institute for Security Studies, 2013.

19. Giumelli F., Geelhoed W., De Vries M., Molesini A. United in diversity? A study on the implementation of sanctions in the European Union // Politics and Governance. 2022. Vol. 10. No. 1. P. 36–46. DOI: 10.17645/pag.v10i1.4702.

20. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The when, what, where and why of European Union sanctions // European Security. 2021. Vol. 30. No. 1. P. 1–23.

21. Immenkamp B. EU sanctions: A key foreign and security policy instrument // European Parliament. April 2024. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/760416/EPRS_BRI\(2024\)760416_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/760416/EPRS_BRI(2024)760416_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

22. Jaeger M.D. Constructing sanctions: Rallying around the target in Zimbabwe // Cambridge Review of International Affairs. 2016. Vol. 29. No. 3. P. 952–969.

23. Jokela J., Aula I. Brexit and an independent UK sanctions policy // Sharpening EU sanctions policy / Ed. by N. Helwig, J. Jokela, C. Portela. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2020. P. 61–71.

24. Kirilakha A., Felbermayr G., Syropoulos C. et al. The Global Sanctions Data Base: An update that includes the years of the Trump presidency // The research handbook on economic sanctions / Ed. by P. van Bergeijk. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Ltd, 2021. Available at: <https://china.elgaronline.com/edcollbook/edcoll/9781839102714/9781839102714.xml> (accessed: 03.12.2024).

25. Matthijs M., Meunier S. Europe's geoeconomic revolution. How the EU learned to wield its real power // Foreign Affairs. 22.08.2023. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/europe/european-union-geoeconomic-revolution> (accessed: 03.12.2024).

26. Meissner K., Graziani C. The transformation and design of EU restrictive measures against Russia // Journal of European Integration. 2023. Vol. 45. No. 3. P. 377–394. DOI: 10.1080/07036337.2023.2190105.

27. Olsen K.B. Diplomatic realisation of the EU's 'geoeconomic pivot': Sanctions, trade, and development policy reform // *Politics and Governance*. 2022. Vol 10. No. 1. P. 5–15. DOI: 10.17645/pag.v10i1.4739.

28. Portela C. Aid suspensions as coercive tools? The European Union's experience in the African-Caribbean-Pacific (ACP) context // *Review of European and Russian Affairs*. 2007. Vol. 3. No. 2. P. 38–53.

29. Portela C. How the EU learned to love sanctions // *European Council on Foreign Relations*. 12.04.2016. Available at: https://ecfr.eu/article/essay_how_the_eu_learned_to_love_sanctions/ (accessed: 03.12.2024).

30. Portela C. Implementation and enforcement // *Sharpening EU sanctions policy* / Ed. by N. Helwig, J. Jokela, C. Portela. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2020. P. 88–98.

31. Portela C. Member states' resistance to EU foreign policy sanctions // *European Foreign Affairs Review*. 2015. Vol. 20. No. 3. P. 39–61.

32. Portela C., Olsen K.B. Implementation and monitoring of the EU sanctions' regimes, including recommendations to reinforce the EU's capacities to implement and monitor sanctions // *European Parliament*. October 2023. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2023/702603/EXPO_STU\(2023\)702603_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2023/702603/EXPO_STU(2023)702603_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

33. Prosecution of sanctions (restrictive measures) violations in national jurisdictions: A comparative analysis // *European Union Agency for Criminal Justice Cooperation*. December 2021. Available at: https://www.eurojust.europa.eu/sites/default/files/assets/genocide_network_report_on_prosecution_of_sanctions_restrictive_measures_violations_23_11_2021.pdf (accessed: 03.12.2024).

34. Riddervolda M., Riekera P. Finally coming of age? EU foreign and security policy after Ukraine // *European Security*. 2024. Vol. 33. No. 3. P. 497–516.

35. Russell M. EU human rights sanctions. Towards a European Magnitsky Act. *European Parliament*. December 2020. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/659402/EPRS_BRI\(2020\)659402_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/659402/EPRS_BRI(2020)659402_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

36. Stanicek B., Caprile A. Russia and the Western Balkans: Geopolitical confrontation, economic influence and political interference // *European Parliament*. April 2023. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/747096/EPRS_BRI\(2023\)747096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/747096/EPRS_BRI(2023)747096_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

37. Syropoulos C., Felbermayr G., Kirilakha A. et al. The Global Sanctions Data Base — Release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions // *Review of International Economics*. 2023. P. 1–42.

38. Zamfir I. Towards an EU global sanctions regime for corruption // *European Parliament*. February 2023. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/739340/EPRS_BRI\(2023\)739340_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/739340/EPRS_BRI(2023)739340_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

REFERENCES

1. Арапова Е.Я., Kudinov A.S. 2022. Osobennosti sanktsionnogo regulirovaniya v SShA, ES i Velikobritanii: sravnitel'nyi analiz [International sanctions legislation in the U.S., EU and UK: A comparative study]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 151–165. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.11. (In Russ.)
2. Arbatova N.K., Kokeev A.M., Cherkasova E.G. (eds.). 2023. *Nevoennye ugrozy bezopasnosti ES* [Non-military threats to the EU security]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)
3. Oganisyan L.D. 2023. Gumanitarnaya pomoshch' pod sanktsiyami: ot postanovki problemy k poiskam reshenii [Humanitarian aid under sanctions: From the problem statement to the search for solutions]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 116–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-116-152. (In Russ.)
4. Potemkina O.Yu. 2018. *Blokiruyushchii statut kak instrument suverennoi torgovoi politiki ES* [The blocking statute as an instrument of the EU sovereign trade policy]. Research paper No. 50. Institute of Europe RAS Publ. Available at: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an146.pdf?ysclid=m5wldodoic279776329> (accessed: 03.12.2024). (In Russ.)
5. Potemkina O.Yu. 2016. Migratsionnyi krizis i politika Evropeiskogo soyuza [Migration crisis and the European Union policy]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 4, pp. 38–60. (In Russ.)
6. Prokhorenko I.L. 2016. Vneshnepoliticheskaya strategiya Evropeiskogo Soyuzha i problema regulirovaniya migratsionnogo krizisa [The European Union global strategy and the problem of the European refugee and migrant crises management]. In: Baranovsky V.G., Solov'ev E.G. (eds.). *God planety: Ezhegodnik. Vyp. 2016 g.* [Year of the planet: Yearbook 2016]. Moscow, Ideya-Press, pp. 178–186. (In Russ.)
7. Sargsyan A.M. 2011. Evolyutsiya normativno-pravovoi bazy primeneniya ekonomicheskikh sanktsii na prostranstve Evropeiskogo soyuza [Evolution of the European Union legislation on economic sanctions]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 3, pp. 236–249. (In Russ.)
8. Sergeev E.A., Vorotnikov V.V. 2023. *Strategiya Evropeiskogo soyuza v usloviyakh global'noi perestroiki: avtonomiya ili evtanaziya?* [European Union's strategy in a transforming world: Autonomy or euthanasia?] Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)
9. Strezhneva M.V., Rudenkova D.E. 2016. *Evropeiskii soyuz: arkhitektura vneshnei politiki* [European Union: The architecture of foreign policy]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
10. Timofeev I.N. 2019. *Evropa pod ognem vtorichnykh sanktsii SShA* [Europe under fire from US secondary sanctions]. Valdai Discussion Club. Available at:

<https://ru.valdaiclub.com/a/reports/evropa-pod-ognyem-sanktsiy/?ysclid=m5wleyqtuo887087425> (accessed: 03.12.2024). (In Russ.)

11. Timofeev I.N. 2021. Politika sanktsii Evropeiskogo soyuza. Opyt sobytiinogo analiza [Approaching the EU sanctions policy. An experiment with event analysis]. *Contemporary Europe*, no. 2, pp. 17–27. DOI: 10.15211/soveurope220211727. (In Russ.)

12. Timofeev I.N., Chupriyanova P.I. 2024. Politika sanktsii ES v otnoshenii Rossii posle fevralya 2022 g.: napravleniya izmenenii [EU sanctions policy toward Russia after February 2022: Major transformation trends]. *Sovremennaya mirovaya ekonomika*, vol. 2, no. 2 (6), pp. 43–59. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59. (In Russ.)

13. Beaucillon C. 2021. The European Union's position and practice with regard to unilateral and extraterritorial sanctions. In: Beaucillon C. (ed.). *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, Edward Elgar Publishing Ltd, pp. 110–129.

14. Biersteker T., Portela C. 2015. *EU sanctions in context: Three types*. European Union Institute for Security Studies. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/evropa-pod-ognyem-sanktsiy/?ysclid=m5wleyqtuo887087425> (accessed: 03.12.2024).

15. De Vries A.W., Hazelzet H. 2005. The EU as a new actor on the sanctions scene. In: Wallensteen P., Staibano C. (eds.). *International sanctions. Between words and wars in the global system*. Oxon: Routledge, pp. 95–107.

16. Felbermayr G., Kirilakha A., Syropoulos C. et al. 2020. The Global Sanctions Data Base. *European Economic Review*, vol. 129, pp. 1–23.

17. Geranmayeh E., Rapnouil M.L. 2019. *Meeting the challenge of secondary sanctions*. European Council on Foreign Relations. Available at: https://ecfr.eu/archive/page/-/4_Meeting_the_challenge_of_secondary_sanctions.pdf (accessed: 03.12.2024).

18. Giumelli F. 2013. *How EU sanctions work: A new narrative*. Paris, EU Institute for Security Studies.

19. Giumelli F., Geelhoed W., De Vries M., Molesini A. 2022. United in diversity? A study on the implementation of sanctions in the European Union. *Politics and Governance*, vol. 10, no. 1, pp. 36–46. DOI: 10.17645/pag.v10i1.4702.

20. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. 2021. The when, what, where and why of European Union sanctions. *European Security*, vol. 30, no. 1, pp. 1–23.

21. Immenkamp B. 2024. *EU sanctions: A key foreign and security policy instrument*. European Parliament. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/760416/EPRS_BRI\(2024\)760416_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/760416/EPRS_BRI(2024)760416_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

22. Jaeger M.D. 2016. Constructing sanctions: Rallying around the target in Zimbabwe. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 29, no. 3, pp. 952–969.

23. Jokela J., Aula I. 2020. Brexit and an independent UK sanctions policy. In: Helwig N., Jokela J., Portela C. (eds.). *Sharpening EU sanctions policy*. Helsinki, Finnish Institute of International Affairs, pp. 61–71.

24. Kirilakha A., Felbermayr G., Syropoulos C. et al. 2021. The Global Sanctions Data Base: An update that includes the years of the Trump presidency. In: Bergeijk P. van (ed.). *The research handbook on economic sanctions*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, Edward Elgar Publishing Ltd. Available at: <https://china.elgaronline.com/edcollbook/edcoll/9781839102714/9781839102714.xml> (accessed: 03.12.2024).

25. Matthijs M., Meunier S. 2023. Europe's geoeconomic revolution. How the EU learned to wield its real power. *Foreign Affairs*. August 22. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/europe/european-union-geoeconomic-revolution> (accessed: 03.12.2024).

26. Meissner K., Graziani C. 2023. The transformation and design of EU restrictive measures against Russia. *Journal of European Integration*, vol. 45, no. 3, pp. 377–394. DOI: 10.1080/07036337.2023.2190105.

27. Olsen K.B. 2022. Diplomatic realisation of the EU's 'geoeconomic pivot': Sanctions, trade, and development policy reform. *Politics and Governance*, vol. 10, no. 1, pp. 5–15. DOI: 10.17645/pag.v10i1.4739.

28. Portela C. 2007. Aid suspensions as coercive tools? The European Union's experience in the African-Caribbean-Pacific (ACP) context. *Review of European and Russian Affairs*, vol. 3, no. 2, pp. 38–53.

29. Portela C. 2016. *How the EU learned to love sanctions*. European Council on Foreign Relations. April 12. Available at: https://ecfr.eu/article/essay_how_the_eu_learned_to_love_sanctions/ (accessed: 03.12.2024).

30. Portela C. 2020. Implementation and enforcement. In: Helwig N., Jokela J., Portela C. (eds.). *Sharpening EU sanctions policy*. Helsinki, Finnish Institute of International Affairs, pp. 88–98.

31. Portela C. 2015. Member states' resistance to EU foreign policy sanctions. *European Foreign Affairs Review*, vol. 20, no. 3, pp. 39–61.

32. Portela C., Olsen K.B. 2023. *Implementation and monitoring of the EU sanctions' regimes, including recommendations to reinforce the EU's capacities to implement and monitor sanctions*. European Parliament. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2023/702603/EXPO_STU\(2023\)702603_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2023/702603/EXPO_STU(2023)702603_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

33. *Prosecution of sanctions (restrictive measures) violations in national jurisdictions: A comparative analysis*. 2021. European Union Agency for Criminal Justice Cooperation. Available at: https://www.eurojust.europa.eu/sites/default/files/assets/genocide_network_report_on_prosecution_of_sanctions_restrictive_measures_violations_23_11_2021.pdf (accessed: 03.12.2024).

34. Riddervolda M., Riekera P. 2024. Finally coming of age? EU foreign and security policy after Ukraine. *European Security*, vol. 33, no. 3, pp. 497–516.

35. Russell M. 2020. *EU human rights sanctions. Towards a European Magnitsky Act*. European Parliament. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/659402/EPRS_BRI\(2020\)659402_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/659402/EPRS_BRI(2020)659402_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

36. Stanicek B., Caprile A. 2023. *Russia and the Western Balkans: Geopolitical confrontation, economic influence and political interference*. Briefing, European Parliamentary Research Service. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/747096/EPRS_BRI\(2023\)747096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/747096/EPRS_BRI(2023)747096_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

37. Syropoulos C., Felbermayr G., Kirilakha A. et al. 2023. The Global Sanctions Data Base — Release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions. *Review of International Economics*, pp.1–42.

38. Zamfir I. 2023. *Towards an EU global sanctions regime for corruption*. European Parliament. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/739340/EPRS_BRI\(2023\)739340_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/739340/EPRS_BRI(2023)739340_EN.pdf) (accessed: 03.12.2024).

Статья поступила в редакцию 03.12.2024;
одобрена после рецензирования 04.01.2025;
принята к публикации 15.01.2025

The paper was submitted 03.12.2024;
approved after reviewing 04.01.2025;
accepted for publication 15.01.2025

ИДЕОЛОГИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-94

Научная статья / Research paper

П.А. Шариков*

«ТРАМПИЗМ» КАК ДОМИНИРУЮЩЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ США В 2020-Е ГОДЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

*«Институт Европы Российской академии наук»,
125009, Москва, Моховая ул., 11, стр. 3*

Убедительная победа Д. Трампа на президентских выборах в США в 2024 г. заставляет по-новому взглянуть на природу «трампизма», который уже однозначно заявил о себе не как о какой-то кратковременной и случайной флуктуации в политической жизни Соединенных Штатов, а как об устойчивом и мощном общественном феномене. В настоящей статье предпринимается попытка выявить истоки и основные идеологические составляющие этого феномена, рассмотрев его в контексте современных политических процессов, развернувшихся внутри Республиканской партии. В первом разделе статьи прослеживаются изменения в подходе Д. Трампа к выстраиванию отношений с республиканским истеблишментом. Отмечается, что благоприятная внутривнутриполитическая конъюнктура и обновленная предвыборная стратегия Д. Трампа позволили ему в 2024 г. укрепить свои электоральные позиции как на региональном, так и на федеральном уровнях республиканской партийной организации, что резко контрастирует с избирательной кампанией 2016 г., когда он воспринимался как «внесистемный» игрок и аутсайдер. Во втором разделе раскрывается суть идеологии «трампизма» в контексте президентских выборов 2024 г. Подчеркивается, что, хотя Д. Трамп в ходе выборов дистанцировался от

* Шариков Павел Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН; старший научный сотрудник Центра трансатлантической безопасности МГИМО МИД РФ (e-mail: pasha.sharikov@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0714-9978).

наиболее радикальных инициатив крайне правой части республиканского истеблишмента, его риторика носила ярко выраженный консервативный и наступательный характер на фоне примирительной программы демократов. В заключение делается вывод, что «трампизм» превратился в мощное самостоятельное движение в рамках Республиканской партии и в таком качестве сохранит свое влияние и в последующие годы. В то же время можно утверждать, что победа Д. Трампа и Республиканской партии в США в действительности отражают более широкий тренд на усиление правых идеологий по всему миру. В этом отношении особенный интерес представляет кейс Европейского союза. Встает вопрос, как отразится победа Д. Трампа на позициях европейских консервативных и правопопулистских партий и движений.

Ключевые слова: Д. Трамп, «трампизм», Республиканская партия, США, двухпартийная система, популизм, «Кокус свободы», правые консерваторы, национализм, МАГА

Для цитирования: Шариков П.А. «Траманизм» как доминирующее движение в Республиканской партии США в 2020-е годы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 70–94. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-94.

Pavel A. Sharikov

'TRUMPISM' AS A DOMINANT MOVEMENT IN THE U.S. REPUBLICAN PARTY IN THE 2020s

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

*Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009*

Donald Trump's decisive victory in the 2024 U.S. presidential election offers a fresh perspective on the nature of 'Trumpism', which has now firmly established itself not as a temporary or accidental fluctuation in U.S. political life, but as a stable and powerful social phenomenon. This article attempts to identify the origins and key ideological components of this trend, examining it in the context of contemporary political processes within the Republican Party. The first section of the article traces the changes in Trump's approach to building relationships with the Republican establishment. It highlights that there were favorable domestic political conditions and an updated campaign strategy that

allowed Trump to solidify his electoral position at both regional and federal levels in 2024. This marks a sharp contrast with the 2016 campaign, where he was viewed as an 'outsider' and a disruptive actor. The second section delves into the ideology of 'Trumpism' in the context of the 2024 presidential election. It notes that while Trump distanced himself from the most radical initiatives of the far-right faction of the Republican establishment during the campaign, his rhetoric was distinctly conservative and combative, especially when contrasted with the conciliatory platform of the Democrats. In conclusion, the article argues that 'Trumpism' has evolved into a powerful, independent movement within the Republican Party, one that is likely to maintain its influence in the years to come. At the same time, it suggests that Trump's and the Republican Party's victory in the U.S. reflects a broader global trend towards strengthening right-wing ideologies. In this regard, the case of the European Union is particularly noteworthy. It raises the question of how Trump's victory will impact the positions of conservative and right-populist parties and movements across Europe.

Keywords: Donald Trump, 'Trumpism', Republican Party, USA, bipartisan system, populism, 'Freedom caucus', right wing conservatism, nationalism, MAGA

About the author: Pavel A. Sharikov — PhD (Political Science), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO University (e-mail: pasha.sharikov@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0714-9978).

For citation: Sharikov P.A. 2024. 'Trumpism' as a dominant movement in the U.S. Republican Party in the 2020s. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 70–94. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-94. (In Russ.)

Две основные американские партии, Демократическая и Республиканская, фактически монополизировали политические процессы в США. Из-за их доминирующей позиции влияние третьих партий незначительно, а любые существенные изменения в политической системе происходят через внутрипартийные трансформации либо в Демократической партии, либо в Республиканской.

Обе они представляют собой сетевые структуры, которые имеют доминирующее влияние в каждом штате, включающие не только поддержку избирателей, но и наличие финансовых доноров, представителей в региональных и местных органах власти, гражданские

объединения, идеологию и множество других различных аспектов. В результате никакая другая политическая сила не в состоянии составить сколь-нибудь заметную конкуренцию демократам и республиканцам. При этом сами партии подвержены внутренним изменениям в зависимости от текущей конъюнктуры [Каневский, 2024; Согрин, 2021].

В связи с этим в настоящий момент целесообразно говорить не столько о трансформации партийной системы в США, сколько о флуктуациях политической борьбы в каждой из доминирующих партий. К примеру, в 2020 г. в Демократической партии такие изменения были обусловлены движением «Black Lives Matter». В Республиканской партии в 2010-е годы доминировало «Движение чаепития» («Tea Party Movement»). Гипотеза данной статьи состоит в том, что в 2020-е годы преобладающим движением в Республиканской партии США является «трампизм», который иногда называют МАГА (аббревиатура MAGA происходит от «Make America Great Again» — предвыборного лозунга Д. Трампа на выборах 2016 и 2024 гг.).

В 2016 г. Д. Трамп одержал победу на президентских выборах, несмотря на многочисленные прогнозы и данные социологических опросов, пророчивших успех его оппоненту Х. Клинтон. Основой предвыборной кампании Д. Трампа стали лозунги «осушить вашингтонское болото» и «сделать Америку снова великой». Такие идеи нашли широкую поддержку среди традиционных республиканских избирателей и части демократов [Komlos, 2018]. Вместе с тем четыре года правления администрации Д. Трампа характеризовались нарушением многих традиций американской политики, за что его сильно критиковали не только демократы, но и некоторые республиканцы. «Несистемность» 45-го президента США одновременно была и политическим преимуществом, и фактором популярности, и поводом для критики.

В 2020 г. Д. Трамп вновь баллотировался на пост главы государства, но проиграл. Его отказ признать поражение даже привел к беспорядкам и попытке протестующих захватить здание Конгресса во время проведения процедуры утверждения итогов президентских выборов. Стало очевидно, что у Д. Трампа остается мощная поддержка, которая при этом основана не на политической программе (поскольку предвыборная повестка и приоритеты сильно отличались в 2020 г. от 2016 г.), но на личном имидже политика и его зачастую популистских лозунгах.

В 2024 г. Д. Трамп вновь баллотировался в президенты США, однако с учетом изменившейся конъюнктуры было очевидно, что повторить такую же стратегию, как в 2016 г., невозможно. В течение 8 лет Республиканская партия оставалась под влиянием Д. Трампа. И если в начале своего первого срока он воспринимался республиканским истеблишментом как аутсайдер, то к предвыборной кампании 2024 г. его рассматривали уже как наиболее популярного лидера партии.

Д. Трампу удалось не только стать наиболее ярким представителем республиканцев, но и объединить вокруг себя многих единомышленников, разделяющих его весьма специфические взгляды и способы ведения политической деятельности. Всё это можно обозначить общим названием «трампизм».

Феномен «трампизма» уже весьма активно обсуждается не только в публицистике, но и в научных социальных исследованиях [Гаджиев, 2021; Печатнов, 2017, 2022; Самуйлов, 2019; Соколыцкий, 2021; Травкина, 2017; Феномен Трампа, 2020; Шаклеина, 2021]. При этом в политическом лексиконе не существует ни «байденизма», ни «обамизма», хотя, например, Б. Обама в свою бытность президентом пользовался не меньшей популярностью, чем Д. Трамп. Для понимания феномена «трампизма» необходимо проследить изменения в Республиканской партии в том, что касается поддержки Д. Трампа в 2024 г. по сравнению с 2016 г. Кроме того, нужно исследовать идеологические основы политической программы Д. Трампа и его сторонников.

Важным фактором «трампизма» является большое внимание не только к идеологическому содержанию политической программы, но и к форме ее презентации американской общественности [Шумилин, 2021; Шкель, 2021]. Д. Трамп считается популистом в том смысле, что в каждом своем публичном выступлении он делает множество резких заявлений, не всегда последователен, а также агрессивен по отношению к своим оппонентам. Такая форма политической дискуссии особенно эффективна во время избирательной кампании, когда в основном и выдвигаются популистские лозунги, поэтому «трампизм» и предвыборная гонка взаимосвязаны [Urbinati, 2019]. Наиболее объективной оценкой степени популярности и эффективности «трампизма», очевидно, является результат президентских выборов 2024 г.: Д. Трамп триумфально вернулся в Белый дом, а Республиканская партия под его влиянием вновь получила большинство

в Сенате и сохранила преимущество в Палате представителей. Как минимум до промежуточных выборов 2026 г. «трампизм» останется доминирующим движением Республиканской партии, обеспечившей себе контроль над всеми тремя ключевыми органами власти.

Интересно и то, что в американской исследовательской литературе отношение к «трампизму» преимущественно негативное. Вероятнее всего, это объясняется тем, что среди академической профессуры преобладают леволиберальные настроения, а университетские кампусы традиционно поддерживают демократов. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты опросов общественного мнения, которые демонстрируют, что в последние годы в социальной группе «имеющие высшее образование» поддержка демократических кандидатов в среднем на 10–15% выше, чем республиканских¹.

Большинство американских политических исследователей рассматривают феномен «трампизма» в контексте общего политического тренда на укрепление правопопулистских настроений. Американские эксперты в области изучения популизма Н. Савин и Д. Трейзман обратили внимание на то, что если в первый президентский срок риторика Д. Трампа в большей степени соответствовала традициям правого популизма, то в 2024 г. она сместилась в сторону так называемого исключаящего популизма с агрессией против политических элит, иммигрантов и представителей СМИ².

Профессор Йельского университета Дж. Стэнли утверждает, что «трампизм» представляет собой нативистскую идеологию превосходства Соединенных Штатов, основывающуюся на акцентировании особого исторического пути страны, причем, по мнению исследователя, «экстремистские фашистские настроения лишь усиливаются» [Stanley, 2018: 12].

Другие, более радикальные политические исследователи прямо сравнивают «трампизм» с фашизмом и идеологиями авторитарных режимов. К примеру, историк Т. Снайдер рассматривает этот

¹ Hartig H., Daniller A., Keeter S., Green van T. Demographic profiles of Republican and Democratic voters // Pew Research Center. 12.07.2022. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2023/07/12/demographic-profiles-of-republican-and-democratic-voters/> (accessed: 15.11.2024).

² Savin N., Treisman D. We analyzed 9 years of Trump political speeches, and his violent rhetoric has increased dramatically // The Conversation. 26.10.2024. Available at: <https://theconversation.com/we-analyzed-9-years-of-trump-political-speeches-and-his-violent-rhetoric-has-increased-dramatically-238962> (accessed: 15.11.2024).

феномен в более широком контексте антидемократических движений. Исследователь дает негативную характеристику политике Д. Трампа, потому что она основана на личной преданности лидеру и отказе от фактической ответственности. Это в свою очередь, по мнению Т. Снайдера, угрожает демократии и подрывает эффективность политических институтов посредством распространения дезинформации [Snyder, 2018: 108]. Еще более жесткую позицию заняла профессор Нью-Йоркского университета Р. Бен-Гиат, которая исследует деятельность лидеров в авторитарных политических режимах. По ее мнению, «трампизм» включает черты, присущие и другим авторитарным лидерам, так называемым сильным людям: использование пропаганды, акцент на лояльности и готовность отказаться от демократических норм в целях сохранения власти. Р. Бен-Гиат проводит параллели между Д. Трампом и такими фигурами, как Б. Муссолини и А. Гитлер [Ben-Ghiat, 2020].

Менее радикальной позиции относительно «трампизма» придерживаются, как правило, политические союзники Д. Трампа. Так, бывший губернатор штата Мэриленд Р. Эрлих оценивает «трампизм» как ответвление американской консервативной идеологии. Он обращает внимание на антиэлитную риторику Д. Трампа и его сторонников и объясняет рост популярности «трампизма» недовольством американского общества обеими партиями [Ehrlich, 2020: 6].

В публицистике и неакадемической литературе встречаются также менее резкие оценки «трампизма». Журналист «The Washington Post» А. Арнсдорф полагает, что этот феномен представляет собой низовое радикальное движение, нацеленное на преобразование Республиканской партии. Более того, публицист утверждает, что «трампизм» базируется не столько на личности Д. Трампа, сколько на выстроенной им и его командой идеологической системе, которая будет существовать и после его правления. А. Арнсдорф полагает, что движение MAGA сохранится в качестве постоянно действующей фракции внутри Республиканской партии надолго [Arnsdorf, 2020: 9].

Даже этот краткий обзор дискуссий вокруг феномена «трампизма» недвусмысленно показывает его сложность и неоднозначность. Как представляется, для того чтобы лучше понять его подлинное содержание и значение, следует рассмотреть его в контексте совре-

менных политических процессов, развернувшихся внутри Республиканской партии.

Изменения в подходах Д. Трампа к взаимодействию с институтами Республиканской партии США

Такой исследовательский ракурс позволяет, в частности, выявить и рельефно показать изменчивость феномена «трампизма». Его трансформации наиболее наглядно видны на примере динамики праймериз 2016 и 2024 гг. В 2020 г. основная часть праймериз пришлось на карантин, а Д. Трамп фактически не имел необходимости вести конкурентную кампанию в связи с тем, что на тот момент был действующим президентом. В этой связи именно электоральные мероприятия 2016 и 2024 гг. являются наиболее яркими примерами того, как изменилось отношение Республиканской партии к Д. Трампу.

В 2016 г. он во многом был аутсайдером республиканской гонки. Среди участников праймериз того политического сезона были республиканские политики, представляющие традиционные «красные» штаты и имеющие богатый опыт работы в качестве губернаторов штатов или конгрессменов: Т. Круз, Дж. Буш, Дж. Кейсик, М. Рубио и др. Тогда многие из них опережали Д. Трампа в разных штатах по количеству голосов, во всяком случае, на ранних этапах.

Более того, в 2016 г. Д. Трампу приходилось с чистого листа выстраивать отношения с партийными институтами, которые воспринимали его как малоизвестного и не заслуживающего внимания политика. В этом отношении показательна ситуация в тех штатах, где вместо традиционных праймериз в качестве предварительного голосования проводят кокусы — собрания партийных активистов. На таких мероприятиях намного ниже явка, и проходят они под большим контролем со стороны местных партийных институтов. Д. Трампу не удалось выиграть ни в одном из кокусов, так как участники традиционно поддерживали «системных» кандидатов. Вместе с тем в 2024 г., наоборот, Д. Трамп победил во всех кокусах, в которых участвовал.

Например, в 2016 г. Д. Трамп занял третье место по итогам кокуса, проводившегося в штате Миннесота, уступив М. Рубио и Т. Крузу, а в 2024 г. он выиграл аналогичные выборы, получив 2/3 голосов. Похожая ситуация произошла в штате Юта, влияние в котором

сохраняет сенатор М. Ромни, один из наиболее ярких республиканских критиков Д. Трампа на протяжении 2017–2021 гг. В 2016 г. в Юте Д. Трамп уступил Т. Крузу и М. Рубио, а в 2024 г. обошел своих однопартийцев. Популистские лозунги и активная агитационная кампания позволили получить голоса избирателей в 2016 г., но в 2024 г. Д. Трамп уже опирался и на партийные организации местных органов власти, что свидетельствует о более заметной «низовой» (*grassroots*) поддержке. Сделать вывод о том, насколько сильной была такая поддержка в 2020 г., на основе результатов праймериз нельзя, поскольку Д. Трамп был единственным кандидатом от Республиканской партии, а из-за пандемии COVID-19 многие электоральные мероприятия вовсе были отменены. Выборы 2020 г. в США проходили в кризисных условиях [Печатнов, 2020].

Кроме того, важным фактором успеха Д. Трампа как республиканского кандидата в 2024 г. является изменившийся региональный баланс сил в Конгрессе после переписи населения. В связи с тем, что количество членов Палаты представителей пропорционально населению каждого штата, их число может измениться по итогам переписи, проводимой раз в 10 лет. Примечательно, что традиционные прореспубликанские штаты усилили свое влияние за счет того, что в продемократических численность населения снизилась. К примеру, в Техасе прибавилось два места, во Флориде и Северной Каролине — по одному, а представительство Калифорнии, Нью-Йорка, Иллинойса и ряда других штатов, наоборот, сократилось³.

Д. Трамп заметно усилил свои позиции в Национальном комитете Республиканской партии. Политические партии в США представляют собой сетевые структуры, интегрированные в систему федерализма. Поскольку и у демократов, и у республиканцев отсутствуют номенклатура и центральное руководство, ключевую роль в координации политических усилий по всей стране играют именно партийные комитеты. В 2016 г., например, Д. Трамп достаточно быстро наладил конструктивные отношения с комитетом Республиканской партии, а его главу Р. Прибуса⁴ впоследствии пригласил к себе в администрацию на высокую должность главы аппарата Белого дома. До

³ 2020 Census apportionment results // United States Census Bureau. 07.06.2024. Available at: <https://www.census.gov/data/tables/2020/dec/2020-apportionment-data.html> (accessed: 15.11.2024).

⁴ Шариков П. Сюрпризы президентской кампании в США: фактор политических комитетов // Российский совет по международным делам. 18.02.2020. Доступ: <https://>

2024 г. главой Республиканского комитета была Р. МакДэниел, однако ее место после отставки заняла Л. Трамп — дочь 45-го президента.

Заметна разница в проведении предвыборной кампании Д. Трампа в 2024 г. по сравнению с 2016 г. и в контексте расходов на рекламу и связи с общественностью. В 2016 г. Д. Трамп долгое время финансировал себя сам и не прибегал к поддержке жертвователей, а также сотрудничал с одной фирмой, эксклюзивно обслуживавшей его предвыборную кампанию. По данным общественной организации Open Secrets⁵, почти четверть всех расходов на медиа пришлось на услуги компании «Giles-Parscale», которая занималась продвижением кандидата в социальных сетях, причем работала только с предвыборным штабом Д. Трампа. В 2024 г. его штаб сильно диверсифицировал расходы на рекламные услуги. Среди основных партнеров были компании, работавшие с другими республиканскими кандидатами с 2012 г.⁶ Эта особенность также свидетельствует о явном сближении Д. Трампа с республиканским истеблишментом. Рынок политического консалтинга в США к началу 2020-х годов оказался сильно поляризован. Компании, сотрудничающие с республиканскими и демократическими политиками, оказались сильно интегрированы во внутрипартийные отношения, поэтому в 2016 г., когда Д. Трамп был аутсайдером, он опирался на собственные силы, а в 2024 г. активно работал уже с прореспубликанскими компаниями на рынке политических технологий. Исследованию особенностей использования Д. Трампом социальных сетей и прямого взаимодействия с избирателями посвящено множество как отечественных [Ефанова, 2020], так и зарубежных [Mason et al., 2021] работ.

Обращает на себя внимание и другая особенность предвыборной стратегии Д. Трампа, лишь подтверждающая, что идеология MAGA ориентирована на низовую аудиторию. Так, на финальных стадиях предвыборной кампании оппонент Д. Трампа из Демократической партии К. Харрис всё активнее стремилась расширить свое влияние на избирателей через традиционные СМИ. Ее небезосновательно

russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/syurprizy-prezidentskoj-kampanii-v-ssha-faktor-politicheskikh-komitetov/ (дата обращения: 15.11.2024).

⁵ Expenditures breakdown, Donald Trump, 2016 cycle // OpenSecrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/pres16/expenditures?id=N00023864> (accessed: 15.11.2024).

⁶ Vendor/recipient: Event Strategies Inc. // OpenSecrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/campaign-expenditures/vendor?cycle=2024&vendor=Event+Strategies+Inc> (accessed: 15.11.2024).

критиковали за то, что она редко давала интервью, причем всё ее общение происходило с популярными телеканалами. Она даже согласилась на разговор с журналистами телеканала «Fox», который традиционно способствуют деятельности консервативно-республиканских политиков. На протяжении всей кампании знаменитости из Голливуда, кино- и музыкальной индустрии содействовали кампании К. Харрис. О поддержке ее кандидатуры заявляли известные актеры и музыканты, имеющие десятки миллионов поклонников в социальных сетях.

Д. Трамп ни разу не согласился на интервью на телеканалах, появляясь в основном на популярных интернет-подкастах и различных платформах. Его аргументация заключалась в том, что мейнстрим-медиа настроены против него и освещают его предвыборную кампанию предвзято. Это распространялось не только на традиционные медиа, но и в определенной степени на доминирующие интернет-платформы, например YouTube. Одно из программных интервью Д. Трамп дал известному независимому журналисту Т. Карлсону, который, в отличие от большинства видеоблогеров, выбрал для своего блога не популярный видеохостинг, а независимую платформу Rumble. Кроме того, Д. Трамп появился в нескольких подкастах широко известных видеоблогеров. Наиболее ярким было его трехчасовое интервью бывшему комику и спортивному комментатору Дж. Рогану. Менее чем за неделю его посмотрели более 40 млн человек, прежде всего молодых мужчин (до 29 лет). Примечательно, что именно в этой возрастной группе на выборах 2024 г. наблюдался наибольший прирост голосов в поддержку Д. Трампа по сравнению с К. Харрис. Такая предвыборная стратегия во многом повторяла методы избирательной кампании 2016 г., которые также привели Д. Трампа к власти.

Стоит отметить и роль социальных сетей в предвыборной стратегии Д. Трампа в 2024 г. 8 лет назад он инвестировал внушительные ресурсы в контекстную рекламу своей предвыборной программы в социальных сетях. Вместе с тем, когда политик в 2020 г. начал использовать «Твиттер» для распространения информации о том, что результаты выборов были сфальсифицированы, руководство социальной сети самовольно приняло решение обозначать эти сообщения Д. Трампа как «вводящие в заблуждение». Позднее руководство «Твиттера» и других социальных сетей вовсе заблокировало аккаунты

Д. Трамп, полностью перекрыв этот канал взаимодействия бывшего президента со своими сторонниками. Ситуация изменилась, когда «Твиттер» приобрел миллиардер И. Маск. Он быстро разблокировал аккаунт Д. Трампа, а на выборах 2024 г. стал одним из доверенных лиц кандидата в президенты.

Интересно, что после того как стало известно о намерении Д. Трампа баллотироваться на пост главы государства в 2024 г., многие республиканские политики отказались от участия в предвыборной гонке, поэтому она стала менее конкурентной, чем в 2016 г. При этом в Республиканской партии сохранялось определенное ядро «антитрампистов», которые приняли участие в праймериз, но не смогли составить Д. Трампу серьезную конкуренцию.

Д. Трамп долгое время оставался политиком-аутсайдером для республиканского истеблишмента, поэтому неудивительно, что ядро «антитрампистов» состоит из тех, кто так и не принял его как лидера партии. Среди них, к примеру, М. Ромни, сенатор от штата Юта. В 2012 г. Республиканская партия номинировала его как кандидата в президенты против Б. Обамы. Другим примером является Л. Чейни — конгрессмен от штата Вайоминг в Палате представителей, дочь вице-президента Р. Чейни при администрации Дж. Буша-мл. После попытки захвата Капитолия толпой протестующих в январе 2021 г. она возглавила специальный комитет по расследованию этого инцидента. В ноябре 2021 г. Республиканская партия штата Вайоминг исключила Л. Чейни из числа своих членов. Интересно, что американские партии не предполагают «членства», поэтому за формулировкой «исключение из партии» кроется решение партийного комитета штата перестать признавать Л. Чейни своим членом⁷ в связи с ее критикой в адрес Д. Трампа.

Примечательно, что среди «антитрампистов», которые конкурировали с Д. Трампом на праймериз в 2024 г., было несколько человек, работавших в его администрации, в частности вице-президент М. Пенс, а также бывший Постоянный представитель США в ООН Н. Хейли. Именно она оставалась в предвыборной гонке дольше остальных и даже получила 12–18% голосов в большинстве штатов (как республиканских, так и демократических), из-за чего многие

⁷ Wyoming GOP votes to stop recognizing Cheney as a Republican // NPR. 15.11.2021. Available at: <https://www.npr.org/2021/11/15/1056025589/wyoming-gop-votes-to-stop-recognizing-cheney-as-a-republican> (accessed: 15.11.2024).

республиканские избиратели продолжали голосовать в ее поддержку даже после того, как она прекратила свое участие. Это голосование можно считать протестным, тем более что не во всех штатах в избирательных бюллетенях есть графа «против всех».

Идеология «трампизма» и предвыборная кампания Д. Трампа в 2024 г.

В период проведения праймериз ряд факторов оказывали влияние на перспективы избрания Д. Трампа, а следовательно, и на популярность «трампизма». Так, кандидат от Республиканской партии двусмысленно сформулировал свою позицию по некоторым крайне актуальным вопросам, в частности по теме абортов и женского здоровья. Неоднозначные последствия имела и его крайне агрессивная риторика против иммигрантов. Отдельного упоминания заслуживают судебные разбирательства, по ряду которых Д. Трамп был вынужден выплатить большие штрафы. Наибольшее внимание привлекло дело о нецелевом расходовании предвыборных средств якобы на фальсификацию результатов президентских выборов в штате Джорджия в 2020 г. (дело «The State of Georgia v. Donald J. Trump, et al.»). Суд присяжных признал Д. Трампа виновным, однако до того, как был оглашен приговор, Верховный суд принял решение о президентском иммунитете. Тем не менее значение всех этих тенденций и обстоятельств было серьезно скорректировано неудачным покушением на кандидата в президенты летом 2024 г.

Это покушение и упомянутое решение Верховного суда оказали существенное влияние на отношение к Д. Трампу, а значит, и к «трампизму» и обеспечили рост популярности кандидата-республиканца. Кроме того, немаловажным фактором электорального успеха Д. Трампа стало провальное выступление его главного оппонента и действующего президента и Дж. Байдена на дебатах. После этого многие демократические политики призвали Дж. Байдена снять свою кандидатуру, в результате чего номинантом от Демократической партии в последний момент стала К. Харрис, даже не принимавшая участия в праймериз.

После неудачного покушения на Д. Трампа демократы резко понизили градус критики в адрес своего оппонента в предвыборной риторике, удалили наиболее агрессивные антитрамповские рекламные ролики и сосредоточили свою кампанию на идее о необходи-

мости национального примирения. Предвыборный штаб Д. Трампа отказался играть по этим правилам и вместо того, чтобы показать готовность к примирению, решил, наоборот, продолжать кампанию, основанную на ультраправых консервативных идеях. В особенности это проявилось в риторике относительно иммигрантов и нападках на оппонентов из Демократической партии.

Своеобразным отражением этой стратегии стал выбор кандидата в вице-президенты. В 2016 г. им стал М. Пенс. Тогда это было обусловлено необходимостью примирения с однопартийцами и стремлением заручиться их поддержкой за счет приглашения на эту должность представителя традиционного республиканского истеблишмента. В 2024 г. напарником Д. Трампа по избирательной кампании стал 39-летний сенатор от штата Огайо Дж. Ди Вэнс — полная противоположность М. Пенсу. Дж. Ди Вэнс является скорее представителем республиканского антиистеблишмента: житель небольшого города, ветеран войны в Ираке, жертва домашнего насилия и убежденный противник едва ли не каждого пункта демократической повестки — от права на ношение оружия до абортс. Выбор Дж. Ди Вэнса в качестве кандидата в вице-президенты символизировал сильную радикализацию Республиканской партии.

Примечательно и то, что многие политики в штатах баллотируются на различные выборные должности, опираясь на поддержку (*endorsement*) лично Д. Трампа и придерживаясь риторики «трампизма». К ярким примерам, подтверждающим указанную тенденцию, следует отнести кандидатов от Республиканской партии, избранных в Сенат от штатов Невада, Монтана, Висконсин и Аризона. Обращает на себя внимание то, что практически все эти штаты относятся к категории «колеблющихся», т.е. тех, где поддержка республиканцев и демократов приблизительно одинаковая, а итоги выборов наиболее непредсказуемые по этой причине. Интересно, что в большинстве случаев кандидат от Демократической партии в этих штатах — опытный политик, выигравший ранее несколько предвыборных кампаний, а кандидат-республиканец — бизнесмен или шоумен. В Монтане от Демократической партии на свой четвертый срок баллотировался сенатор Дж. Тестер (бессменно занимавший этот пост с 2007 г.), от Республиканской — в прошлом военный и предприниматель, не имевший непосредственного опыта участия в политических делах, Т. Шихи, который в итоге одержал победу. В Неваде действующая

сенатор-демократ Дж. Розен сохранила свой пост в борьбе с С. Брауном — бизнесменом, ветераном войны в Афганистане. В Аризоне действующий член Палаты представителей Р. Галлего переизбран на новый срок, одержав уже во второй раз победу над бывшей телеведущей К. Лейк. В Висконсине действующая сенатор Т. Болдуин победила бизнесмена Э. Ховди. Выборы в Сенат в этих и некоторых других штатах, где от Республиканской партии выступали весьма активные сторонники движения MAGA, крайне важны, поскольку по их итогам республиканцы получили большинство в верхней палате. Вместе с тем не всех избранных сенаторов-республиканцев можно считать «трампистами», так как некоторые из них занимали различные должности еще в начале 2000-х годов и представляли Республиканскую партию времен Дж. Маккейна и Дж. Буша-мл.

Особый интерес вызывают идеологические особенности «трампизма». В 2016 г. Д. Трамп победил на выборах с очень простыми и понятными большинству американцев лозунгами. Идея «сделать Америку снова великой» увязывалась с развитием промышленного производства на территории США, ограничением труда мигрантов, поддержкой среднего класса. Период, к которому апеллировал Д. Трамп, называя Америку «великой», — начало второй половины XX в. Многие из этих предвыборных обещаний в той или иной степени были реализованы во время его нахождения в Белом доме: введены ограничения на въезд мигрантов, частично построена стена на границе с Мексикой, торгово-тарифная политика направлена на поддержку американских производителей. Однако многие из пунктов повестки Д. Трампа были подхвачены некоторыми консервативными политиками и приобрели несколько иное содержание. Так, в Конгрессе появилось ядро «трампистов», позиции которого уходили далеко за рамки взглядов самого Д. Трампа. В качестве примера можно привести конгрессвумен от Джорджии М. Тэйлор Грин, неоднократно выступавшую с ультраправыми инициативами в Палате представителей⁸. Кстати, в 2024 г. она переизбралась на эту должность с более высоким результатом по сравнению с промежуточными выборами 2022 г. и выборами 2020 г. Ядро протрамповских республиканцев в Конгрессе объединилось в «Freedom Caucus» («Ко-

⁸ Draper R. The problem of Marjorie Taylor Greene // The New York Times Magazine. 17.10.2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/10/17/magazine/marjorie-taylor-greene.html> (accessed: 15.11.2024).

кус свободы»), который был учрежден еще в 2015 г., но по мере роста популярности Д. Трампа трансформировался в группу поддержки бывшего президента⁹.

Вместе с тем очевиден и продолжающийся конфликт Д. Трампа и его сторонников с традиционным консервативным республиканским истеблишментом. Одним из ярких примеров этого конфликта стало появившееся в августе 2024 г. открытое письмо¹⁰, подписанное более 200 бывших сотрудников администраций Дж. Буша-мл. и Дж. Буша-ст., а также представителями исполнительной власти, работавшими вместе с М. Ромни, Дж. Маккейном и другими популярными республиканскими политиками. Обращение содержало резкую критику в адрес Д. Трампа и его внешнеполитических позиций: в письме утверждалось, что его политика является угрозой национальной безопасности.

Судя по всему, сам Д. Трамп не всегда поддерживает радикальные идеи своих сторонников. В частности, одной из самых комплексных инициатив, выдвинутых ими, стал доклад известного консервативного исследовательского Фонда «Наследие» (Heritage Foundation) под названием «Проект 2025»¹¹. Почти 1000-страничный доклад содержал всеобъемлющий набор рекомендаций «для следующего консервативного президента». Авторами документа выступили более 100 экспертов, ряд которых работали в первой администрации Д. Трампа, многие участвовали в передаче дел после победы Дж. Байдена на выборах в 2020 г. В докладе представлены подробные рекомендации, как именно президент может реализовать консервативные социально-экономические, внутри- и внешнеполитические инициативы без поддержки законодательной власти. На фоне крайне малосодержательной платформы Республиканской партии¹², принятой на конвенции, «Проект 2025» воспринимается

⁹ Schaefer P. The Freedom Caucus has been wreaking havoc on Washington. Now it's exporting the chaos to the states // Politico. 12.03.2024. Available at: <https://www.politico.com/news/magazine/2024/03/12/freedom-caucus-00146569> (accessed: 15.11.2024).

¹⁰ Open letter on Donald Trump from GOP national security leaders // War on the Rocks. 02.03.2016. Available at: <https://warontherocks.com/2016/03/open-letter-on-donald-trump-from-gop-national-security-leaders/> (accessed: 15.11.2024).

¹¹ Mandate for leadership 2025: The conservative promise / Ed. by P. Dans, S. Groves. Washington, D.C.: The Heritage Foundation, 2023. Available at: https://static.project2025.org/2025_MandateForLeadership_FULL.pdf (accessed: 15.11.2024).

¹² The 2024 Republican party platform: Make America great again! Available at: <https://prod-static.gop.com/media/RNC2024-Platform.pdf> (accessed: 15.11.2024).

как идеологическая основа современного консервативного движения, доминирующего в настоящее время в среде республиканцев. В целом внешнеполитический аспект «трампизма» сочетает в себе элементы популизма [Agwu, 2021; Wajner et al., 2024; Löfflmann et al., 2023; Uradhyau, 2023], торговый протекционизм, особенно в отношении Китая [Данилин, 2020], охлаждение трансатлантических отношений, в том числе в контексте вопросов безопасности [Голуб, Шенин, 2021].

Д. Трамп неоднократно пытался дистанцироваться от «Проекта 2025», называя его «слишком радикальным»¹³. Судя по всему, авторы доклада действительно выражают более радикальную консервативную идею, чем сам Д. Трамп, который, опасаясь потери голосов умеренных избирателей, не спешит отождествлять себя с этим проектом. Примечательно также, что бывший президент-республиканец Дж. Буш-мл. и наиболее известные члены его администрации воздерживаются от публичной поддержки Д. Трампа и его сторонников. Так, Дж. Буш-мл. отказался выступить на Республиканской национальной конвенции в Милуоки в июле 2024 г.

Популярность Д. Трампа с учетом неудавшегося покушения и итогов Республиканской конвенции еще больше выросла на фоне давления на президента Дж. Байдена со стороны демократического истеблишмента с призывом выйти из предвыборной гонки. Демократическая партия оказалась в ситуации, прямо противоположной 2016 г. (тогда демократы сплотились вокруг основного кандидата и все ресурсы партии были направлены на поддержку Х. Клинтон). В то же время в Республиканской партии наметился кризис лидерства, которым воспользовался Д. Трамп. В 2024 г. демократические политики убедили действующего президента прекратить свою кампанию после неудачного выступления на дебатах. При этом важнейшим фактором провала предвыборной кампании К. Харрис стало отсутствие единства в рядах демократов относительно поддержки ее кандидатуры, в то время как Д. Трамп заметно усилил свои позиции в качестве лидера Республиканской партии.

¹³ Doherty E. Trump tries to distance from Project 2025 at first rally since shooting // Axios. 20.07.2024. Available at: <https://www.axios.com/2024/07/20/trump-jd-vance-campaign-rally-2024-michigan> (accessed: 15.11.2024).

* * *

Можно констатировать, что «трампизм» — одно из движений внутри Республиканской партии, которое сохраняет высокий политический потенциал в последние годы. Выборы 2024 г. показали возросшее влияние Д. Трампа на республиканский истеблишмент и позволяют утверждать, что этот тренд останется устойчивым как минимум в ближайшей перспективе.

По итогам выборов в ноябре 2024 г. Д. Трамп получил ненамного больше голосов избирателей по сравнению с результатом, с которым он проиграл в 2020 г.: тогда он набрал 74,2 млн голосов, а в 2024 г. — почти 75 млн. Поражение К. Харрис оказалось намного более впечатляющим, чем победа Д. Трампа: за нее проголосовали около 71 млн американцев — на 10 млн меньше, чем за Дж. Байдена в 2020 г.

Свидетельством того, что движение МАГА не потеряло популярности в США в 2024 г. по сравнению с предыдущими политическими циклами, является и победа республиканских кандидатов на выборах в Конгресс. Предвыборные кампании в Сенате, по крайней мере за 10 кресел, были очень конкурентными. Среди республиканских кандидатов многие не имели политического опыта, не участвовали ранее в выборах, занимались бизнесом и оппонировали более опытным кандидатам-демократам. По крайней мере двое таких сенаторов были избраны в верхнюю палату: Т. Шихи победил Дж. Тестера в штате Монтана, а Б. Морено — Ш. Брауна в Огайо. Оба этих кандидата от Республиканской партии активно пользовались поддержкой Д. Трампа во время предвыборной кампании, в том числе опираясь на установки МАГА. Такой результат свидетельствует о том, что идеология «трампизма» стала популярнее в США по сравнению с 2020 и 2022 гг. Однако утверждать, что Трамп полностью монополизировал Республиканскую партию, всё же нельзя.

Уже на этапе транзита власти, когда будущий президент Д. Трамп озвучил фамилии людей, чьи кандидатуры он планирует предложить Сенату для утверждения на различные государственные должности, возникли определенные противоречия. Поскольку лидер республиканцев М. Макконел заявил, что снимает с себя полномочия председателя верхней палаты, республиканцы избрали Дж. Тьюна новым исполняющим обязанности спикера. Этот человек в прошлом конфликтовал с Д. Трампом, а пресса называла его наименее предпочтительным кандидатом для нового

президента. Кроме того, большие дискуссии вызвала кандидатура конгрессмена М. Гетза на должность генерального прокурора. Его коллеги-республиканцы заявили, что его кандидатура не будет утверждена. Эти дискуссии свидетельствуют о том, что Д. Трамп по-прежнему находится в конфликте со значительной частью Республиканской партии.

Президенту Дж. Байдену не удалось за четыре года примирить политических оппонентов, поэтому, вероятнее всего, тенденция к межпартийной поляризации усилится. Д. Трамп также не демонстрирует намерения идти на компромиссы, что стало особенно заметно после неудачного покушения и агрессивной речи на Республиканской национальной конвенции.

Интересно, что рост влияния правых партий наблюдался и на выборах в Европейский парламент в июне 2024 г. Многие политические силы в странах Евросоюза укрепили свои позиции благодаря схожей с Д. Трампом риторике об ужесточении миграционной политики. Эти партии, продвигая идеи возвращения полномочий национальным государствам и защиты традиционных ценностей, нашли поддержку среди граждан, обеспокоенных текущими социально-экономическими проблемами и разочарованных в прежних политических силах.

В этой связи можно выдвинуть гипотезу, что победа Д. Трампа и Республиканской партии в США на самом деле отражает более широкий тренд на усиление правых идеологий по всему миру. Очередная волна популярности консервативных идей, в определенной степени спровоцированная «трампизмом» [Biegon, Hamdaoui, 2024; Simon, Sonnicksen, 2024; Biebricher, 2024], оказала влияние и на другие страны.

В Соединенных Штатах республиканцы активно критиковали «прогрессивную» повестку, связанную с либеральной иммиграционной политикой, программами зеленой экономики и поддержкой меньшинств. В условиях инфляции и внутривнутриполитической напряженности избиратели сделали свой выбор в пользу республиканцев, предлагающих жесткие меры по укреплению безопасности и стабильности. Их победа демонстрирует, что США движутся в сторону более консервативных и правых ценностей, что может привести к значительным изменениям в международной и внутренней политике. Последуют ли за этим трендом их европейские союзники?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев К.С. О перспективах Д. Трампа и трампизма при президентстве Дж. Байдена // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 12. С. 141–151. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-141-151.
2. Голуб Ю., Шенин С. От Трампа к Байдену: что ждет НАТО? // *Международные процессы*. 2021. № 19 (3). С. 68–84. DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.4.
3. Данилин И.В. Концептуализация стратегии США в технологической войне против КНР: экономика, политика, технонационализм // *Международная аналитика*. 2020. № 11 (4). С. 21–38. DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-4-21-38.
4. Ефанова Е.В. Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети Twitter) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2020. Т. 25. № 3. С. 172–179. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.3.15.
5. Каневский П.С. Кризисные тенденции в развитии социально-политической системы США: причины и последствия // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2024. № 30 (1). С. 130–146. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-130-146.
6. Печатнов В.О. США в тисках кризисов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 10. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16.
7. Печатнов В.О. Феномен Трампа и американская демократия // *Международные процессы*. 2017. Т. 15. № 1 (48). С. 13–34. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.3.
8. Печатнов В.О. Штурм Капитолия 6 января 2021 г. как апофеоз «трампизма» // *Американские исследования в Санкт-Петербургском государственном университете: Сборник докладов XXX Российско-американского семинара, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2021 года / Под ред. Н.А. Цветковой, Ю.К. Богуславской, Т.А. Гришаниной*. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 98–109.
9. Самуйлов С.М. Трампизм — это всерьез и надолго? // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2019. № 10. С. 118–126. DOI: 10.31857/S032120680006808-2.
10. Согрин В.В. Двухпартийная система в американской истории. От Дж. Вашингтона до современности // *Новая и новейшая история*. 2021. № 1. С. 69–87. DOI: 10.31857/S013038640013378-3.
11. Соколыцкий Л.М. Американский консерватизм и вызов популизма: теоретический и идеологический аспекты // *Политические исследования*. 2021. № 1. С. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.06.
12. Травкина Н.М. «Трампизм» во власти: противостояние продолжается // *Перспективы. Электронный журнал*. 2017. № 2 (10). С. 39–53.

13. Феномен Трампа / Под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИНИОН, 2020. DOI: 10.31249/phtr/2020.00.00.

14. Шаклеина Т.А. Дональд Трамп и «новый популизм» в Америке // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 176–183. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.12.

15. Шкель С.Н. Трампизм: возвышение авторитарного популизма в цифровую эпоху // Политическая наука. 2021. № 1. С. 322–332. DOI: 10.31249/poln/2021.01.14.

16. Шумилин А.И. Эпоха Трампа: «ток-шоу», которое потрясло мир // Современная Европа. 2021. № 4 (104). С. 172–183. DOI: 10.15211/sovereurope42021172183.

17. Agwu F.A. Foreign policy in the age of globalization, populism and nationalism. Singapore: Springer, 2021. DOI: 10.1007/978-981-16-3372-0_3.

18. Arnsdorf I. Finish what we started: The MAGA movement's ground war to end democracy. New York: Little, Brown and Company, 2020.

19. Ben-Ghiat R. Strongmen: Mussolini to the present. New York: W.W. Norton & Company, 2020.

20. Biebricher T. The crisis of American conservatism in historical-comparative perspective // Polit Vierteljahresschr. 2024. Vol. 65. P. 233–259. DOI: 10.1007/s11615-023-00501-2.

21. Biegon R., Hamdaoui S. Anti-populism and the Trump trauma in US foreign policy // International Affairs. 2024. Vol. 100. No. 5. P. 1857–1875. DOI: 10.1093/ia/iaae174.

22. Destradi S., Vüllers J. Populism and the liberal international order: An analysis of UN voting patterns // The Review of International Organizations. 2024. DOI: 10.1007/s11558-024-09569-w.

23. Ehrlich B. Original, unconventional & inconvenient: Donald J. Trump and his MAGA movement. New York: Post Hill Press, 2020.

24. Komlos J. The economic roots of the rise of Trumpism // CESifo Working Paper Series. 2018. No. 6868. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3144271_code459177.pdf?abstractid=3144271&mirid=1 (accessed: 15.11.2024).

25. Löfflmann G., Skonieczny A., Biegon R. The Trump shock: Populism and changing narratives of US foreign policy // Populist foreign policy. Regional perspectives of populism in the international scene / Ed. by P. Giurlando, D.F. Wajner. Palgrave Macmillan, Cham, 2023, pp. 117–145. DOI: 10.1007/978-3-031-22773-8_5.

26. Mason L., Wronski J., Kane J.V. Activating animus: The uniquely social roots of Trump support // American Political Science Review. 2021. Vol. 115 (4). P. 1508–1516. DOI: 10.1017/S0003055421000563.

27. Simon J., Sonnicksen J. A conservative (r)evolution? Constitutional-political crises, Trumpism, and long-standing trends of conservative transformations in the United States and beyond // *Polit Vierteljahresschr.* 2024. Vol. 65. P. 213–232. DOI: 10.1007/s11615-023-00527-6.

28. Snyder T. *The road to unfreedom: Russia, Europe, America.* New York: Tim Duggan Books, 2018.

29. Stanley J. *How Fascism works: The politics of Us and Them.* New York: Random House, 2018.

30. Upadhyay S. Populism and its impact on foreign policy // *Encyclopedia of new populism and responses in the 21st century / Ed. by J. Chacko Chennattuserry, M. Deshpande, P. Hong.* Singapore: Springer, 2023, pp. 634–639. DOI: 10.1007/978-981-16-9859-0_245-1.

31. Urbinati N. On Trumpism, or the end of American exceptionalism // *Teoria Politica.* 2019. No. 9. P. 209–226. Available at: <https://journals.openedition.org/tp/820> (accessed: 15.11.2024).

32. Wajner D.F., Destradi S., Zürn M. The effects of global populism: Assessing the populist impact on international affairs // *International Affairs.* 2024. Vol. 100. No. 5. P. 1819–1833. DOI: 10.1093/ia/iaae217.

REFERENCES

1. Gadzhiev K.S. 2021. O perspektivakh D. Trampa i trampizma pri prezidentstve Dzh. Baidena [On the prospects of D. Trump and Trumpism during the presidency of J. Biden]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 12, pp. 141–151. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-141-151. (In Russ.)

2. Golub Yu., Shenin S. 2021. Ot Trampa k Baidenu: chto zhdet NATO? [From Trump to Biden: What will happen to NATO?]. *International Trends*, no. 19 (3), pp. 68–84. DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.4. (In Russ.)

3. Danilin I.V. 2020. Kontseptualizatsiya strategii SShA v tekhnologicheskoi voine protiv KNR: ekonomika, politika, tekhnonsatsionalizm [Conceptualizing American strategy in the technology war against China: Economy, geopolitics, techno-nationalism]. *Journal of International Analytics*, no. 11 (4), pp. 21–38. DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-4-21-38. (In Russ.)

4. Efanova E.V. 2020. Sotsial'nye media v amerikanskoi publichnoi politike (na primere sotsial'noi seti Twitter) [Social media in American public policy (on the example of the social network Twitter)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 25, no. 3, pp. 172–179. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.3.15. (In Russ.)

5. Kanevskii P.S. 2024. Krizisnye tendentsii v razvitii sotsial'no-politicheskoi sistemy SShA: prichiny i posledstviya [Crisis trends in the development of the

American socio-political system: Causes and consequences]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, no. 30 (1), pp. 130–146. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-130-146. (In Russ.)

6. Pechatnov V.O. 2020. SShA v tiskakh krizisov [America gripped by crises]. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no. 10, pp. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16. (In Russ.)

7. Pechatnov V.O. 2017. Fenomen Trampa i amerikanskaya demokratiya [The Trump phenomenon and American democracy]. *International Trends*, vol. 15, no. 1 (48), pp. 13–34. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.3. (In Russ.)

8. Pechatnov V.O. 2022. Shturm Kapitoliya 6 yanvarya 2021 g. kak apofeoz ‘trampizma’ [The storming of the Capitol on January 6, 2021 as the apotheosis of ‘Trumpism’]. In: Tsvetkova N.A., Boguslavskaya Yu.K., Grishanina T.A. (eds.). *Amerikanskie issledovaniya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* [American studies at St. Petersburg State University]. Saint Petersburg, Skifiya-print, pp. 98–109. (In Russ.)

9. Samuilov S.M. 2019. Trampizm — eto vser’ez i nadolgo? [Trumpism — is it serious and for a long time?]. *USA & Canada: Economics, politics, culture*, no. 10, pp. 118–126. DOI: 10.31857/S032120680006808-2. (In Russ.)

10. Sogrin V.V. 2021. Dvukhpartiinaya sistema v amerikanskoj istorii. Ot Dzh. Vashingtona do sovremennosti [Two-party system in history of the USA. From G. Washington to modernities]. *Modern and Contemporary History*, no. 1, pp. 69–87. DOI: 10.31857/S013038640013378-3. (In Russ.)

11. Sokol’shchik L.M. 2021. Amerikanskii konservatizm i vyzov populizma: teoreticheskii i ideologicheskii aspekty [American conservatism and the challenge of contemporary populism: Theoretical and ideological aspects]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.06. (In Russ.)

12. Travkina N.M. 2017. ‘Trampizm’ vo vlasti: protivostoyanie prodolzhaetsya [Trumpism in power: Continued confrontation]. *Perspectives and Prospects. E-journal*, no. 2 (10), pp. 39–53. (In Russ.)

13. Kuznetsov A.V. (ed.). 2020. *Fenomen Trampa* [The Trump phenomenon]. Moscow, INION Publ. DOI: 10.31249/phtr/2020.00.00. (In Russ.)

14. Shakleina T.A. 2021. Donal’d Tramp i ‘novyi populizm’ v Amerike [Donald Trump and ‘new populism’ in America]. *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 176–183. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.12. (In Russ.)

15. Shkel’ S.N. 2021. Trampizm: vozvyshenie avtoritarnogo populizma v tsifrovuyu epokhu [Trumpism: The rise of authoritarian populism in the digital era]. *Political Science*, no. 1, pp. 322–332. DOI: 10.31249/poln/2021.01.14. (In Russ.)

16. Shumilin A.I. 2021. Epokha Trampa: ‘tok-shou’, kotoroe potryaslo mir [The Trump era: The talk-show that shook the world]. *Contemporary Europe*, no. 4 (104), pp. 172–183. DOI: 10.15211/soveurope42021172183. (In Russ.)

17. Agwu F.A. 2021. *Foreign policy in the age of globalization, populism and nationalism*. Singapore, Springer. DOI: 10.1007/978-981-16-3372-0_3.
18. Arnsdorf I. 2020. *Finish what we started: The MAGA movement's ground war to end democracy*. New York, Little, Brown and Company.
19. Ben-Ghiat R. 2020. *Strongmen: Mussolini to the present*. New York, W.W. Norton & Company.
20. Biebricher T. 2024. The crisis of American conservatism in historical-comparative perspective. *Politische Vierteljahresschrift*, vol. 65, pp. 233–259. DOI: 10.1007/s11615-023-00501-2.
21. Biegon R., Hamdaoui S. 2024. Anti-populism and the Trump trauma in US foreign policy. *International Affairs*, vol. 100, no. 5, pp. 1857–1875. DOI: 10.1093/ia/iaae174.
22. Destradi S., Vüllers J. 2024. Populism and the liberal international order: An analysis of UN voting patterns. *The Review of International Organizations*. DOI: 10.1007/s11558-024-09569-w.
23. Ehrlich B. 2020. *Original, unconventional & inconvenient: Donald J. Trump and his MAGA movement*. New York, Post Hill Press.
24. Komlos J. 2018. *The economic roots of the rise of Trumpism*. CESifo Working Paper Series. No. 6868. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3144271_code459177.pdf?abstractid=3144271&mirid=1 (accessed: 15.11.2024).
25. Löfflmann G., Skonieczny A., Biegon R. 2023. The Trump shock: Populism and changing narratives of US foreign policy. In: Giurlando P., Wajner D.F. (eds.). *Populist foreign policy. Regional perspectives of populism in the international scene*. Palgrave Macmillan, Cham, pp. 117–145. DOI: 10.1007/978-3-031-22773-8_5.
26. Mason L., Wronski J., Kane J.V. 2021. Activating animus: The uniquely social roots of Trump support. *American Political Science Review*, vol. 115 (4), pp. 1508–1516. DOI: 10.1017/S0003055421000563.
27. Simon J., Sonnicksen J. 2024. A conservative (r)evolution? Constitutional-political crises, Trumpism, and long-standing trends of conservative transformations in the United States and beyond. *Politische Vierteljahresschrift*, vol. 65, pp. 213–232. DOI: 10.1007/s11615-023-00527-6.
28. Snyder T. 2018. *The road to unfreedom: Russia, Europe, America*. New York, Tim Duggan Books.
29. Stanley J. 2018. *How Fascism works: The politics of Us and Them*. New York, Random House.
30. Upadhyay S. 2023. Populism and its impact on foreign policy. In: Chacko Chennattuserry J., Deshpande M., Hong P. (eds.). *Encyclopedia of new populism and responses in the 21st century*. Singapore, Springer, pp. 634–639. DOI: 10.1007/978-981-16-9859-0_245-1.

31. Urbinati N. 2019. On Trumpism, or the end of American exceptionalism. *Teoria politica*, no. 9, pp. 209–226. Available at: <https://journals.openedition.org/tp/820> (accessed: 15.11.2024).

32. Wajner D.F., Destradi S., Zürn M. 2024. The effects of global populism: Assessing the populist impact on international affairs. *International Affairs*, vol. 100, no. 5, pp. 1819–1833. DOI: 10.1093/ia/iaae217.

Статья поступила в редакцию 22.07.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024;
принята к публикации 20.12.2024

The paper was submitted 22.07.2024;
approved after reviewing 28.11.2024;
accepted for publication 20.12.2024

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-95-139

Научная статья / Research paper

А.М. Понамарева*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПЕРИПЕТИИ ЭВОЛЮЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В условиях резкого обострения великодержавного соперничества на мировой арене происходит ускоренная политизация и секьюритизация едва ли не всех сфер общественной жизни. Правительства в стремлении укрепить идеологическую сплоченность национальных сообществ всё большее внимание уделяют исторической политике: переосмыслению прошлого и конструированию новых исторических нарративов. С учетом значимости для Российской Федерации стратегического партнерства с Республикой Беларусь (РБ) изучение эволюции исторической политики Минска приобретает особый интерес и актуальность. В данной статье предпринимается попытка выявить логику содержательной трансформации официального исторического нарратива РБ с момента образования до 2024 г. включительно. Исследование базируется на широком корпусе источников, послуживших основой для проведения дискурс-анализа: законодательных актах, материалах СМИ, текстах политических выступлений, сообщениях официальных институтов, вовлеченных в реализацию исторической политики РБ. В ее развитии выделено несколько этапов, чередование которых было обусловлено сложным переплетением внутри- и внешнеполитических, а также экономических факторов, попытками руководства республики лавировать между своими соседями с востока и запада. Автор заключает, что, несмотря на наметившийся отход РБ

* Понамарева Анастасия Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры внешней политики России и СНГ факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: amp1982@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6585-4558).

от акцентирования европейской составляющей национальной памяти, наблюдаемый после событий августа 2020 г., и подчеркнутое сближение с российским историческим нарративом (в первую очередь в отношении Второй мировой войны), собранный за годы независимости республики корпус научных текстов, документов и «мест памяти» содержит «точки входа» для развертывания исторической политики в любую политически выгодную сторону. По мнению автора, в этих условиях некритичное восприятие общей исторической памяти как незыблемого фундамента единения белорусского и русского народов может помешать адекватному прогнозированию для России возможных изменений в геостратегических устремлениях ее партнера.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, дипломатия памяти, Республика Беларусь, Союзное государство, национальная идентичность, партизанская республика, «место памяти», А.Г. Лукашенко, Великая Отечественная война

Для цитирования: Понамарева А.М. Историческая политика Республики Беларусь: перипетии эволюции // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 95–139. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-95-139.

Anastasiya M. Ponomareva

HISTORY POLITICS OF BELARUS: PERIPETEIAS OF EVOLUTION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Amidst the sharp escalation of great-power rivalry on the world stage, almost all spheres of public life are facing increasing politicization and even securitization. Historical studies are no exception, as they are becoming an essential element of governments' efforts to strengthen the ideological cohesion of their societies by revisiting history and constructing new historical narratives. Given the significance of the strategic partnership with the Republic of Belarus for the Russian Federation, the study of history politics of the former is of particular interest and relevance. This paper attempts to identify the logic of the Belarus official historical narratives' transformation since independence up to and including 2024. The research provides a discourse analysis of a wide range of primary sources, i.e. legal acts, media materials, political speeches, reports from official institutions in charge of the implementation of Belarus's

politics of memory. Its evolution falls into several stages, each being a result of a complex intermix of domestic, foreign policy and economic factors, as well as attempts by the republic's leadership to maneuver between its eastern and western neighbors. The author concludes that the corpus of scholarly texts, documents and 'places of memory' created over the years of the republic's independence contains various 'entry points' allowing the government to change its historical policy in almost any way to its liking. This situation persists despite the noticeable decrease of the Republic of Belarus leadership interest in accentuating the European component of national memory after the events of August 2020, and, on the contrary, a pronounced rapprochement with the Russian historical narrative (primarily with regard to the World War II). The author claims that in these conditions, an uncritical perception of common historical memory as an unshakable cornerstone underlying the unity of the Belarusian and Russian peoples may prevent Russia from adequately predicting possible changes in the geostrategic aspirations of its partner.

Keywords: history politics, politics of memory, memory diplomacy, Republic of Belarus, Union State, national identity, partisan republic, place of memory, Alexander Lukashenko, Great Patriotic War

About the author: *Anastasiya M. Ponamareva* — PhD (Sociology), Associate Professor at the Chair of Foreign Policy of Russia and CIS Countries, Lomonosov Moscow State University (e-mail: amp1982@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6585-4558).

For citation: Ponamareva A.M. 2024. History politics of Belarus: Peripeteias of evolution. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 95–139. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-95-139. (In Russ.)

Республика Беларусь (РБ) — стратегический союзник России. Это закреплено в последней версии Концепции внешней политики Российской Федерации (2023)¹, утверждающей в качестве одного из региональных приоритетов курс на расширение взаимодействия с Минском в рамках Союзного государства России и Белоруссии (СГРБ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Белорусские инициативы востребованы у партнеров по Организации Договора

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. Доступ: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.12.2024).

о коллективной безопасности (ОДКБ). В июле 2024 г. РБ стала десятым по счету полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а в октябре 2024 г. — партнером БРИКС. Значимость разделяемого и Беларусью, и Россией геостратегического видения для Москвы трудно переоценить, особенно в современных условиях выпадения из классической триады «братских славянских народов» такого важного звена, как Украина.

В данном контексте не критичное восприятие общей исторической памяти как незыблемого фундамента единения белорусского и русского народов несет в себе риски контрпродуктивного — на фоне обострения геополитической борьбы России с так называемым коллективным Западом — самоуспокоения. Положившись на историю «многовековой братской дружбы», легко забыть об изменчивости интерпретаций этой истории под влиянием внутри- и внешнеполитических факторов.

Два элемента, согласно классическому определению Э. Ренана, составляют «душу нации» (а работа по выстраиванию эффективного Союзного государства во многом схожа с формированием «государства-нации»). Первый — «общее обладание богатым наследием воспоминаний», второй — «общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством» [Renan, 1997: 46]. Устойчивость этого соглашения во многом определяется актуальной политической конъюнктурой, задающей социальные рамки для осмысления и переосмысления истории.

Сказанное служит обоснованием актуальности цели настоящего исследования — на основе рассмотрения эволюции исторической политики РБ с момента обретения ею независимости и до наших дней выявить ключевые факторы, обуславливающие содержательную трансформацию официального исторического нарратива республики. Фокус внимания автора направлен на раскрытие связки между изменением внутри- и внешнеполитического контекста и «непредсказуемостью прошлого» ближайшего стратегического партнера России. Тесная связь исторической политики с идентичностью сообщества, ограничивающей диапазон доступных политическим элитам модальностей балансирования/примыкания, обуславливает практическую значимость поставленной в статье задачи для специалиста-международника.

Теоретические рамки и методы исследования

С переходом к дезорганизованной форме капитализма, характеризующейся активизацией конкурентной борьбы и уменьшением влияния государства на экономику [Jessor, 2002], высветилась важность культурного измерения разного рода социально-политических и социально-экономических процессов. На разделяемое большей частью академического сообщества представление *Culture Matters* наложился современный «мемориальный бум». Предпосланный очередным этапом трансформации мирового порядка, он накрыл гуманитарные дисциплины взрывной волной исследований, предполагающих обращение к исторической памяти.

Прошлое реконструируется в настоящем, и характер этой реконструкции определяется в динамическом взаимодействии различных, включая государство, агентов памяти. Утверждение собственного исторического нарратива в качестве доминирующего чаще всего сопряжено с удержанием в своем распоряжении ряда символических и материальных ресурсов, т.е. становится еще одним инструментом борьбы за власть как за «шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения, даже вопреки сопротивлению, на чем бы такой шанс ни был основан» [Weber, 1972: 122].

Коллективы, в отличие от отдельных индивидов, создают воспоминания как социальные конструкции [Ассман, 2014]. Подход к прошлому через призму этой важнейшей характеристики, впервые четко обозначенной французским социологом М. Хальбваксом [Хальбвакс, 2007], полностью переносит прошлое в настоящее. Таким образом, историческая память оказывается связана не с историей как таковой, а только с ее наследием в том виде, в каком оно запоминается и интерпретируется.

Идентификация исторической памяти по ее постоянно меняющимся социальным рамкам стала одной из ключевых тем обширной междисциплинарной литературы, охватывающей области социологии, психологии, истории. Однако политологи также внесли свой вклад в ее разработку, переключив внимание исследователей с социологического анализа сути памяти на инструменталистский в своей основе вопрос: а что коллективы могут делать с памятью? [The collective memory reader, 2011].

Важнейшие функции, которые историческая память выполняет для сохранения и поддержания идентичности нации, особенности

ее использования как инструмента легитимации действий режима получили широкое освещение в отечественной² и зарубежной³ научной литературе. Посредством исторических нарративов, «мест памяти» [Нора, 1999], «изобретенных традиций» [Hobsbawm, Ranger, 1983] определенная версия прошлого передается будущим поколениям и как таковая несет в себе потенциал объединения людей вокруг позитивного представления о себе. Обеспечивая необходимую связь между «историей (как фактом) и национальной идеологией (как мифом)» [Markovits, Reich, 1997: 12], историческая политика (т.е. сознательное, целенаправленное конструирование исторических оценок и трактовок прошлого государственными и окологосударственными институтами) позволяет нациям поддерживать устойчивость видения самих себя в мире [Steele, 2008], превращаясь в одну из скреп онтологической безопасности.

В рамках данного исследования онтологическая безопасность рассматривается нами в терминах Дж. Хейманса, а именно — как «стратегия управления пределами рефлексивности посредством вписывания социальных отношений в символический и институциональный порядок» [Huysmans, 1998: 242].

Анализируя динамику эволюции исторической политики РБ, мы ожидаемо будем придерживаться конструктивистского подхода к трактовке исторической памяти. Однако в рамках данной статьи попытаемся подсветить и внешнеполитическое измерение исторической политики. Последнее зачастую упускается из рассмотрения большей частью исследователей, предпочитающих изучать специфику поддержания национальной сплоченности за счет конструирования нарративов прошлого. Мы же попробуем показать, как с помощью исторической политики государство добивается своих международных целей. Официальные исторические нарративы,

²Приводимый список трудов, безусловно, не исчерпывающий, но в нем сознательно выделены коллективные монографии последних лет, обобщающие широчайший массив наработок предшественников, сфокусированные на систематизации категориально-понятийного аппарата и обосновывающие постановку новых исследовательских вопросов: [Идентичность как категория политической науки, 2011; Идентичность: личность, общество, политика..., 2023; Методологические вопросы изучения политики памяти, 2018; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы..., 2020].

³Классическими для этого направления можно назвать труды таких теоретиков национализма, как Э. Геллнер и Б. Андерсон: [Gellner, 1983; Anderson, 1983].

предъявляемые международному сообществу, обычно проходят предварительную апробацию внутри страны и отражают сложившуюся иерархию ценностей конкретной политики. Вместе с тем это не означает невозможности выстраивания исторических нарративов с *изначальным* прицелом на международную аудиторию и *последующим* согласованием с внутринациональным ландшафтом памяти. Таким образом, маршрут воздействия памяти может пролегать и от международной сферы к внутренней, а не наоборот.

Исходя из того, что дипломатия памяти сохраняет целенаправленный характер внешней политики и может быть квалифицирована как инструментальная стратегия, ориентированная на достижение конкретной международной цели, в статье мы косвенно затрагиваем проблемы секьюритизации истории, мнемонической безопасности, получившие концептуализацию в работах датской исследовательницы М. Мальксоо [Mälksoo, 2015].

Перечисляя авторов, обращавшихся к рассмотрению исторической политики РБ, невозможно не упомянуть работы О.Г. Буховца, описывавшего ее становление в первые десятилетия независимости республики. Он, в частности, подготовил отдельную главу — «Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация “ремифологизации”» — для коллективной монографии «Национальные истории на постсоветском пространстве» Ассоциации исследователей российского общества АИРО-XXI [Буховец, 2010]. В соавторстве с Д.Е. Фурманом написана статья об особенностях белорусского самосознания [Фурман, Буховец, 1996]. И в монографии, и в ряде других публикаций [Буховец, 2008, 2009] ученый активно использовал данные комплексного исследования «Развитие белорусской нации», проведенного Независимым институтом социально-экономических и политических исследований в 1992 г. Результаты опросов были изложены в коллективной работе Ю.С. Ермолаева, В.Н. Карбалевича, В.Н. Ламако [Ермолаев и др., 1992]. Кроме того, сквозь призму идентитарного подхода О.Г. Буховец оценивал перспективы российско-белорусской интеграции [Буховец, 2003].

Новеллы исторической политики РБ последних лет, присущие ей противоречия и пересечения белорусского и украинского вариантов исторической политики освещались в статьях ведущего научного сотрудника Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН А.Д. Гронского [Гронский, 2023а, 2023б].

Развитие национальной идентичности Беларуси в условиях конкуренции европейского и евразийского (пророссийского) интеграционных проектов анализировала Л.Г. Титаренко [Titarenko, 2007; Титаренко, 2010; Титаренко, Широканов, 2010]. Взаимосвязь национальной идентичности белорусов с их историческими, политическими и языковыми предпочтениями рассматривали Н.А. Антанович [Антанович, 2010], А. Зам [Зам, 1995], Л.И. Науменко [Науменко, 2012], В.Г. Шадурский [Шадурский, 2014]. Последний выделил четыре группы, каждая из которых осуществляет собственную политику памяти: белорусы (западнорусисты); советские белорусы (местные, «тутэйшыя», «креолы»), белорусы и евробелорусы. При этом сам автор признал, что «в сложившихся условиях доминирующая роль в формировании исторической политики принадлежит руководству государства» [Шадурский, 2014: 22]. Эффективность такого инструмента исторической политики, как «мобилизация Средневековья», в обосновании древних истоков белорусского нациогенеза и преодолении «имперской ситуации» оценивал А.И. Филюшкин [Филюшкин, 2017]. Уникальный характер белорусской культуры в контексте восточнославянской цивилизации подчеркивала О.В. Батраева [Батраева, 2010а, 2010б]. К дискуссионному в своей политизированности, но интересному заключению пришел в своих исследованиях Ю.В. Шевцов, посчитавший белорусов «народом катастрофы», причем «катастрофой» была названа не Великая Отечественная война (ВОВ), что легко можно было бы предположить, а авария на Чернобыльской атомной электростанции (АЭС). «Чернобыльская катастрофа дала белорусской культуре моральное обоснование самостоятельного существования и право оценивать степень моральности иных культур, особенно культур развитых стран» [Шевцов, 2005], — утверждал автор, проецируя этот вывод на отношения Беларуси как со странами Запада, так и с Россией.

Тему раздробленности памяти в Беларуси и наличия ярко выраженного европейского компонента в белорусской идентичности развивали Г. Саганович [Sahanovich, 2002]; А. Браточкин [Браточкин, 2016], Н. Бекус [Bekus, 2010]. Этапы трансформации европейской составляющей в процессе нациестроительства выделили Е.А. Бикетова и Ю.Г. Чернышов, отметившие малую вероятность утраты ею своего значения в ближайшем будущем [Бикетова, Чернышов, 2018]. Избирательное заимствование элементов «советского наследия» в ис-

торической политике РБ было проанализировано в более поздней работе Е.А. Бикетовой, констатировавшей факт ремифологизации части его основных постулатов (например, роли Беларуси в Великой Отечественной войне) в пользу национальной истории [Бикетова, 2020]. Обзор сосуществующих в общем политическом пространстве страны, но соответствующих противоположным историческим нарративам символов, а также специфики их применения в различных контекстах содержится в исследовании Д.В. Петрухиной [Петрухина, 2024].

О противоречиях между советским прошлым и национальной перспективой писал А. Ластовский [Ластовский, 2009], опыт нациестроительства Украины и Беларуси с учетом влияния идентитарного фактора сравнивали М. Нордберг, Т. Кузьо [Нордберг, Кузьо, 1998], Л.В. Томайчук [Томайчук, 2013].

Крайне полезной с точки зрения изучения расстановки политических сил в РБ и специфики эволюции политической системы оказалась коллективная монография ИМЭМО РАН под ред. Э.Г. Соловьёва «Постсоветские государства на современном этапе: внутриполитическая динамика и поиск путей развития» [Постсоветские государства..., 2024].

Компаративный анализ нормативно-ценностных установок исторической политики России и Беларуси был осуществлен в исследовании А.А. Линченко и Е.В. Беляевой [Линченко, Беляева, 2020], констатировавших неспособность общего советского прошлого стать этико-мировоззренческой основой формирования космополитической идентичности СГРБ, несмотря на то что Великая Отечественная война 1941–1945 гг. занимает центральное место в культуре памяти обеих стран. Различия в образах ВОВ у российской и белорусской молодежи, выявленные на основе обработки 50 фокусированных интервью респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, были показаны в исследовании 2021 г. А.Ю. Бубнова и М.А. Савельевой. Фиксируя проявившуюся в тот период тенденцию к ментальному дистанцированию молодых белорусов от культурного единства с Россией, авторы указали, что нарастающая разница в восприятии ВОВ связана в том числе с оценкой статуса 9 мая, преобладанием трагической памяти, акцентированием символов войны и позицией в споре о вкладе в победу СССР и США [Бубнов, Савельева, 2021].

На расхождения в официальных нарративах России и Беларуси о Великой Отечественной войне обращают внимание и зарубежные исследователи, подчас преувеличивая их. В частности, эксперт Института европейских исследований Бременского университета С. Льюис рассматривает почетное звание «партизанской республики», заслуженное Беларусью в годы ВОВ, как наследие советского «колониального дискурса» и способ навязывания доминирующих норм идентичности «угнетаемому населению» [Lewis, 2017]. В данном контексте следует подчеркнуть, что об отчуждении Беларуси от себя самой в результате «советского колониального подчинения» всё же громче всех говорят белорусские националистически настроенные интеллектуалы, в ряду которых можно выделить В. Акудовича [Акудовіч, 2003, Акудовіч, 2007] и В. Ракицкого [Ракицкі, 2010]. А вот с контраргументами выступают преимущественно интегрировавшиеся в западное академическое сообщество русскоязычные исследователи, например Е. Гапова [Гапова, 2005] и А. Першай [Pershai, 2008, 2012], которые рассматривают белорусский постколониализм как нарративный шаблон, созданный в политических целях активистами постсоветской РБ. Что же касается англоязычных авторов, то они нередко акцентируют в своих работах исторически обусловленную разделенность белорусского общества и опасность так называемой ресоветизации во всех областях, в том числе в сфере исторической политики [Belavusau, 2022; Ackermann et al., 2023].

Подводя итог историографического обзора, отметим, что в отечественной науке белорусскому сюжету уделяется несравнимо меньше внимания, чем украинской теме или противостоянию с так называемым коллективным Западом в области исторической политики. Такой дисбаланс легко объясним, поскольку в первом приближении изучение «войн памяти» представляется значительно более привлекательным, чем поиск эффективных инструментов реализации дипломатии памяти. В текущих условиях мы с ближайшим стратегическим союзником «битву за историю» не ведем, но оценить накопленный к настоящему времени Минском мнемонический арсенал было бы полезно.

Выводы данной работы были получены с использованием курс-анализа, выполненного на различных типах документов, включая законодательные акты, материалы СМИ, тексты политических выступлений, сообщения официальных институтов, вовлеченных

в реализацию исторической политики РБ. Обращение к дискурс-анализу позволило выйти за рамки простого описания содержания исторических нарративов и перейти к объяснению, под воздействием каких внутри- и внешнеполитических факторов эти нарративы формировались и решению каких задач, выходящих за пределы чистой науки, они отвечают.

Первая половина 1990-х годов: преодоление болезни постсоветского роста

В первые годы независимости историческая политика официального Минска базировалась на элементах, схожих с теми, что использовались другими бывшими советскими республиками в поисках национальной идентичности. Это в первую очередь «удревнение» истории, фетишизация «внероссийского» (в данном случае — литовского) периода в истории Беларуси и утверждение принципиальной разности белорусов и великорусов. Закономерно и совершенно обоснованно в 1993 г. в школьную программу был добавлен отдельный курс по истории страны. Однако одним из ключевых элементов официального исторического нарратива 1990-х годов стала «битва при Орше» 1514 г., возведенная белорусскими националистами в ранг мифа-основания государства.

В российской историографии этому событию, встроеному в череду сражений Русско-литовской войны 1512–1522 гг., традиционно уделялось незначительное внимание. В Оршанской битве русское войско противостояло объединенным силам Королевства Польского и Великого княжества Литовского, в состав которого входили современные белорусские земли. Русская армия отступила, однако стратегическое значение победы польско-литовского воинства оказалось скромным: не был взят даже Смоленск, как и ряд других территорий, в конечном счете оставшихся в составе Российского государства. Попытка углубить историю белорусов через отсылку к сражению, победа в котором была достигнута в первую очередь поляками, выглядит неубедительно. Говорить же о формировании национального самосознания белорусов применительно к первому десятилетию XVI в. было бы откровенным преувеличением. Тем не менее соответствующий нарратив активно продвигала целая плеяда белорусских специалистов, в ряду которых можно выделить Г.Н. Сагановича и В.А. Орлова. Стремление выдать сомнительный

средневековый триумф польского короля за ратный подвиг белорусов вписывалось в общую тенденцию поиска национальной идентичности через противопоставление себя России во всех ее исторических итерациях и находило полное понимание на Западе.

С конца 1980-х годов общественное движение Белорусский народный фронт «Возрождение» (реорганизовано в 1993 г. в «Партию БНФ») продвигало «миф» о Куропатах. Опорные элементы этого нарратива были сформулированы в 1988 г. в совместной статье будущего лидера БНФ, на тот период научного сотрудника Института истории Академии наук БССР З. Позняка и его коллеги Е. Шмыгалёва «Куропаты — дорога смерти», опубликованной в издании «Литература и искусство»⁴. Газетная публикация сообщала читателю о факте захоронения в лесном массиве Куропаты жертв политических репрессий сталинского режима. С этого времени в пространстве политики памяти Беларуси развернулись «бои за историю» далеко не местного значения. Версия, что с 1937 по 1941 г. в лесном массиве Куропаты под Минском органы НКВД⁵ совершали массовые расстрелы граждан, была подтверждена в ходе проведенного прокуратурой БССР в 1988–1989 гг. расследования. По его итогам в 1990 г. коллективом авторов в составе Г.С. Тарновского, В.В. Соболева и Е.Г. Горелик была опубликована книга «Куропаты: следствие продолжается...»⁶. Информационный резонанс вокруг этой темы не удивляет: впервые в республике было возбуждено уголовное дело по расследованию преступлений, совершенных пять десятилетий назад. Контрнарратив был сформулирован достаточно быстро: в июне 1990 г. члены общественной комиссии по расследованию преступлений в Куропатах под председательством В.П. Корзуна направили в Прокуратуру СССР собранный ими материал, доказывавший, что в лесном массиве захоронены жертвы немецко-фашистских захватчиков, а не расстрелов НКВД. В дальнейшем в общественно-политическом дискурсе эта версия была закреплена двумя научно-популярными изданиями: работой А.В. Смолянка «Куропаты. Гибель фальшивки. Документы и факты» [Смолянка, 2011] и книгой А.С. Плавинского «Куропаты — у истоков исторической сенсации» [Плавинский,

⁴Пазняк З., Шмыгалёв Я. Куропаты — дарога сьмерці // Літаратура і мастацтва. № 23. 03.06.1988.

⁵Народный комиссариат внутренних дел СССР. — *Прим. ред.*

⁶Тарнавский Г., Соболев В., Горелик Е. Куропаты: следствие продолжается. М.: Юридическая литература, 1990.

2019]. Тем не менее в заключениях Генеральной прокуратуры РБ по итогам повторных расследований в 1995 и 2001 гг. «Куропаты» были вписаны в трагическую летопись событий «Большого террора», а не военных преступлений нацистов в годы Великой Отечественной войны [Дюков, 2017].

Надо отметить, что тему Куропат достаточно быстро подхватили в Польше: с 1992 г. путем нехитрого символического переноса происходившие там события закрепились в польском общественно-политическом дискурсе под названием «пятая Катынь». 15 января 1994 г. президент США (1993–2001) У. Клинтон во время своего шестичасового визита в РБ успел провести переговоры с председателем Верховного Совета С. Шушкевичем и премьером В. Кебичем, возложить венок к монументу Победы, но также поучаствовать в открытии скамейки в Куропатах. С этой скамейкой радикальные сторонники А.Г. Лукашенко воюют до сих пор, обычно путем нанесения на нее оскорбительных надписей, отсылающих к бурной личной жизни американского президента.

К сожалению, в попытке привлечь максимум общественного внимания к трагедии в Куропатах группа З. Позняка прибегла к манипуляции статистикой жертв, включив в расчеты останки, не только реально обнаруженные в захоронениях, но и якобы изъятые оттуда. Не подкрепленные никакой адекватной объяснительной схемой предположения и обобщения позволили З. Позняку выйти на внушительную цифру в 250 тыс. человек. На этом фоне оценки следствием общего числа захороненных в Куропатах — «более 30 тыс. человек» — внушали больше доверия, но также не отличались точностью, поскольку были получены методом прямой экстраполяции данных о найденных останках на все предполагаемые места захоронения. Прихотливые извивы борьбы различных политических сил за собственную версию «трагедии в урочище Куропаты» подробно описаны научным сотрудником Института российской истории РАН А. Дюковым в статье 2017 г. «К вопросу о численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах», завершающейся тезисом о том, что «под Минском лежат не сотни и даже не десятки тысяч расстрелянных. Однако из этого не следует, что память жертв сталинских репрессий не заслуживает увековечения» [Дюков, 2017].

Подобно тому, как это происходило на всём постсоветском пространстве, историческая политика РБ оказалась заложницей исхода

противостояния между сторонниками евразийской и антиевразийской интеграции. Отдельные авторы описывают последнее как столкновение «роевропейской/национальной» и «просоветской/пророссийской ориентаций» [Шадурский, 2014: 11], но отождествление «национального» с «роевропейским» представляется нам несколько некорректным. С нашей точки зрения, эпитет «национальный» в большей степени отражает подход, сфокусированный на примирении конфликтующих сторон за счет выработки самобытной формы существования, в том числе с помощью частичной актуализации идеи философа И.В. Кончевского (Абдзираловича) о способности РБ выступить «мостом» между Востоком и Западом [Абдзіраловіч, 1993].

И необходимо отметить, что более взвешенная в отношении выбора геостратегической ориентации позиция нашла отклик у электората, что подтвердили первые президентские выборы в истории РБ (1994). Споры о содержании национальной идентичности, естественно, затрагивали вопросы употребления русского и белорусского языков, и приверженцы национального подхода предлагали придать русскому языку статус государственного, что логично именно из соображений формирования гражданской нации при большом проценте русскоязычных среди населения.

На прошедшем в мае 1995 г. референдуме политика А.Г. Лукашенко, направленная на более тесную экономическую интеграцию с Россией и придание русскому языку статуса равноправного государственного языка, была одобрена⁷. Процесс фактической дерусификации, осуществлявшийся под более благозвучным названием

⁷ По инициативе А.Г. Лукашенко в мае 1995 г. состоялся первый республиканский референдум. В качестве вопросов, решение по которым является окончательным и «имеет обязательную силу на всей территории Республики Беларусь», были вынесены следующие три: «Согласны ли Вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?»; «Поддерживаете ли Вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь?»; «Поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?». По первому вопросу «за» проголосовало 83,3%, по второму — 75,1%. В поддержку идеи более тесной кооперации с Россией в экономической сфере выступили 83,3%. См. подробнее: Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов «Об итогах голосования на республиканском референдуме 14 мая 1995 года» // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. Доступ: archive-referenda-1995-soob.pdf (rec.gov.by) (дата обращения: 17.12.2024).

«белорусизации», был приостановлен. Учащиеся средних школ, специальных и высших учебных заведений получили право свободного выбора языка обучения [Сергеев, Фадеев, 2019]. И, наконец, важным маркером поворота в исторической политике стала смена государственной символики — отказ от утвержденного в 1991 г. бело-красно-белого флага и герба «Погоня»⁸.

Т.е. уже в первой половине 1990-х годов наметился переход к мягкой стратегии построения «нации-государства», не предполагающей тотальной дерусификации.

Вторая половина 1990-х годов: избирательная ресоветизация

Несмотря на то что первые годы президентства А.Г. Лукашенко ознаменовались заключением Таможенного союза между РФ и РБ (1995); подписанием Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве (1995); созданием Сообщества России и Белоруссии (1996) и далее — формированием Союзного государства (1999), нельзя сказать, что политика президента носила исключительно пророссийский характер. Баланс в сторону Москвы стал смещаться лишь с переходом Запада от соблазнения действующего режима преимуществами европеизации к попыткам его смены как авторитарного и бонапартистского по своей сути. Реакцией Запада на итоги ноябрьского референдума 1996 г., приведшего к усилению президентской власти и продлению полномочий А.Г. Лукашенко, стали приостановка статуса РБ в качестве «специально приглашенной страны» в Парламентской ассамблее Совета Европы и отказ последнего ратифицировать Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Европейским союзом, заключенное в марте 1995 г.

К середине 1990-х годов обозначились три подхода к вопросу формирования белорусской исторической науки и исторического сознания нации. Часть специалистов, связанных преимущественно

⁸ Герб «Погоня» был гербом Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Белорусской Народной Республики (БНР в 1918 г.). Во время нацистской оккупации Белоруссии в 1941 г. немцы в целях сотрудничества с местным населением создали там органы местной администрации: Белорусскую центральную раду, полицию, Союз белорусской молодежи и т.д. В качестве символов захваченной территории, оформленной как «генеральный округ Вайссрутиен», была дана отмашка использовать бело-красно-белый флаг и герб «Погоня». С тех пор за двухцветным стягом белорусских националистов закрепилась репутация символа коллаборационизма.

с общественной организацией «Славянский собор “Белая Русь”» и минским городским клубом «Исторические знания», заняла консервативную позицию, призывая ограничиться косметической правкой выработанных еще в период СССР исторических нарративов. Второе направление было представлено сторонниками «творческого подхода», стремившимися переосмыслить прошлое без излишней политизации. Представители третьего подхода взяли курс на полный демонтаж прежнего исторического знания, усиление этноцентризма и отрицание исторической общности белорусского и русского народов [Вирская, 2002].

Соотношение сил этих трех групп изменилось во второй половине «девяностых», которая стала для исторической политики РБ периодом частичного возврата к советским установкам, в первую очередь к представлению о БССР как о «первом белорусском государстве». Выстраивание подобной линии преемственности позволило государству одним выстрелом убить двух зайцев. Во-первых, борьба режима с оппозицией была описана в терминах противостояния экзистенциального уровня. В общественно-политический дискурс интегрировались антиномии выбора: Белорусская Народная Республика против Белорусской Советской Социалистической Республики; коллаборационисты против Красной армии и Советского государства; «Батька» против купленных Западом либералов-националистов. Во-вторых, создавалась почва для последующей приватизации памяти о Великой Отечественной войне [Борисов, 2012: 37].

На второй республиканский референдум (1996) наряду с другими вопросами было вынесено предложение президента страны перенести «...День независимости Республики Беларусь (День Республики) на 3 июля — день освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне»⁹. «За» проголосовали 88,18%¹⁰.

Реабилитация «советского» во второй половине 1990-х годов не привела к ликвидации национальной историографии. Уместнее говорить о ее адаптации. Выбор 3 июля в качестве даты отмеча-

⁹ Ранее День независимости отмечался 27 июля, когда Беларусь вслед за семью другими республиками СССР приняла Декларацию о государственном суверенитете.

¹⁰ Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов «Об итогах голосования на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года» // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. Доступ: archive-referenda-1996-soob.pdf (rec.gov.by) (дата обращения: 17.12.2024).

Дня независимости в данном случае показателен. Дата относится к освобождению Минска, а не к окончанию самой войны. Обращение к ней помогает национализировать военную память в РБ. Акцентирование внимания на партизанской войне — и Беларуси как «партизанской республике» — было призвано подчеркнуть особую роль белорусского народа.

Преобладание памяти о ВОВ в обращении властей к советскому наследию легко объяснимо. В силу своей непротиворечивости она выступает основным конституирующим белорусскую нацию мифом [Ластовский, 2009]. Помимо этого объединяющего сюжета найдется на так много тем, способных содействовать консолидации нации. Знаковыми, но болевыми точками коллективной памяти белорусского народа выступают такие элементы советской истории, как авария на Чернобыльской АЭС (лидер «черного списка» событий, вызывающих чувства горечи и стыда), война в Афганистане, сталинские репрессии, коллективизация [Ластовский, 2010].

С учетом всего сказанного предлагаемое рядом авторитетных отечественных [Линченко, Беляева, 2020] и западных [Belavusau, 2022; Ackermann et al., 2023] исследователей описание исторической политики РБ в период с 1994 по 2003 г. в парадигме «ресоветизации» представляется не вполне точным. В данном случае мы наблюдаем избирательное заимствование наиболее «политически пригодного» прошлого советской символики при полном ее идеологическом выхолащивании.

Первая половина 2000-х годов: идеологизация и тенденция приватизации памяти о Великой Отечественной войне

К началу 2000-х годов очевидным стало торможение интеграционных процессов в рамках СГРБ: несмотря на создание ряда межгосударственных структур и унификацию законодательства, сторонам не удавалось достичь консенсуса относительно формата объединения и принять единый Конституционный акт¹¹.

Что же касается исторической политики, то в продвигавшемся А.Г. Лукашенко и поддерживаемом всеми государственными учреж-

¹¹ Акт этот не принят до сих пор, хотя предполагалось, что он станет своего рода промежуточным звеном между Договором о создании Союзного государства и его полноценной Конституцией.

дениями идеологическом нарративе была многократно усилена роль ВОВ и патриотического воспитания. Отметим, что Беларусь является единственным постсоветским государством, на официальном уровне закрепившим государственную идеологию¹², причем не в виде набора символов и абстрактных тезисов, а в качестве законченной системы с внедрением ее в образовательный процесс как обязательной дисциплины. При Администрации президента было образовано Главное идеологическое управление, а также созданы управления идеологической работы на городских и муниципальных уровнях. В 2003 г. в учебные программы вузов Беларуси был введен курс «Основы идеологии белорусского государства»; с 2004/2005 учебного года осуществляется преподавание спецкурса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)»¹³.

Хорошими поводами органично встроить историческую память о ВОВ в идеологическую работу стали два юбилея: 60-летие освобождения Беларуси в 2004 г. и 60-летие победы в ВОВ в 2005 г. Были проведены реставрационные работы в таких значимых мемориальных комплексах, как Хатынь и Курган Славы. 29 апреля 2005 г. на юго-восточном въезде в Минск у станции метро «Могилёвская» был установлен первый памятник белорусскому партизанскому движению — «Беларусь партизанская».

С середины 2000-х годов обозначилась тенденция приватизации памяти о Великой Отечественной войне. Отдельные специалисты, в частности Н. Лещенко [Leshchenko, 2004: 339] и солидаризировавшаяся с ней в выводах А. Гужон, рассматривают ее как «часть более глобальной национализации политики белорусской идентичности», указывая, что А.Г. Лукашенко реализовывал «стратегию строительства нации, направленную на согласование белорусской суверенности для укрепления авторитарного правления в стране» [Goujon, 2010: 8].

¹² Доклад Президента Республики Беларусь на семинаре руководящих работников по идеологической работе 27 марта 2003 г. // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Доступ: <http://www.president.gov.by/press29213.html> (дата обращения: 17.12.2024).

¹³ О совершенствовании идеологической и воспитательной работы в учреждениях, обеспечивающих получение высшего образования. 3 февраля 2005 г. № 42. Доступ: <https://www.belstu.by/documents/vospit-rab/norm-pr-obesp/prikazy/osovershenstvovani.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).

Власти перешли к продвижению белорусского опыта войны как в его героическом, так и в жертвенном измерении. Акцентировалась идея уникальности (с точки зрения его массовости) партизанского движения, развернувшегося в Беларуси против немецких захватчиков. Подчеркивалось, что историческое значение этого движения до сих пор не получило адекватной оценки.

Можно констатировать, что в 2000-е годы историческая политика РБ служила построению именно гражданской нации (белорусский народ рассматривался как часть наднационального славянского сообщества, избирательно заимствовались советские наработки). При этом обращение к памяти о войне выступало инструментом легитимации политики А.Г. Лукашенко в отношении внесистемной оппозиции, нередко изображаемой в качестве «фашистов» или «пятой колонны». В свою очередь оппозиция предлагала собственную версию политики памяти, в рамках которой белорусский лидер выступал идейным продолжателем работы «советской репрессивной машины». Иными словами, разлом между двумя мемориальными дискурсами отражал конкуренцию двух версий белорусской национальной идентичности. Первая основывалась на восточнославянском компоненте и включала советскую историю, преподносимую преимущественно в положительном свете, вторая закладывала в основание идентичности белорусов этнические характеристики (прежде всего язык, но также национальную память) и не допускала возможности рассмотрения советского прошлого в позитивном ключе [Гоцлон, 2010: 9]. В данном случае уместно провести параллели с исторической политикой Украины до «оранжевой революции», которая была подробно проанализирована экспертом Украинского исследовательского института Гарвардского университета С. Шулманом в статье «Контуры гражданской и этнической национальной идентификации на Украине» [Shulman, 2004].

На сегодняшний день в Беларуси насчитывается около 9 тыс. памятников и захоронений ВОВ¹⁴. Коммеморативные мероприятия, разворачивающиеся вокруг этих «мест памяти», используются

¹⁴Значение «мест памяти» ВОВ в общественной культуре памяти и государственной исторической политике Республики Беларусь раскрывается в исследовании Алеси Корсак. В нем дана типологизация мест захоронения различных жертв нацистской политики согласно действующему белорусскому законодательству, раскрыты проблемные аспекты мемориализации мест, связанных с жертвами среди гражданского населения [Корсак, 2021].

властями и в качестве платформы для трансляции идеи о том, что страна всё еще находится в состоянии борьбы — сопротивления попыткам внешних и внутренних сил дестабилизировать режим А.Г. Лукашенко. Так, во время церемонии открытия архитектурно-скульптурного знака «Беларусь партизанская» в 2005 г. президент страны призвал ветеранов ВОВ не беспокоиться за будущее республики. «Я понимаю ветеранов, они с опаской посматривают на разного рода цвета — оранжевые там, голубые и так далее. Смеею вас заверить: за Беларусь будьте спокойны. Как когда-то на последнем рубеже нашего Отечества здесь мы нанесли решительные удары по фашизму, так и теперь тот, кто посмеет ступить на эту светлую землю, обогренную людской кровью, получит достойный отпор»¹⁵, — заявил глава государства. Намек на «оранжевую революцию» на Украине был очевиден, как и символическая параллель между противостоящим оранжевой угрозе режимом и белорусским сопротивлением нацизму в период ВОВ. В этой символической конструкции А.Г. Лукашенко оказывался главным защитником стабильности и продолжателем дела ветеранов войны. Показательно, что на открытие комплекса были приглашены граждане иностранных государств, участвовавшие в боях за Беларусь. Помимо выходцев из России и Украины присутствовали представители Польши, Австрии, Норвегии, Италии, Венгрии, Швейцарии. Таким образом, нарратив, транслировавшийся в ходе этих коммеморативных мероприятий, был адресован как внутренней, так и внешней аудитории.

Беларусь между Востоком и Западом, или как бытие определяло сознание

Изображение оппозиции как идейных наследников коллаборационистов времен Второй мировой войны вошло в реестр методов государственной пропаганды с середины 1990-х годов, частота же обращения к этому инструменту варьировала в зависимости от степени давления, оказываемого западным сообществом на режим. В целом же антизападные элементы в исторической политике страны ретушировались в периоды охлаждения российско-белорусских

¹⁵ Трагедия Великой Отечественной не должна повториться // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. 29.04.2005. Доступ: <https://president.gov.by/ru/events/tragedija-velikoj-otechestvennoj-ne-dolzha-povtoritsja-2172> (дата обращения: 17.12.2024).

отношений. Так, отметим, что историческая политика в полной мере испытала на себе влияние конфликтов в области энергетического сотрудничества между двумя «братскими республиками». Результаты несовпадения интересов России как нетто-экспортера и Беларуси как нетто-импортера энергоресурсов на фоне общей тенденции к постепенному отходу от льготных условий поставок ряд экспертов отрасли описывали в терминах «нефтегазовых войн». Наиболее заметными стали конфликты в 2006–2007 и 2009–2010 гг., спровоцировавшие резкое обострение политических отношений между странами и временное блокирование транзита российской нефти в ЕС¹⁶. Еще одним камнем преткновения оказался вопрос экспортных пошлин и доступа белорусской молочной продукции на российский рынок.

К концу 2010-х годов смена информационной повестки сместила баланс в исторической политике страны в сторону утверждения нарратива о наличии у белорусской нации собственного, отличного от России, пути развития. Этот тезис с различной степенью жесткости и осуждения советского прошлого транслировался как властными кругами, так и оппозицией.

Показательно, что в 2012 г. на фоне широкого празднования в РФ 1150-летия российской государственности в Беларуси с максимально возможным размахом и участием президента страны отметили альтернативный праздник — 1150-летие Полоцка. Лейтмотивом коммеморативных мероприятий стало указание, причем со ссылкой на «Повесть временных лет», что «именно на полоцкой земле берет начало белорусская государственность». Тезис этот расходится с текстом самой «Повести», где существование средневекового Полоцка описывается исключительно в контексте Древнерусского государства. «Изобретение традиции» празднования основания Полоцка как «древнейшего белорусского города» было призвано подчеркнуть многовекторный характер политики официального Минска. Характерно, что в рамках выступления на Дне города в 2012 г. А.Г. Лукашенко счел необходимым подчеркнуть: «Беларусь — это не задворки Европы, а врата в ЕвроАзию, ключ к практическому воплощению идеи интеграции интеграций. Ведь объединение потенциалов Европейского и Евразийского союзов позволит создать совершенно

¹⁶ Нефтегазовые споры России и Белоруссии // РИА Новости. 03.04.2017. Доступ: <https://ria.ru/20170403/1491221294.html> (дата обращения: 17.12.2024).

новые возможности для динамичного развития и всестороннего сотрудничества стран и народов двух континентов»¹⁷.

Российско-украинский конфликт 2014 г. – вызов «альянсу памяти» официальных Москвы и Минска

Сецессия Крыма, конфликт на Юго-Востоке Украины определили повестку дня постсоветского пространства (да и не только) в 2014–2015 гг. и в еще большей степени развернули вектор белорусской исторической политики в сторону «мягкого национализма». На фоне резко обострившихся российско-западных (с Евросоюзом и США) отношений Минск стал переговорной площадкой по «украинскому кризису», попытавшись выступить в роли «донора безопасности». Белорусские провластные элиты начали воспринимать Москву в качестве пока еще крайне полезного, но всё более токсичного партнера. В области исторической политики эта переоценка ценностей выразилась в складывании тактического союза между правящими кругами и националистической прослойкой общества. Правительство приступило к поиску новых объектов коллективной памяти и объединяющих символов.

27 июня 2014 г. на праздновании 1040-летия города Витебска был торжественно открыт памятник Ольгерду — великому князю Литовскому, Витебскому и Кревскому, значительно расширившему границы княжества Литовского за время своего правления и дважды (пусть и неудачно) нападавшему на Москву. Незадолго до этого в центре белорусской столицы была установлена скульптура войта, посвященная получению Минском Магдебургского права¹⁸. В совокупности подобные инициативы были призваны продемонстрировать наличие у белорусского народа собственной

¹⁷ «Беларусь — это не задворки Европы, а врата в ЕвроАзию, ключ к практическому воплощению идеи интеграции интеграций», — заявил Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, выступая на концерте, посвященном 1150-летию города Полоцка // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 25.05.2012. Доступ: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2012/may/9079/> (дата обращения: 17.12.2024).

¹⁸ Магдебургское право, полученное Минском в 1499 г., по решению короля Польского и великого князя Литовского Александра Ягеллончика, означало право на самоуправление. Одновременно жители Минска получали право на частную земельную собственность, что значительно активизировало экономическое и культурное развитие города. Королевская грамота также разрешала минчанам построить в городе ратушу. В 1831 г. Магдебургского права Минск, согласно указу императора

богатой событиями истории, а также традиций, сформировавшихся до включения белорусских земель в состав Российской империи. Этой же задаче косвенно содействовала государственная программа «Замки Беларуси», продолжавшаяся с 2012 по 2016 г., а позже ставшая частью более масштабной государственной инициативы «Культура Беларуси» на 2016–2020 гг. Показательна оценка, данная председателем Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по образованию, культуре и науке, членом-корреспондентом Национальной академии наук И. Марзалюком результатам реализации двух указанных проектов: «Я не раз говорил, что самое колоссальное достижение за 25 лет института президентства в Беларуси — это наш реальный архитектурный суверенитет. Для меня этот суверенитет определяют две знаковые вещи: реставрация замков и восстановление ратуш, ведь замки и ратуши — маркеры *европейской* [курсив наш. — А.П.] белорусской истории. Это то, чего нет в соседней России в силу того, что она развивалась иначе в историческом плане: там никогда не было самоуправления и не было феодализма в классическом смысле слова. А в нашей стране есть такая особенность, которая соединяет нас с Востоком и Западом, с европейской культурной традицией»¹⁹. В этой цитате мы обнаруживаем одновременно и желание утвердить европейскую версию белорусской истории через ее противопоставление истории российского народа, и признание продуктивности персоналистского правления А.Г. Лукашенко.

В 2018 г. политический режим РБ удивил многих. Ярким маркером движения в сторону «мягкой белорусизации» стало разрешение столичных властей провести митинг-концерт в честь очередного — теперь уже 100-летнего — юбилея Белорусской Народной Республики (БНР), образованной в период германской оккупации Северо-Западного края и просуществовавшей под прикрытием рейхсверовских штыков около полугода. Ранее официальные лица стремились противодействовать «Дню воли», запрещая его проведение и арестовывая участников несанкционированных митингов. В 2018 г. было разрешено даже использование традиционно-оппозиционной сим-

Николая I, был лишен, а еще спустя 26 лет была снесена и городская ратуша, вновь восстановленная лишь в 2004 г.

¹⁹Целяшук В. Какие плоды дала госпрограмма «Замки Беларуси?» // Звязда. 31.07.2019. Доступ: <https://zviazda.by/ru/news/20190731/1564558698-kakie-plody-dalagoprogramma-zamki-belarusi> (дата обращения: 17.12.2024).

волики. Советская и белорусская теле- и радиоведущая, народная артистка БССР З.А. Бондаренко озвучила с открытой сцены в центре Минска обращение лауреата Нобелевской премии по литературе 2015 г. С.А. Алексиевич, в котором содержались следующие примечательные тезисы: белорус — «это человек, который мечтает о свободе», «те, кто вырос в СССР, ничего про нее [БНР] не знали», «Сталин делал из белорусов русских»²⁰. Последнее заявление не может не вызывать недоумение, поскольку именно при И.В. Сталине Белорусская ССР стала одной из стран — учредительниц Организации Объединенных Наций и получила собственную независимую дипломатическую службу, что предопределило последующее признание международным сообществом независимой Беларуси в начале 90-х годов XX в.

Стратегия огосударствления содержащих протестный потенциал общественных инициатив, переход от принципа «держат и не пущат» к формату «не можешь победить — возглавь» нашли отражение и в работе режима А.Г. Лукашенко с темой урочища Куропаты. Проблему увековечивания «неудобного прошлого» было решено устранить, перехватив инициативу у негосударственных общественных движений и оппозиционных объединений, которые с конца 1990-х годов занимались расчисткой леса в Куропатах и установкой памятных крестов. В 2017 г. президент страны озвучил поручение создать в Куропатах «аккуратный, не гигантский — не Брестскую крепость — мемориал»²¹. В дальнейшем ссылками на стремление привести территорию в порядок (а то «крестов навбивали на этом кладбище больше, чем деревьев»²²) объяснялись действия властей по устранению стихийно возведенных мемориальных символов, формировавших дополнительное пространство притяжения протестного электората²³.

²⁰ Цуканова А. День воли-2018: власть уступает — и ничего не выигрывает // Фонд стратегической культуры. 26.03.2018. Доступ: <https://www.fondsk.ru/news/2018/03/26/den-voli-2018-vlast-ustupaet-i-nichego-ne-vyigryvaet.html> (дата обращения: 17.12.2024).

²¹ Лукашенко: Брестской крепости в Куропатах не будет // Sputnik. 24.03.2017. Доступ: <https://sputnik.by/20170324/lukashenko-brestskoj-kreposti-v-kuropatah-ne-budet-1027993446.html> (дата обращения: 17.12.2024).

²² Лукашенко призвал не политизировать ситуацию вокруг места захоронения жертв репрессий // ТАСС. 20.04.2019. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6357214> (дата обращения: 17.12.2024).

²³ В октябре 1988 г. на месте захоронения прошел первый массовый митинг в республике, что вписало его в список значимых символических пространств для оппозиции.

К 2019 г. зыбкий консенсус, сформировавшийся в белорусском обществе в отношении следа НКВД в истории урочища Куропаты как основной версии событий, стал размываться. В апреле 2019 г., отвечая на вопросы журналистов относительно перспектив мемориала в Куропатах, А.Г. Лукашенко, признав, что надо «отдать дань уважения тем, кто был застрелен в 30-е, 40-е, еще в какие-то годы», заявил: «Мы сегодня даже не знаем: это только сталинские репрессии или там хоронили и подзахоранивали еще кого-то, или там фашисты расстреливали людей. Мы же этого не знаем. И я не сторонник, чтобы опять копошиться и рыться от раскопок до архивов»²⁴.

Таким образом, мы видим, что власть пошла по пути огосударствления инициативы за сохранение памяти о Куропатах, чтобы иметь возможность заретушировать наиболее неудобный элемент куропатского нарратива — ответ на вопрос о природе происхождения жертв.

Несколько забегаая вперед, отметим, что сегодня в отношении атак радикалов на мемориал в память о жертвах репрессий власти придерживаются стратегии *laissez-faire*. 27 мая 2024 г. с большого креста, установленного в 1989 г. на входе в урочище, отбили икону Матери Божьей Куропатской, автором которой был художник Алесь Марочкин, но большого резонанса в официальной прессе это событие не вызвало. Как и регулярные акты осквернения креста памяти Вацлава Ластовского, общественно-политического деятеля, автора первого учебника по истории Беларуси, обвиненного по делу о «Союзе за освобождение Беларуси», приговоренного к высылке и в итоге расстрелянного²⁵.

В 2019 г. вице-премьер РБ И. Петришенко и бывший глава страны С. Шушкевич приняли участие в церемонии государственного перезахоронения руководителей и участников польского восстания 1863–1864 гг. (в том числе Кастуся Калиновского, национального ге-

²⁴ «Надо отдать дань уважения тем, кто там лежит», — Лукашенко высказался о Куропатах // БЕЛТА. 20.04.2019. Доступ: <https://belta.by/president/view/nado-otdat-dan-uvazhenija-tem-kto-tam-lezhit-lukashenko-vyskazalsja-o-kuropatah-344817-2019/?ysclid=m4i740fhan551295509> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁵ Само появление креста памяти Ластовского на территории урочища Куропаты обусловлено политическими, а не историческими соображениями. Ластовский был расстрелян в Саратове, а настоящее место его захоронения не знает никто. Но Куропаты, позиционирующиеся как «место памяти» всех невинно убиенных, становятся пространством, где обретают последнее пристанище те, кто оказался лишен даже этой малости в годы «Большого террора».

роя Беларуси, повешенного царскими властями после суда в Вильно). Вильнюс в тот день объединил делегации четырех стран — Беларуси, Литвы, Польши и Украины. Присутствовавший на мероприятии глава Католического костела в РБ Т. Кондруевич выступил с заявлением, в котором подчеркнул: «Калиновский первым воспринимал белорусов как отдельную политическую нацию. Ничто так не объединяет, как кровь, пролитая в совместной борьбе за свободу. Символично, что повстанцев перезахороняют в Вильнюсе — городе, который объединяет литовцев, поляков и белорусов»²⁶.

В контексте охлаждения отношений с Россией новое прочтение получила история Отечественной войны 1812 г. Она была преподнесена как братоубийственная, поскольку в ходе боевых действий, разворачивавшихся на территории современной Беларуси, часть населения поддержала Наполеона в надежде на восстановление Речи Посполитой и отмену крепостного права²⁷.

Интерпретация белорусской истории, в большей степени совместимая с российским официальным нарративом, была представлена в «Концепции белорусской государственности» — программном документе, подготовленном экспертами Института истории Национальной академии наук Беларуси. На основе этой Концепции с 2018 по 2020 г. велась работа по подготовке 5-томника «История белорусской государственности». Согласно документу государственность — «это потенциальная способность этнонациональной общности и ее элиты, обеспечивающая право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития. Государство же — это конкретно-историческое воплощение государственности, совокупность государствообразующих факторов» [Полетаева, Полетаев, 2020: 104]. Принципиальной новеллой предлагаемого коллективом авторов подхода было выделение исторических и национальных форм государственности, в которых государственность белорусская находила воплощение, оставаясь «неразрывным целым». Таким образом, Киевская Русь, Полоцкое

²⁶ Что было на прощании с Калиновским в Вильнюсе // БДГ Деловая газета. 23.11.2019. Доступ: <https://belta.by/president/view/nado-otdat-dan-uvazhenija-tem-ko-tam-lezhit-lukashenko-vyskazalsja-o-kuropatah-344817-2019/?ysclid=m4i740fhan55129550> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁷ Учебное пособие для 8-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / Под ред. В.А. Сосно. Минск: Издательский центр БГУ, 2018. С. 15–17.

и Туровское княжества, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя описывались как исторические формы государственности на белорусских землях. И в их рамках постепенно формировалась «государственность белорусского народа, нашедшая воплощение в национальных формах: Белорусская Народная Республика, Социалистическая Советская Республика Беларусь, Советская Социалистическая Республика Литвы и Беларуси, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Республика Беларусь» [Данилович, 2018: 10].

Представляется, что к началу 2020 г. власти достигли предельно возможной степени «белорусизации» исторической политики: дальнейшее заигрывание с националистическим (причем прозападным в своем национализме) меньшинством грозило размывать легитимность правящей элиты в представлении белорусского большинства и в еще большей степени настроить против режима официальную Москву. Отношения же с РФ и так стремительно деградировали: в предложениях Д.А. Медведева по углублению интеграции в рамках СГРБ Минск видел попытку недружественного поглощения, работа над «дорожными картами» шла крайне тяжело, а главы МИД в итоге перешли к общению посредством публикаций в СМИ. И если в политической сфере белорусская многовекторность выражалась в активизации взаимодействия с КНР с целью компенсировать ухудшение отношений с Россией, то в экономической она воплотилась в диверсификацию товарооборота по формуле 30/30/30, призванную снизить зависимость от партнера по СГРБ [Лизан, 2023: 13].

Евросоюз, поощряя дистанцирование РБ от России, в феврале 2016 г. снял санкции, 13 лет действовавшие в отношении А.Г. Лукашенко и 170 белорусских чиновников. Всем был открыт въезд в страны ЕС. Помимо этого Минску пообещали упростить визовый режим. Однако память о том, что санкции Брюсселя, не действовавшие с 2008 по 2011 г., вводились в ответ на аресты оппозиционеров, несогласных с результатами президентских выборов в 2010 г., была еще слишком жива. А.Г. Лукашенко не мог не осознавать, что еврочиновники сделают всё возможное, чтобы воспрепятствовать его очередному вступлению в должность президента, и если Беларусь и пойдет по европейскому пути, отрекаясь от «токсичной» России, то уж точно без него.

«Я думала, это весна, а это — оттепель...»

Прихотливые колебания государственной исторической политики стали еще одним фактором, способствовавшим складыванию у белорусской общественности ощущения дуновения «ветра перемен». В Минске открылись десятки западных некоммерческих организаций, поддерживавших эту иллюзию. Президентские выборы 2020 г. либеральная оппозиция восприняла как «окно возможностей» и приложила все усилия, чтобы ими воспользоваться. Действительно, президентская кампания лета 2020 г. стала одной из самых горячих по накалу конфронтации между действующей властью и оппозиционными кандидатами. Скандальность всего происходившего многократно усилил недопуск до выборов основных оппонентов А.Г. Лукашенко — бывшего главы Белгазпромбанка В. Бабарико, первого директора белорусского Парка высоких технологий В. Цепкало и блогера С. Тихановского. Стало очевидно, что все попытки режима найти такой вариант взаимодействия с ЕС и США, который обеспечил бы потепление их отношений с РБ без трансформации архитектуры белорусской власти, не увенчались успехом.

При этом прямо накануне выборов низшей точки достигли российско-белорусские отношения. Избирательная кампания А.Г. Лукашенко в 2020 г. оказалась «в значительной мере построена на антироссийских выпадах, на разоблачении планов московских “кукловодов” лишить белорусов собственного государства и готовности им противостоять» [Постсоветские государства..., 2024: 75]. 29 июля власти РБ объявили о задержании 33 боевиков частной военной компании (ЧВК) «Вагнер», среди которых — граждане России и Украины. Им инкриминировали подготовку массовых беспорядков в ходе президентской избирательной кампании и связывали с делом против несостоявшегося кандидата в президенты С. Тихановского. Источники в российских спецслужбах назвали всё это провокацией со стороны Украины²⁸, но некоторое время отношения между двумя братскими республиками оставались натянутыми.

Антироссийские акценты в избирательной кампании и переход к более активной белорусизации оттолкнули от действующего прези-

²⁸ Давыдов Д. Россия получила доказательства участия Украины в провокации с 33 «вагнеровцами» // Национальная служба новостей. 19.08.2020. Доступ: <https://nsn.fm/policy/rossiya-poluchila-dokazatelstva-uchastiya-ukrainy-v-provokatsii-s-33-vagnerovtsami> (дата обращения: 17.12.2024).

дента часть русскоязычных избирателей, но не помогли приобрести голоса прозападных оппозиционеров. И август 2020 г. расставил всё на свои места: повторения Евромайдана не допустили силовики, на укрепление рассыпавшейся вертикали государственных СМИ были брошены эксперты «Russia Today», а Москва оказалась единственным гарантом белорусского суверенитета. Результаты президентских выборов в РБ не признали ПА ОБСЕ²⁹, США, Великобритания, Польша, Германия, Литва, Чехия, Евросоюз, Украина. Экономическая диверсификация обернулась для страны уязвимостью: Великобритания, США и ЕС быстро ввели санкции против белорусских предприятий, воспользовавшись их зависимостью от технологий и рынков сбыта [Лизан, 2023: 13]. К 4 ноября 2021 г. в силу возобновления действия приостановленных ранее, а также принятия новых пакетов антибелорусских санкций вопрос политической многовекторности утратил для А.Г. Лукашенко всякую актуальность.

Разочарование в коллективном Западе способствовало укреплению альянса памяти действующих властей Беларуси и России. Это сближение отразилось в числе прочего в объявлении в 2021 г. Указом Президента Республики Беларусь № 206 17 сентября Днем народного единства. Выбор даты наглядно иллюстрировал смену вектора исторической политики: праздник был приурочен к годовщине начала освободительного похода Красной армии в Западную Беларусь, в результате которого разделенный по условиям Рижского мирного договора белорусский народ вновь воссоединился³⁰. Показательно, что идею сделать 17 сентября общезначимой государственной датой обсуждали минимум с 2009 г., но на фоне потепления отношений с Западом и нежелания «раздражать» поляков отсылками к 1939 г. дальше обсуждений дело не заходило.

По инициативе Генеральной прокуратуры РБ в мае 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма»³¹, направленный на борьбу со всеми формами и прояв-

²⁹ Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. — *Прим. ред.*

³⁰ История Дня народного единства в Беларуси // Белорусский государственный университет. 2023. Доступ: <https://bsu.by/news/istoriya-dnya-narodnogo-edinstva-v-belarusi-d/> (дата обращения: 17.12.2024).

³¹ Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма». Доступ: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12100103> (дата обращения: 17.12.2024).

лениями нацизма, оправданием его доктрины и практики, героизацией нацистских преступников и их пособников; а в январе 2022 г. — Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа»³², которым предусмотрено юридическое признание этого факта и одновременно установлена уголовная ответственность за его отрицание. Однако, что характерно, обращение к истории было официально увязано с событиями августа 2020 г. и последующего постэлекторального периода. На официальном сайте Генеральной прокуратуры РБ напрямую заявлено: «Подпитываемые идеями нацизма попытки экстремистов совершить в Беларуси государственный переворот показали, что мы стали забывать ее трагические страницы и уроки, пренебрегать достигнутыми жизнью и кровью родных и близких благами: миром, свободой, независимостью и правом на самоопределение, а также перестали напоминать об этом не только гражданам своей страны, но и всему мировому сообществу»³³. Один из разделов, посвященных описанию результатов инициированного в 2021 г. расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы ВОВ и послевоенный период носит название «Параллели между событиями современности и прошлого».

В 2021 г. Минск активизировал переговорный процесс с Москвой об углублении интеграции на условиях, которые изначально выдвигала Россия. Следует отметить, что российская сторона не стала загонять в угол партнера по СГРБ, принуждая к признанию Крыма и иных территориальных приобретений. На начальном этапе Москве оказалось достаточно устного признания Крыма российским, удержания белорусской армией границ РБ в ходе специальной военной операции (СВО) и помощи детям Донбасса.

С начала СВО Минск присоединился к российским ограничениям на торговлю с Украиной, а 27 февраля 2022 г. в Беларуси состоялся всенародный референдум по внесению изменений и дополнений в Конституцию страны. Незадолго до этого, 4 февраля 2022 г. президент подписал распоряжение о создании Республиканского совета

³² Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-3 «О геноциде белорусского народа». Доступ: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12200146> (дата обращения: 17.12.2024).

³³ Расследование уголовного дела о геноциде // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. Доступ: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovno-go-dela-o-genotside/> (дата обращения: 17.12.2024).

по исторической политике³⁴, призванного стать постоянно действующим межведомственным консультативным и координирующим органом по проведению единой государственной политики в сфере исторической памяти. Сам 2022 г. был объявлен в РБ Годом исторической памяти, и его важнейшим достижением (помимо создания Совета) можно назвать внесение в ст. 54 обновленной Конституции нормы о том, что сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина. Впервые на постсоветском пространстве модальность реализации исторической политики в отношении конкретного события была зафиксирована Основным законом страны. Кроме того, по Конституции «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» (ст. 15)³⁵.

В декабре 2024 г. А.Г. Лукашенко подтвердил факт размещения в республике тактического ядерного оружия для защиты Союзного государства. «Я сюда ввез ядерные боеголовки. Не один десяток штук. Многие пишут: “А, это шутка, никто ничего не ввез”. Ввезли. А то, что они говорят, что это шутка, значит, они прозевали»³⁶, — сообщил журналистам А.Г. Лукашенко. Отметим, что из обновленной Конституции РБ были исключены положения о стремлении республики к нейтралитету и ее безъядерности, что имеет принципиальное значение в условиях проведения СВО и нарастающего противоборства на международной арене. Эти нововведения были отбалансированы добавлением тезиса о том, что «республика исключает военную агрессию в сторону других государств» [Сергеев, Волков, 2023: 28].

На фоне усиления российско-белорусской интеграции Минск несколько отошел от стратегии приватизации памяти о Великой

³⁴ О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь. Распоряжение № 22рп от 4 февраля 2022 г. Доступ: <https://president.gov.by/ru/documents/rasporozhazhenie-no-22rp-ot-4-fevralya-2022-g> (дата обращения: 17.12.2024).

³⁵ Конституция Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Доступ: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 17.12.2024).

³⁶ Лукашенко: Россия вернула в Беларусь ядерное оружие // Sputnik. 10.12.2024. Доступ: <https://sputnik.by/20241210/lukashenko-v-belarusi-est-yadernoe-oruzhie-1091763360.html> (дата обращения: 17.12.2024).

Отечественной войне, перейдя к сакрализации героизма, жертвенности и морального единства в борьбе с внешним врагом.

* * *

География — это судьба, и Республика Беларусь в силу одного только географического положения обречена испытывать на себе «насильственный мессианизм» то восточно-, то западноевропейского культурного типа, пытаюсь определить свои геостратегические приоритеты и выстроить собственную, белорусскую идентичность. В столь непростых условиях «бои за историю» оказываются отражением политических, социальных и экономических конфликтов национального и международного уровней.

«То, что Павел говорит о Петре, больше говорит о самом Павле, чем о Петре»³⁷. Тот факт, что западные эксперты описывают историческую политику позднего А.Г. Лукашенко в терминах ресоветизации, свидетельствует скорее об укоренившихся в сознании евроатлантистов стереотипах и страхах, чем о реальности политического использования прошлого в Беларуси. Так называемая ресоветизация носит фрагментарный характер и проявляется не столько в содержании ключевых идеологем, сколько в стиле их внедрения.

Сегодняшняя Беларусь оказалась в числе лидеров в области мнемонического конституционализма — продвижения правового регулирования исторической памяти на конституционном уровне³⁸. Секьюритизация исторической проблематики проявилась в принятии законов, вводящих уголовную ответственность за отрицание геноцида белорусского народа или оправдание нацизма. Эти законы очертили рамки экзистенциального противостояния с Польшей, Украиной и отдельными странами Евросоюза в сфере исторической политики. Примеры криминализации мемориального законодательства мы обнаруживаем и в России, и на Украине, однако Беларусь стала первой страной, Конституция которой закрепляет обязанность государства обеспечить сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге народа в годы Великой Отечественной войны.

³⁷ Цитата Бенедикта Спинозы, которую приводит Эрих Фромм в книге «Психологический анализ и религия».

³⁸ Belavusau U. The 'Year of Historical Memory' and Mnemonic constitutionalism in Belarus // VerfBlog. 08.09.2022. Available at: <https://verfassungsblog.de/mnemonic-constitution-belarus/> (accessed: 17.12.2024).

Предстоящее 80-летие Победы все официальные лица рассматривают как «важнейший юбилей нашей общей истории», призванный «наглядно подтвердить наше единство в сохранении исторической памяти и борьбе с ее фальсификацией»³⁹. Выбор между «Беларусь помнит» и «Бессмертным полком» уже не стоит: в РБ предполагается провести две акции одновременно. Казалось бы, мы наблюдаем отказ от приватизации истории ВОВ в частности и от белорусизации в целом.

Однако к выстраиванию официального исторического нарратива, более комплементарного по отношению к российскому, Минск перешел вынужденно — лишь после того, как поддерживаемая евро-атлантическим сообществом «революция несбывшихся надежд» августа 2020 г. продемонстрировала команде А.Г. Лукашенко все издержки «многовекторности». Сближение с Россией было обусловлено стремлением обеспечить стабильность режима в условиях «нерукопожатности» на Западе, тем более что компенсацией за вынужденный отказ от «европейничанья» стали экономические преференции при сохранении достаточной внутри- и внешнеполитической автономии. При этом раздробленный — в силу исторических обстоятельств складывания белорусского общества — режим памяти в стране сохранился, хотя пространство для выражения мнений, не совпадающих с транслируемыми официальной властью, для мнемонических агентов заметно сузилось.

Тем не менее собранный за годы независимости Беларуси корпус научных текстов, «мест памяти», документов достаточно эклектичен и содержит «точки входа» для развертывания исторической политики в любую политически выгодную сторону. В этом наборе «мнемонического лего» можно найти детали для выстраивания как пророссийского, так и проевропейского нарратива. И в данном контексте тезис об имманентном братстве двух народов прекрасен как политический лозунг, призванный придать дополнительный вес уже сложившемуся консенсусу, но значительно менее полезен как теоретическая презумпция для прогнозирования направленности геостратегического выбора партнера. «Устойчивость сложных натур

³⁹ Сергей Алейник заявил о прочном фундаменте братского сотрудничества в СГ // Российская газета. 13.11.2024. Доступ: <https://rg.ru/2024/11/13/sergej-alejnik-zaiavil-o-prochnom-fundamente-bratskogo-sotrudnichestva-v-sg.html> (дата обращения: 17.12.2024).

объясняется их гибкостью», — говаривал Шарль Морис де Талейран, и можно констатировать, что исключительная устойчивость режима А.Г. Лукашенко поддерживается его же не менее исключительной гибкостью, проявляемой в том числе в области исторической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антанович Н.А. Историко-культурные условия национально-государственного строительства и политического развития Республики Беларусь // ПОЛИТЭКС. 2010. № 2. С. 176–197.

2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

3. Батраева О.В. На культурном пограничье: Беларусь как социокультурный тип в контексте восточного славянства // Беларуская думка. 2010. № 2. С. 102–108.

4. Батраева О.В. Социокультурные основания белорусской идентичности // Вестник БГУ. Серия 3. 2010. № 1. С. 47–51.

5. Бикетова Е.А. Политика памяти в Беларуси: особенности национального дискурса // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 49–59.

6. Бикетова Е.А., Чернышов Ю.Г. Нациестроительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 1 (62). С. 94–103. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103.

7. Борисов Н.А. Формирование национальной идеологии и проблемы легитимности политического режима на примере идеологии белорусского государства // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 1. С. 29–40.

8. Браточкин А. Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множества памятей» // Історія, пам'ять, політика: Збірник статей / Упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай. Київ, 2016. С. 9–52.

9. Бубнов А.Ю., Савельева М.А. Память о Великой Отечественной войне в Беларуси как пространство «мемориальных войн» (на примере анализа онлайн-дискуссии) // Вопросы политологии. 2021. № 3 (67). С. 663–674. DOI: 10.35775/PSI.2021.67.3.008.

10. Буховец О.Г. Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации». Национальные истории на постсоветском пространстве — П. Десять лет спустя / Под ред. Ф. Бомсфорда, Г. Бордюгова. М.: Фонд Ф. Наумана, АИРО — XXI, 2010. С. 15–43.

11. Буховец О.Г. Союз РБ — РФ. Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией. М.: Огни, 2003.

12. Буховец О.Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая) // Современная Европа. 2008. № 4. С. 33–45.

13. Буховец О.Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть вторая) // Современная Европа. 2009. № 3. С. 73–84.

14. Вирская В. Белорусская историография в контексте исторического образования (вторая половина 1980 — середина 1990-х гг.) // Гісторыя: праблемы выкладання. 2002. № 4. С. 71–72.

15. Гапова Е. О политической экономии «национального языка» в Беларуси // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 405–441.

16. Гронский А.Д. Год исторической памяти в Белоруссии: итоги, проблемы, перспективы // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1 (58). С. 34–43. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-1-34-43.

17. Гронский А.Д. Историческая политика в постсоветской Белоруссии: вчера и сегодня // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2023. № 6. С. 260–271.

18. Данилович В. Концепция истории белорусской государственности // Наука и инновации. 2018. № 11. С. 9–15.

19. Дюков А. К вопросу о численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах // Международная жизнь. 2017. № 7. Доступ: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1890> (дата обращения: 17.12.2024).

20. Ермолаев Ю.С., Карбалевич В.Н., Ламако В.Н. и др. Развитие белорусской нации: анкета республиканского опроса. Минск, 1992.

21. Зам А. Белорусы: опыт самоидентификации // Нёман. 1995. № 4. С. 136–147.

22. Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2011.

23. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023.

24. История белорусской государственности: В 5 т. / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. Н.Б. Нестерович. Минск: Беларуская навука, 2018–2020.

25. Корсак А.И. «Места памяти» Великой Отечественной войны на территории Белоруссии // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 2 (25). С. 316–333.

26. Ластовский А.А. Историческая память как фактор укрепления белорусской идентичности // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 187–195.

27. Ластовский А.А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 88–99.

28. Лизан И.Ю. От отчуждения к сближению. Эволюция российско-белорусских отношений после августа 2020 г. Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран — участниц Евразийского экономического союза «Союзный нарратив 2050». Звенигород, 2023.

29. Линченко А.А., Беляева Е.В. Союзное государство — общая память? Этические основания исторической политики России и Беларуси в XXI веке // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2. С. 97–111. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10206.

30. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко М.: Нестор-История, 2018.

31. Науменко Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика. Минск: Беларус. навука, 2012.

32. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

33. Нордберг М., Кузьо Т. Построение наций и государств. Историческое наследие и национальные самосознания в Белоруссии и Украине (сравнительный анализ) // Белоруссия и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М.: Права человека, 1998. С. 376–392.

34. Петрухина Д.В. Национальные символы Республики Беларусь: культурное единство и исторический выбор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2024. № 1. С. 109–121. DOI: 10.31249/hist/2024.01.06.

35. Плавинский А.С. Куропаты — у истоков исторической сенсации. М.: Бизнесофсет, 2019.

36. Полетаева Н.И., Полетаев С.А. Обзор научного издания «История белорусской государственности» // История и современное мировоззрение. 2020. № 2. С. 103–109.

37. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

38. Постсоветские государства на современном этапе: внутривнутриполитическая динамика и поиск путей развития / Отв. ред. Э.Г. Соловьёв. М.: ИМЭМО РАН, 2024.

39. Сергеев Н., Волков Г. Республика Беларусь и специальная военная операция // Постсоветский материк. 2023. № 2. С. 27–46. DOI: 10.48137/23116412_2023_2_27.

40. Сергеев Н., Фадеев А. Завершение формирования плюралистического авторитаризма в Республике Беларусь перед выборами 2019–2020 гг. // Постсоветский материк. 2019. № 3. С. 5–33.

41. Смолянюк А. Куропаты: гибель фальшивки. Документы и факты. Минск, 2011.

42. Титаренко Л.Г. Концепция белорусской национальной идентичности в условиях современной многовекторности развития // Философия

и социальные науки. Белорусский государственный университет. 2010. № 4. С. 24–28.

43. Титаренко Л.Г. Развитие национальной идентичности населения Беларуси в условиях современных глобализационных и интеграционных процессов // Взаимодействие устойчивости и инновационности в развитии белорусского общества: Сборник научных трудов. Минск, 2009. С. 182–196.

44. Титаренко Л.Г., Широканов Д.А. «Конкуренция идентичностей»: глобальные и национальные векторы влияния (Беларусь и Россия) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2010. № 1. С. 98–109.

45. Томайчук Л.В. Формирование национальной идентичности на постсоветском пространстве: на примере Украины и Республики Беларусь: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.

46. Филюшкин А.И. «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // Quaestio Rossica. 2017. № 2. С. 569–590. DOI: 10.15826/qr.2017.2.239.

47. Фурман Д.Е., Буховец О.Г. Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 57–75.

48. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

49. Шадурский В.Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого. Труды факультета международных отношений БГУ: Научный сборник. Минск, 2014.

50. Шевцов Ю.В. Объединенная нация: феномен Беларуси. М.: Европа, 2005.

51. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам Дасьледзіны беларус. Сьветагляду. Мінск: Навука і тэхніка, 1993.

52. Акудовіч В. Код адсутнасці (асновы беларускай ментальнасці). Мінск: Логвінаў, 2007.

53. Акудовіч В. Сучасная беларуская філасофія: праблемы і героі // Анталёгія сучаснага беларускага мысьленьня. СПб.: Невский простор, 2003. С. 10–22.

54. Ракіцкі В. Беларуская Атлянтыда. Кніга другая: Міты і брэндзі калянізаванай нацыі. Выдавец: Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода. Praha, 2010.

55. Ackermann F., Błaszczak T., Melnikau I. Memory in Belarusian policies towards Germany and Poland. European Network for Belarus. Berlin, 2023.

56. Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso, 1983.

57. Bekus N. Struggle over identity: The official and the alternative 'Belarusianness'. Budapesht, 2010.

58. Belavusau U. The 'Year of historical memory' and mnemonic constitutionalism in Belarus // *VerfBlog*. 08.09.2022. Available at: <https://verfassungsblog.de/mnemonic-constit-belarus/> (accessed: 17.12.2024).
59. The collective memory reader / Ed. by J.K. Olick, V. Vinitzky-Seroussi, D. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2011.
60. Gellner E. Nations and nationalism. Oxford: Blackwell publishing, 1983.
61. Goujon A. Memorial narratives of WWII partisans and genocide in Belarus University of Bourgogne // *East European Politics and Societies*. 2010. No. 1. P. 6–25.
62. Hobsbawm E., Ranger T. The invention of tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
63. Huysmans J. Security! What do you mean? From concept to thick signifier // *European Journal of International Relations*. 1998. Vol. 4. No. 2. P. 226–255.
64. Jessop B. The future of the capitalist state. London: Polity, 2002.
65. Kłysiński K., Konończuk W. Opposites put together Belarus's politics of memory. Centre for Eastern Studies. Warsaw, 2020.
66. Leshchenko N. A fine instrument: Two nation-building strategies in Post-Soviet Belarus // *Nations and Nationalism*. 2004. No. 3. P. 333–352.
67. Lewis S. The 'Partisan Republic': Colonial myths and memory wars in Belarus // *War and memory in Russia, Ukraine and Belarus* / Ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. Cham, UK: Palgrave Macmillan, 2017. P. 371–396.
68. Mälksoo M. 'Memory must be defended': Beyond the politics of mnemonic security // *Security Dialogue*. 2015. Vol. 46. No. 3. P. 221–237.
69. Markovits A.S., Reich S. The German predicament: Memory and power in the new Europe. Ithaca: Cornell University Press, 1997.
70. Pershai A. Localness and mobility in Belarusian nationalism: The tactic of *tuteishaść* // *Nationalities Papers*. 2008. Vol. 36. № 1. P. 85–1034.
71. Pershai A. The nationalist discourse in post-socialist Belarus: Dilemmas of nationalism theories and local intellectual context. PhD Thesis. Peterborough, Ontario: Trent University, 2012.
72. Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? Paris: Mille et une nuits, 1997.
73. Sahanovich H. The war against Belarusian history // *Education in Russia, the Independent States and Eastern Europe*. 2002. No. 1. P. 18–27.
74. Shulman S. The contours of civic and ethnic national identification in Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 2004. No. 1. P. 35–56.
75. Steele B. Ontological security in international relations: Self-identity and the IR state. New York: Routledge, 2008.
76. Titarenko L. Post-soviet national identity: Belarusian approaches and paradoxes // *Filosofija. Sociologija*. 2007. No. 4. P. 79–90.
77. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1972.

REFERENCES

1. Antanovich N.A. 2010. Istoriko-kul'turnye usloviya natsional'nogo gosudarstvennogo stroitel'stva i politicheskogo razvitiya Respubliki Belarus' [Historical and cultural environment in the nation-state building processes and modern political development in the Republic of Belarus]. *POLITEKS*, no. 2, pp. 176–197. (In Russ.)
2. Assmann A. 2014. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russ.)
3. Batraeva O.V. 2010a. Na kul'turnom pogranich'e: Belarus' kak sotsiokul'turnyi tip v kontekste vostochnogo slavyanstva [On the cultural borderland: Belarus as a sociocultural type in the context of Eastern slavism]. *Belaruskaya dumka*, no. 2, pp. 102–108. (In Russ.)
4. Batraeva O.V. 2010b. Sotsiokul'turnye osnovaniya belorusskoi identichnosti [Sociocultural foundations of Belarusian identity]. *Vestnik BGU. Seriya 3*, no. 1, pp. 47–51. (In Russ.)
5. Biketova E.A. 2020. Politika pamyati v Belarusi: osobennosti natsional'nogo diskursa [Politics of memory in Belarus: Features of national discourse]. *Dnevnik Al'tayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*, no. 36. pp. 49–59. (In Russ.)
6. Biketova E.A., Chernyshov Yu.G. 2018. Natsiestroitel'stvo Respubliki Belarus' i evropeyskii komponent belorusskoi identichnosti [Nation-building in the Republic of Belarus and European component in Belarusian identity]. *World Economy and International Relations*, no. 1 (62). pp. 94–103. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103. (In Russ.)
7. Borisov N.A. 2012. Formirovanie natsional'noi ideologii i problemy legitimnosti politicheskogo rezhima na primere ideologii belorusskogo gosudarstva [National ideology and the legitimacy of political regime (in case with the Belorussian state ideology)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, no. 1, pp. 29–40. (In Russ.)
8. Bratochkin A. 2016. Politika pamyati v prostranstve Minska: mezhdubavneniem i idei 'mnozhestva pamyatei' [Politics of memory in the space of Minsk: Between oblivion and the idea of 'multiple memories']. In: Kas'yanov G., Gaidai O. (eds.). *Istoriya, pam'yat', politika* [History, memory, politics]. Kiev, pp. 9–52. (In Russ.)
9. Bubnov A.Yu., Savel'eva M.A. 2021. Pamyat' o Velikoi Otechestvennoy voine v Belarusi kak prostranstvo 'memorial'nykh voyn' (na primere analiza onlain-diskussii) [The memory of the Great Patriotic War in Belarus as a space of 'memorial wars' (on the example of online discussion analysis)]. *Voprosy politologii*, no. 3 (67), pp. 663–674. DOI: 10.35775/PSI.2021.67.3.008. (In Russ.)
10. Bukhovets O.G. 2010. Istoripisanie postsovet'skoi Belarusi: demifologizatsiya 'remifologizatsii' [Historiography of post-Soviet Belarus: Demythologization]

tion of 'remythologization']. In: Bomsford F., Bordyugov G. (eds.). *Natsional'nye istorii na postsovetском prostranstve — II. Desyat' let spustya* [National histories in the post-Soviet space — II. Ten years later]. Moscow, Fond F. Naumana, AIRO — XXI Publ., pp. 15–43. (In Russ.)

11. Bukhovets O.G. 2003. *Soyuz RB — RF. Elity i massovoe soznanie Belarusi o nastoyashchem i budushchem integratsii s Rossiei* [RB–RF union. Elitic and public opinion attitudes concerning the present situation and the future of the intergration with Russia]. Moscow, Ogni Publ. (In Russ.)

12. Bukhovets O.G. 2008. Era natsionalizma i osobennosti obrazovaniya natsiy v Evrope (Chast' pervaya) [Era of nationalism & peculiarities of nations formation in Europe (Part I)]. *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 33–45. (In Russ.)

13. Bukhovets O.G. 2009. Era natsionalizma i osobennosti obrazovaniya natsiy v Evrope (Chast' vtoraya) [Era of nationalism & peculiarities of nations formation in Europe (Part II)]. *Contemporary Europe*, no. 3, pp. 73–84. (In Russ.)

14. Virskaya V. 2002. Belorusskaya istoriografiya v kontekste istoricheskogo obrazovaniya (vtoraya polovina 1980 — seredina 1990-kh gg.) [Belarusian historiography in the context of historical education (second half of 1980 — mid-1990s)]. *Gistoryya: Problemy vykladannya*, no. 4, pp. 71–72. (In Russ.)

15. Gapova E. 2005. O politicheskoi ekonomii 'natsional'nogo yazyka' v Belarusi [On the political economy of the 'national language' in Belarus]. *Ab Imperio*, no. 3, pp. 405–441.

16. Gronsky A.D. 2023a. God istoricheskoi pamyati v Belorussii: itogi, problemy, perspektivy [Year of historical memory in Belarus: Results, problems, prospects]. *Rossiya i novyye gosudarstva Evrazii*, no. 1 (58), pp. 34–43. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-1-34-43. (In Russ.)

17. Gronsky A.D. 2023b. Istoricheskaya politika v postsovetской Belorussii: vchera i segodnya [Historical politics in post-Soviet Belarus: Yesterday and today]. *Trudy Instituta postsovetских i mezhregional'nykh issledovaniy*, no. 6, pp. 260–271. (In Russ.)

18. Danilovich V. 2018. Kontseptsiya istorii belorusskoi gosudarstvennosti [The concept of history of Belarusian statehood]. *Nauka i innovatsii*, no. 11, pp. 9–15. (In Russ.)

19. Dyukov A. 2017. K voprosu o chislennosti rasstrelyannykh organami NKVD v Kuropatakh [On the issue of the number of people shot by the NKVD in Kurapaty]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 7. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1890> (accessed: 17.12.2024). (In Russ.)

20. Ermolaev Yu.S., Karbalevich V.N., Lamako V.N. et al. 1992. *Razvitiye belorusskoi natsii: anketa respublikanskogo oprosa* [Development of the Belarusian nation: Questionnaire of the republican survey]. Minsk. (In Russ.)

21. Zam A. 1995. Belarusy: opyt samoidentifikatsii [Belarusians: The experience of self-identification]. *Noman*, no. 4, pp. 136–147. (In Russ.)

22. Semenenko I.S. (ed.). 2011. *Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii* [Identity as a category of political science: A dictionary of terms and concepts]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

23. Semenenko I.S. (ed.). 2023. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Noveye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: The individual, society, and politics. New outlines of the research field]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

24. Kovalenya A.A., Nesterovich N.B. (eds.). 2018–2020. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti: V 5 t.* [History of Belarusian statehood. In 5 vols.]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ. (In Russ.)

25. Korsak A.I. 2021. 'Mesta pamyati' Velikoi Otechestvennoi voyny na territorii Belorussii ['Places of memory' of the Great Patriotic War in the territory of Belarus]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy*, no. 2 (25), pp. 316–333. (In Russ.)

26. Lastovsky A.A. 2010. Istoricheskaya pamyat' kak faktor ukrepleniya belorusskoi identichnosti [Historical memoir as a factor of strengthening of the Belarus national identity]. *Sotsiologicheskii al'manakh*, iss. 1, pp. 187–195. (In Russ.)

27. Lastovsky A.A. 2009. Spetsifika istoricheskoi pamyati v Belarusi: mezhdu sovetskim proshlym i natsional'noi perspektivoi [Particular features of historical memory in Belarus]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 4, pp. 88–99. (In Russ.)

28. Lizan I.Yu. 2023. *Ot otchuzhdeniya k sblizheniyu. Evolyutsiya rossiysko-belorusskikh otnoshenii posle avgusta 2020 g.* [From alienation to rapprochement. Evolution of Russian-Belarusian relations after August 2020]. Zvenigorod. Available at: <https://www.sonar2050.org/publications/ot-otchuzhdeniya-k-sblijeniyu/> (accessed: 17.12.2024). (In Russ.)

29. Linchenko A.A., Belyaeva E.V. 2020. Soyuznoe gosudarstvo — obshchaya pamyat'? Eticheskie osnovaniya istoricheskoi politiki Rossii i Belarusi v XXI veke [Union state — common memory? Ethical foundations of the historical policy of Russia and Belarus in the 21st century]. *Diskurs-Pi*, no. 2, pp. 97–111. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10206. (In Russ.)

30. Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). 2018. *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying memory policy]. Moscow, Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)

31. Naumenko L.I. 2012. *Belorusskaya identichnost'. Soderzhanie. Dinamika. Sotsial'no-demograficheskaya i regional'naya spetsifika* [Belarusian identity. Contents. Dynamics. Social, demographic, and regional specifics]. Minsk, Belarus. navuka Publ. (In Russ.)

32. Nora P. 1999. *Problematika mest pamyati. Frantsiya-pamyat'* [Problems of places of memory. France-memory]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ. (In Russ.)

33. Nordberg M., Kuz'о T. 1998. Postroenie natsiy i gosudarstv. Istoricheskoe nasledie i natsional'nye samosoznaniya v Belorussii i Ukraine (Sravnitel'nyi analiz) [Construction of nations and states. Historical heritage and national identities in Belarus and Ukraine (Comparative analysis)]. In: Furman D.E. (ed.). *Belorussiya i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [Belarus and Russia: Societies and states]. Moscow, Human Rights Publ., pp. 376–392. (In Russ.)

34. Petrukhina D.V. 2024. Natsional'nye simvoly Respubliki Belarus': kul'turnoe edinstvo i istoricheskii vybor [National symbols of the Republic of Belarus: Cultural unity and historical choice]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya*, no. 1, pp. 109–121. (In Russ.)

35. Plavinsky A.S. 2019. *Kuropaty — u istokov istoricheskoy sensatsii* [Kurapaty — at the origins of a historical sensation]. Moscow, Biznesofset Publ. (In Russ.)

36. Poletaeva N.I., Poletaev S.A. 2020. Obzor nauchnogo izdaniya 'Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti' [Review of scientific edition 'History of the Belarusian state']. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie*, no. 2, pp. 103–109. (In Russ.)

37. Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). 2020. *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ. (In Russ.)

38. Solov'yev E.G. (ed.). 2024. *Postsovetskie gosudarstva na sovremennom etape: vnutripoliticheskaya dinamika i poisk putei razvitiya* [Post-Soviet states at the present stage: Internal political dynamics and the search for development paths]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

39. Sergeev N.M., Volkov G.Yu. 2023. Respublika Belarus' i special'naya voennaya operatsiya [Republic of Belarus and Special military operation]. *Postsovetskii materik*, no. 2, pp. 27–46. DOI: 10.48137/23116412_2023_2_27. (In Russ.)

40. Sergeev N., Fadeev A. 2019. Zavershenie formirovaniya plyuralisticheskogo avtoritarizma v Respublike Belarus' pered vyborami 2019–2020 gg. [The completion of the formation of pluralistic authoritarianism in Belarus before the election 2019–2020]. *Postsovetskii materik*, no. 3, pp. 5–33. (In Russ.)

41. Smolyanko A. 2011. *Kuropaty: gibel' fal'shivki. Dokumenty i fakty* [Kurapaty: The death of a fake. Documents and facts]. Minsk. (In Russ.)

42. Titarenko L.G. 2010. Kontsepsiya belorusskoi natsional'noi identichnosti v usloviyakh sovremennoi mnogovektornosti razvitiya [Concept of Belarusian national identity under conditions of modern multiple development]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*, no. 4, pp. 24–28. (In Russ.)

43. Titarenko L.G. 2009. Razvitiye natsional'noi identichnosti naseleniya Belarusi v usloviyakh sovremennykh globalizatsionnykh i integratsionnykh protsessov [Development of national identity of the population of Belarus in the

context of modern globalization and integration processes]. In: *Vzaimodeystvie ustoychivosti i innovatsionnosti v razvitii belorusskogo obshchestva* [Sustainability and innovation in the development of the Belarusian society]. Minsk, pp. 182–196. (In Russ.)

44. Titarenko L.G., Shirokanov D.A. 2010. 'Konkurentsia identichnosti': global'nye i natsional'nye vektory vliyaniya (Belarus' i Rossiya) ['Competition of identities': Global and national vectors of influence (Belarus and Russia)]. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura*, no. 1, pp. 98–109. (In Russ.)

45. Tomaichuk L.V. 2013. *Formirovanie natsional'noi identichnosti na post-sovetskom prostranstve: na primere Ukrainy i Respubliki Belarus'* [Formation of national identity in the post-Soviet space: The cases of Ukraine and the Republic of Belarus]. PhD Thesis. Saint Petersburg. (In Russ.)

46. Filyushkin A.I. 2017. 'Mobilizatsiya Srednevekov'ya' kak poisk identichnosti: kakimi putyami Belorussiya khochet uyti ot istoricheskogo naslediya Rossiyskoi imperii i SSSR. ['The mobilization of Middle Ages' as a search for identity: How Belarus wants to leave behind the historical heritage of the Russian empire and the USSR]. *Quaestio Rossica*, no. 2, pp. 569–590. DOI: 10.15826/qr.2017.2.239. (In Russ.)

47. Furman D.E., Bukhovets O.G. 1996. Belorusskoe samosoznanie i belorusskaya politika [Belarusian self-consciousness and Belarusian politics]. *Svobodnaya mysl'*, no. 1, pp. 57–75. (In Russ.)

48. Khal'bvaks M. 2007. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)

49. Shadursky V.G. 2014. *Istoricheskaya politika v Respublike Belarus': etapy razvitiya i versii interpretatsii proshlogo* [Historical policy in the Republic of Belarus: Stages of development and versions of interpretation of the past.]. Minsk. (In Russ.)

50. Shevtsov Yu.V. 2005. *Ob'edinennaya natsiya: Fenomen Belarusi* [United Nation: The phenomenon of Belarus]. Moscow, Europe Publ. (In Russ.)

51. Abdziralovich I. 1993. *Advechnym shlyakham Das'ledziny belarus. S'vetaglyadu*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ. (In Belarus.)

52. Akudovich V. 2007. *Kod adsutnastsi (asnovy belaruskai mental'nastsii)*. Minsk, Logvinaŭ Publ. (In Belarus.)

53. Akudovich V. 2003. Suchasnaya belaruskaya filasofiya: prablemy i geroi. *Antalegiya suchasnaga belaruskaga mys'len'nya*. Saint Petersburg, Nevskii prostor Publ., pp. 10–22. (In Belarus.)

54. Rakitski V. 2010. *Belaruskaya Atlyantyda. Kniga drugaya: Mity i brendy kalyanizavanai natsyi*. Vydavets, Radye Svobodnaya Eŭropa / Radye Svaboda, Praha. (In Belarus.)

55. Ackermann F., Błaszczak T., Melnikau I. 2023. *Memory in Belarusian policies towards Germany and Poland*. European Network for Belarus. Berlin.

56. Anderson B. 1983. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, Verso.

57. Bekus N. 2010. *Struggle over identity: The official and the alternative 'Belarussianness'*. Budapesht.

58. Belavusau U. The 'Year of historical memory' and mnemonic constitutionalism in Belarus. *VerfBlog*. 08.09.2022. Available at: <https://verfassungsblog.de/mnemonic-constit-belarus/> (accessed: 17.12.2024).

59. Olick J.K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D. (eds.). 2011. *The collective memory reader*. Oxford, Oxford University Press.

60. Gellner E. 1983. *Nations and nationalism*. Oxford, Blackwell publishing.

61. Goujon A. 2010. Memorial narratives of WWII partisans and genocide in Belarus University of Bourgoigne. *East European Politics and Societies*, no. 1, pp. 6–25.

62. Hobsbawm E., Ranger T. 1983. *The invention of tradition*. Cambridge, Cambridge University Press.

63. Huysmans J. 1998. Security! What do you mean? From concept to thick signifier. *European Journal of International Relations*, vol. 4, no. 2, pp. 226–255.

64. Jessop B. 2002. *The future of the capitalist state*. London, Polity.

65. Kłysiński K., Konończuk W. 2020. *Opposites put together Belarus's politics of memory*. Centre for Eastern Studies. Warsaw.

66. Leshchenko N. 2004. A fine instrument: Two nation-building strategies in Post-Soviet Belarus. *Nations and Nationalism*, no. 3, pp. 333–352.

67. Lewis S. 2017. The 'Partisan Republic': Colonial myths and memory wars in Belarus. In: Fedor J., Kangaspuro M., Lassila J., Zhurzhenko T. (eds.). *War and memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Cham, UK, Palgrave Macmillan, pp. 371–396.

68. Mälksoo M. 2015. 'Memory must be defended': Beyond the politics of mnemonical security. *Security Dialogue*, vol. 46, no. 3, pp. 221–237.

69. Markovits A.S., Reich S. 1997. *The German predicament: Memory and power in the new Europe*. Ithaca, Cornell University Press.

70. Pershai A. 2008. Localness and mobility in Belarusian nationalism: The tactic of tuteishaść. *Nationalities Papers*, vol. 36, no. 1, pp. 85–1034.

71. Pershai A. 2012. *The nationalist discourse in post-socialist Belarus: Dilemmas of nationalism theories and local intellectual context*. PhD Thesis. Peterborough, Ontario, Trent University.

72. Renan E. 1997. *Qu'est-ce qu'une nation?* Paris, Mille et une nuits.

73. Sahanovich H. 2002. The war against Belarusian history. *Education in Russia, the Independent States and Eastern Europe*, no. 1, pp. 18–27.

74. Shulman S. 2004. The contours of civic and ethnic national identification in Ukraine. *Europe-Asia Studies*, no. 1, pp. 35–56.

75. Steele B. 2008. *Ontological security in international relations: Self-identity and the IR state*. New York, Routledge.

76. Titarenko L. 2007. Post-soviet national identity: Belarusian approaches and paradoxes. *Filosofiya. Sotsiologiya*, no. 4, pp. 79–90.

77. Weber M. 1972. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024;
одобрена после рецензирования 12.01.2025;
принята к публикации 22.01.2025

The paper was submitted 18.12.2024;
approved after reviewing 12.01.2025;
accepted for publication 22.01.2025

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-140-168

Научная статья / Research paper

Т.В. Воронин*

ПОТЕНЦИАЛ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АТОМНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ США

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Новая администрация Д. Трампа рассматривает использование потенциала атомного энергопромышленного комплекса США в качестве одного из важных и перспективных инструментов сохранения глобальных лидерских позиций страны на международной арене. Для того чтобы понять, насколько обоснованы эти расчеты, представляется целесообразным провести ретроспективный анализ развития данной отрасли в США, который позволит выявить ее сильные и слабые стороны и оценить ее состояние на момент переизбрания Д. Трампа. В первом разделе статьи обозначены ключевые этапы и драйверы эволюции американской атомной энергетики во второй половине XX в. Автор обращает внимание на тенденцию замедления развития отрасли после фазы стремительного подъема в 1960–1970-е годы, что было обусловлено как чисто экономическими причинами, так и экстраординарными факторами, включая аварию на АЭС «Three Mile Island». Во втором разделе сопоставляются подходы администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена к регулированию национального атомного энергопромышленного комплекса. Подчеркивается, что, несмотря на активные правительственные усилия по поддержке отрасли, тенденция к «ядерному ренессансу» обозначилась только с приходом к власти Д. Трампа, взявшего курс на восстановление конкурентоспособности атомной промышленности страны и домини-

* *Воронин Тимофей Валерьевич* — аспирант, кафедра сравнительной политологии, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: voronin@digital.msu.ru; ORCID: 0000-0001-9187-5192).

рование в соответствующем сегменте международного энергетического рынка. В заключение делается вывод, что американские атомные энергетические технологии обладают значительным потенциалом с точки зрения укрепления глобальной конкурентоспособности страны, что, в частности, стало возможным благодаря политике двух последних администраций по субсидированию и технологическому обновлению соответствующей отрасли, а также ее выводу на новые рынки в Европе и Азии. Вместе с тем, как отмечает автор, полному раскрытию этого потенциала препятствует ряд проблем, связанных, в частности, с утилизацией отработавшего ядерного топлива и переходом к рентабельному производству малых модульных реакторов.

Ключевые слова: США, атомная энергетика, атомная промышленность, атомная электростанция, мировой энергетический рынок, глобальная конкурентоспособность, Д. Трамп, «энергетическое доминирование», «ядерный ренессанс»

Для цитирования: Воронин Т.В. Развитие глобальной конкурентоспособности атомных энергетических технологий США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 140–168. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-140-168.

Timofey V. Voronin

GLOBAL COMPETITIVENESS POTENTIAL OF U.S. NUCLEAR ENERGY TECHNOLOGIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The new Trump administration considers the U.S. nuclear energy industry as one of the most important and promising tools for maintaining the country's global leadership in the international arena. In order to assess the validity of these calculations, this paper provides a retrospective analysis of the development of U.S. nuclear industry, identifies its strengths and weaknesses and the overall state as D. Trump is about to enter his second term. The first section outlines the key stages and drivers of the U.S. nuclear energy industry evolution in the second half of the 20th century. The author notes that the development of the industry was steadily slowing down after a period of rapid growth in the 1960–1970s due to both purely economic reasons and extraordinary factors, including the acci-

dent at the Three Mile Island nuclear power plant. The second section compares the approaches of the administrations of George W. Bush, B. Obama, D. Trump and J. Biden to regulating the national nuclear energy industry. The research shows that, despite active government support of the industry, the trend towards a 'nuclear renaissance' emerged only with D. Trump's coming to power, as he set a course to restore the competitiveness of the country's nuclear industry and establish dominance in this segment of international energy market. The author concludes that the U.S. nuclear energy technologies have significant potential in terms of strengthening the country's global competitiveness, which, in particular, became possible thanks to the policy of the last two administrations to subsidize and technologically upgrade the nuclear industry, as well as to develop new markets in Europe and Asia. At the same time, as the author notes, there are still certain capacity constraints, related, in particular, to the disposal of spent nuclear fuel and the transition to cost-effective production of small modular reactors.

Keywords: USA, nuclear energy, nuclear industry, nuclear power plant, global energy market, global competitiveness, Donald Trump, 'energy dominance', 'nuclear renaissance'

About the author: *Timofey V. Voronin* — PhD Candidate, Chair of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: voronin@digital.msu.ru; ORCID: 0000-0001-9187-5192).

For citation: Voronin T.V. 2024. Global competitiveness potential of U.S. nuclear energy technologies. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 140–168. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-140-168. (In Russ.)

В условиях продолжающегося нарастания конкуренции со странами — участницами БРИКС в международной торговле и энергетике важнейшей стратегической задачей США является сохранение сильных глобальных позиций в данных сферах. Один из инструментов достижения этой цели — дальнейшая модернизация атомной отрасли американского топливно-энергетического комплекса. Согласно заявлениям Д. Трампа, сделанным в ходе предвыборной кампании 2024 г., развитие атомной энергетики позволит также удовлетворить потребности дата-центров в доступе к большим объемам недорогой электроэнергии, необходимой для функционирования различных моделей искусственного интеллекта и цифровизации

ключевых секторов экономики¹. Более того, администрация избранного 47-го президента США планирует особое внимание уделить развитию малых модульных реакторов², позволяющих сократить объем затрат на строительство атомных электростанций (АЭС) и обеспечить энергией населенные пункты и производства, расположенные в труднодоступной местности и вдали от основных линий электропередачи. Успешный запуск реакторов малой мощности может повысить конкурентоспособность американских энергетических компаний [Bernstein et al., 2023; Ho et al., 2019] и расширить географию их присутствия в условиях ослабления позиций России на европейском рынке атомных проектов.

В целом новая администрация возлагает на атомную энергетику большие надежды в плане общего повышения конкурентоспособности США на международных энергетических рынках. Возникает вопрос: насколько оправданны эти надежды? Для ответа на него в рамках данной статьи будут рассмотрены основные этапы и особенности эволюции атомной энергетики США от ее зарождения до настоящего времени; сопоставлены подходы администраций президентов Дж. Буша-мл. (2001–2009), Б. Обамы (2009–2017), Д. Трампа (2017–2021) и Дж. Байдена (2021–2025) к регулированию этой сферы; определены проблемы и перспективы ее дальнейшего развития.

Важно отметить, что в настоящее время США являются мировым лидером по выработке электроэнергии с помощью АЭС. По данным Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) за 2024 г., в США функционируют 94 ядерных реактора, расположенных на 54 АЭС, с помощью которых генерируется около 20% всей электроэнергии в стране. 92 реактора были построены в период с 1965 по 1990 г.; строительство двух новых началось только в 2013 г., и к апрелю 2024 г. оба были введены в эксплуатацию³.

¹ Nelson S., King R. Trump vows to make electricity cheap with 'hundreds of new power plants' and modular nuclear reactors // New York Post. 29.08.2024. Available at: <https://nypost.com/2024/08/29/us-news/trump-vows-to-make-electricity-cheap-with-hundreds-of-new-power-plants-and-modular-nuclear-reactors/> (accessed: 11.11.2024).

² Pethokoukis J. Trump and nuclear energy: There are questions // American Enterprise Institute. 29.10.2024. Available at: <https://www.aei.org/economics/trump-and-nuclear-energy-there-are-questions/> (accessed: 11.11.2024).

³ United States of America // International Atomic Energy Agency. Power Reactor Information System (PRIS). 16.01.2025. Available at: <https://pris.iaea.org/pris/CountryStatistics/CountryDetails.aspx?current=US> (accessed: 11.11.2024).

В этом отношении неудивительно, что вопросы развития американской атомной энергетики нашли отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Общие особенности развития ядерной энергетики рассматривали А.А. Маркосян и Г.С. Маргарян [Маркосян, Маргарян, 2018]. Этапы эволюции государственно-частного партнерства в истории атомной энергетики США изучали Ю.В. Черняховская и Д.Л. Корольков [Черняховская, Корольков, 2017], а также Е.В. Мисатюк [Мисатюк, 2010]. Анализу таких проблем атомной энергетической промышленности в США, как недостаточное финансирование ядерных проектов, нерешенность вопроса утилизации и переработки отработавшего топлива, посвящена статья М. Фертель [Fertel, 2011]. Наконец, проблемы, обуславливающие замедление темпов строительства новых АЭС, нашли отражение в статье Р. Бездека [Bezdek, 2009].

В данной статье автор отталкивается от наработок отечественных и зарубежных исследователей американской атомной энергетики, но ставит своей целью не только выявить закономерности развития отрасли, но и постараться оценить ее состояние на момент прихода к власти новой администрации Д. Трампа, чтобы понять, в какой мере она может выступать в качестве одного из драйверов сохранения американского глобального лидерства и укрепления экономических и политических позиций США на международной арене.

Ключевые вехи развития атомной энергетики США в XX в.

Первой АЭС, построенной в США, является «Shippingport», которая была открыта в 1958 г. в рамках программы «Атомы для мира». На станции использовали водо-водяной реактор с водой под давлением (*pressurized water reactor, PWR*) [Kasten, 1998], который эксплуатировали до 1982 г. В настоящее время у исследователей нет единого мнения по вопросу коммерческого использования данной АЭС. Некоторые эксперты отмечают, что «Shippingport» нельзя считать первой коммерческой станцией, так как, во-первых, ее строительство вели без соответствия коммерческим требованиям, что впоследствии стало причиной повышения стоимости ее возведения в пересчете на киловатты выработанной энергии примерно в 10 раз в сравнении с другими АЭС в США, а во-вторых, при ее сооружении использовали государственные субсидии [Nuclear reactor design, 2014]. Сторонники данной точки зрения считают, что первой «полностью коммерческой» АЭС стала «Yankee Rowe» [Hore-Lacy,

2006]. Она была введена в эксплуатацию в 1960 г. и проработала до 1992 г. На станции также использовали реактор типа PWR. Вопрос коммерческой эксплуатации АЭС в США всегда был актуален в связи с особенностями рыночной экономики, позволяющей крупным энергетическим компаниям извлекать прибыль в этой сфере.

Бум строительства атомных станций в США пришелся на 1960–1970-е годы. За 20 лет было построено и введено в эксплуатацию более 100 ядерных реакторов. Среди них были преимущественно реакторы типа PWR, но также и другие, например кипящие водородные реакторы (*boiling water reactor*, BWR), графито-газовые (*gas-cooled reactor*, GCR), тяжеловодные реакторы с водой под давлением (*pressurised heavy water reactor*, PHWR). В основном на каждой АЭС, построенной в этот период, было по два реактора, но на станциях «Columbia» и «Cooper» — по одному, а на «Indian Point» и «Millstone» — по три энергоблока.

Для данного этапа развития атомной энергетики в США можно отметить следующие характерные черты.

Во-первых, строительство АЭС в основном велось в восточных штатах страны. Такое местоположение было выбрано по ряду причин. Так, на данной территории проживает более 60% всего населения США⁴, формирующих спрос на доступную электроэнергию. Кроме того, на восточном побережье расположено большое количество объектов промышленности, которым также необходима дешевая энергия в больших объемах. В дополнение к этому восточные штаты изобилуют водными ресурсами, необходимыми для охлаждения реакторов АЭС.

Во-вторых, при проектировании и возведении новых энергоблоков упор делали на строительство реакторов большой мощности. В отличие от СССР, в США атомная энергетика находилась не только в государственной собственности, но и в частных руках. В задачи государства входило стимулирование различных научных исследований и разработок, в том числе для повышения эффективности реакторов, контроль норм безопасности на всех этапах подготовки к строительству⁵, сооружения и работы атомных станций, разработ-

⁴U.S. Department of Commerce. Available at: <https://www2.census.gov/programs-surveys/decennial/2020/data/apportionment/apportionment-2020-tableA.pdf> (accessed: 11.11.2024).

⁵Nuclear Regulatory Commission: Renewal of licenses and requalification requirements for licensed operators [Federal Register Volume 59, Number 27 (Wednesday, February

ка и модернизация нормативно-правовой базы⁶. Строительством же, эксплуатацией АЭС и продажей электроэнергии занимались именно частные энергетические компании. Они были заинтересованы в быстрой окупаемости атомных энергетических проектов, для чего нужны были реакторы большой мощности.

В-третьих, возведение большого количества АЭС в тот период также объясняется формированием и развитием экологического движения в США. Исследователи пришли к выводу, что использование атомной энергии более экологично, чем сжигание мазута или угля для получения электроэнергии [Walker, 2004].

Впрочем, тогда же стало понятно, что атомная энергия не только экологична при выработке, но и несет в себе риски для окружающей среды. Первой демонстрацией опасности использования атомной энергии стала авария на АЭС «Three Mile Island» в Пенсильвании 28 марта 1979 г., когда во втором энергоблоке произошла утечка теплоносителя, которая вызвала расплавление активной зоны реактора. Авария произошла из-за ряда причин, среди которых технические неисправности, нарушения правил эксплуатации и проведения ремонтных работ, ошибки технического персонала⁷.

Несмотря на то что в результате аварии не было жертв и в окружающую среду было выброшено лишь незначительное количество радиации, ситуация вызвала широкий общественный резонанс в США. Спустя три дня после этого происшествия местное население начало покидать свои дома, а власти штата разработали план по эвакуации жителей Гаррисберга, столицы Пенсильвании. Причин паники было несколько. Во-первых, большинство людей не были знакомы с функционированием систем безопасности на АЭС и считали, что любая авария приведет к выбросу больших объемов радиации (однако именно гермооболочка первого контура «Three Mile Island» предотвратила ее утечку). Во-вторых, за две недели до этой катастрофы в США вышел в прокат фильм «Китайский син-

9, 1994)] // U.S. Government Publishing Office. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-1994-02-09/html/94-2927.htm> (accessed: 11.11.2024).

⁶ Walker S.J., Wellock T.R. A short history of nuclear regulation, 1946–2024 // United States Nuclear Regulatory Commission. July 2024. Available at: <https://www.nrc.gov/reading-rm/doc-collections/nuregs/brochures/br0175/index.html> (accessed: 11.11.2024).

⁷ Three Mile Island accident // World Nuclear Association. 11.10.2022. Available at: <https://www.world-nuclear.org/information-library/safety-and-security/safety-of-plants/three-mile-island-accident.aspx> (accessed: 11.11.2024).

дром», в центре сюжета которого была авария на атомной станции. В фильме также были показаны попытки властей скрыть как само происшествие, так и его последствия, что стало причиной роста алармистских настроений после реальной аварии в Пенсильвании. По всей стране начались многочисленные демонстрации, антиядерное движение в США стало широко освещаться в СМИ. Пикеты и митинги теперь проходили около строившихся АЭС. В мае 1979 г. в Вашингтоне состоялся антиядерный митинг, участниками которого стали 65 тысяч человек [Walker, 2004; Giugni, 2004], в сентябре того же года на аналогичное мероприятие пришли уже 200 тыс. человек⁸. Демонстранты выступали с требованиями ужесточить нормы безопасности при эксплуатации атомных станций, запретить их строительство около крупных городов и закрыть действующие [Daubert, Moran, 1985].

После этих событий значительные изменения произошли в подходе к управлению атомной энергетической промышленностью США и контролю над ней. Во-первых, в 1979 г. была создана новая организация в сфере атомной энергетики — Институт по эксплуатации ядерных энергетических установок (Institute of Nuclear Power Operations, INPO). Ее целями, среди прочего, стали разработка новых стандартов безопасности при эксплуатации АЭС и методов контроля за их соблюдением⁹. Институт внес большой вклад в повышение уровня безопасности американских атомных станций: он ежегодно организует конференции и семинары для физиков-ядерщиков, инженеров и других представителей профессий, связанных с атомной энергетикой, для повышения их квалификации, проводит проверки действующих атомных станций, активно сотрудничает с экологическими организациями¹⁰. Комиссия по ядерному регулированию сфокусировалась на проведении надзорных мероприятий на действующих АЭС. С 1980-х годов регулятор ужесточил требования безопасности, что стало причиной резкого сокращения выдачи

⁸ Herman R. Nearly 200,000 rally to protest nuclear energy // The New York Times. 24.09.1979. Available at: <https://www.nytimes.com/1979/09/24/archives/nearly-200000-rally-to-protest-nuclear-energy-gathering-at-the.html> (accessed: 11.11.2024).

⁹ Institute of Nuclear Power Operations. Available at: <https://www.inpo.info/> (accessed: 11.11.2024).

¹⁰ Perspectives on reactor safety: NUREG/CR-6042 R2: Cover– Appendix 2.4, SAND 93-0971 // U.S. Nuclear Regulatory Commission. 03.11.2009. Available at: <https://www.nrc.gov/docs/ML0210/ML021080026.pdf> (accessed: 11.11.2024).

разрешений и лицензий на строительство атомных станций. Больше внимания стали уделять проектам строительства АЭС, сбору данных и информации об их эксплуатации, проведению проверок и оценке состояния энергоблоков и защитных конструкций¹¹.

В результате расследования причин аварии на «Three Mile Island» американским АЭС было выдано более 5000 предписаний, касавшихся как необходимости устранения технических неполадок, создававших угрозу безопасной эксплуатации станций, так и модернизации процесса их работы¹². Последствием аварии было также предписание разработать план эвакуации населения из зоны вокруг АЭС. Данное требование стало причиной запрета ввода в эксплуатацию АЭС «Shoreham», которая была построена в 1984 г. на острове Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк, так как эвакуация населения с острова была бы невозможна. Строительство данной станции заняло более 10 лет¹³, а процесс вывода ее из эксплуатации — более 5 лет¹⁴: с 1989 по 1994 г.

Еще до аварии на «Three Mile Island» темпы строительства и ввода в эксплуатацию новых АЭС стали значительно отставать от прогнозов прошлого десятилетия. С 1975 по 1979 г. было заморожено возведение значительного количества АЭС, а с 1979 по 2012 г. Комиссия по ядерному регулированию не выдала ни одного разрешения на строительство [Osif et al., 2004]. К 1979 г. было выдано всего 129 лицензий, однако строительство 71 станции было отменено¹⁵.

¹¹ Танги П. Три десятилетия ядерной безопасности: вопросы безопасности ядерных установок не оставались неизменной концепцией // Бюллетень МАГАТЭ. 1988. № 2. С. 54–61. Доступ: https://www.iaea.org/sites/default/files/30202085157_ru.pdf (дата обращения: 11.11.2024).

¹² Perspectives on reactor safety: NUREG/CR-6042 R2: Appendix 2.5 — 3.6, SAND 93-0971 // United States Nuclear Regulatory Commission. Available at: <https://www.nrc.gov/docs/ML0210/ML021080036.pdf> (accessed: 11.11.2024).

¹³ Fagin D. Lights out at Shoreham // Newsday Inc. (Archive). 30.11.2007. Available at: <https://web.archive.org/web/20071201005429/http://www.newsday.com/community/guide/lihistory/ny-history-hs9shore,0,563942.story> (accessed: 11.11.2024).

¹⁴ Hevesi D. Nora Bredes, who fought Long Island nuclear plant, dies at 60 // The New York Times. 22.08.2011. Available at: <https://www.nytimes.com/2011/08/23/nyregion/nora-bredes-60-dies-fought-shoreham-nuclear-plant.html?ref=atomicenergy> (accessed: 11.11.2024).

¹⁵ Cancelled nuclear units ordered in the United States. Available at: <https://web.archive.org/web/20120123212944/http://clonemaster.homestead.com/files/cancel.htm> (accessed: 11.11.2024).

На замедление развития американской атомной энергетики также повлиял следующий комплекс факторов, которые по итогам анализа исследований в сфере развития американской атомной промышленности XX в. выделили российские ученые [Черняховская, Корольков, 2017].

1. Недостаточная точность оценки необходимого уровня затрат на строительство и ввод в эксплуатацию АЭС и, как следствие, перерасход средств вели к уменьшению их привлекательности для энергетических компаний. Так, для многих реакторов, построенных в 1966–1977 гг., средства были перерасходованы в два раза [The future of nuclear power in the United States, 2012].

2. К концу 1970-х годов на электроэнергетическом рынке США возникло избыточное предложение, значительно превышавшее спрос. Причинами стали возросшая конкуренция со стороны угольных и газовых электростанций и недостаточные темпы роста спроса на электроэнергию.

3. И строительство, и эксплуатация АЭС требовали колоссальных инвестиций, которые вкуче с рисками, связанными с несвоевременной выдачей лицензии или отказом в ее оформлении, приводили к невозможности для инвесторов и энергетических компаний продолжать активно строить новые станции. Так, возведение упомянутой АЭС «Shoreham» изначально оценивалось в 217 млн долл., но в итоге обошлось «Long Island Lightning Company» в 6 млрд долл., а вывод реактора из эксплуатации потребовал еще 186 млн долл.¹⁶

Особое место в развитии атомной энергетики США в XX в. занимал вопрос утилизации отработавшего ядерного топлива [Лизикова, 2021]. С 1977 г. в стране запрещена его переработка из-за возможных угроз распространения ядерного оружия¹⁷, поэтому с 1980-х годов были начаты поиск подходящего места для захоронения ядерных отходов и его проектирование. Проект получил название «Yucca Mountain», строительство хранилища началось в 1990-е годы в пустыне штата Невада. Министерство энергетики планировало ввести

¹⁶ Shoreham // NukeWorker.com. Available at: https://archive.ph/20090109042142/http://www.nukeworker.com/nuke_facilities/North_America/usa/NRC_Facilities/Region_1/shoreham/index.shtml (accessed: 11.11.2024).

¹⁷ Walsh E., Smith J.P. Carter acts to curb spread of plutonium // The Washington Post. 08.04.1977. Available at: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1977/04/08/carter-acts-to-curb-spread-of-plutonium/ef0ef035-b6e6-4b90-94e3-c3109d2692eb/> (accessed: 11.11.2024).

его в эксплуатацию в 1998 г., однако в связи с резким увеличением затрат на строительство, неоднозначной реакцией американского общества и политических кругов и бюрократическими процедурами сроки открытия хранилища были отодвинуты. Таким образом, вопрос утилизации отработавшего ядерного топлива не был решен на федеральном уровне, что стало причиной больших расходов энергетических компаний, вынужденных хранить его самостоятельно, создавая временные хранилища около АЭС.

Развитие атомной энергетической промышленности США в первой четверти XXI в.

В связи с преобладанием алармистских настроений, вызванных двумя авариями — на «Three Mile Island» и Чернобыльской АЭС, с 1980-х до конца 1990-х годов в США не было начато строительство ни одной новой атомной станции, а реализация большинства ранее одобренных проектов была остановлена. Выступая в 2007 г. в Сенате, А. Гор, 45-й вице-президент США, отметил недостаточные темпы развития американской атомной промышленности¹⁸. Так, из 253 реакторов, ввод в эксплуатацию которых был запланирован на период с 1953 по 2008 г., строительство 121 реактора было отменено (48%), 27 реакторов прекратили работу досрочно (11%), 35 реакторов были отключены хотя бы раз (14%), 43 реактора (27%) работают без необходимых технических остановок.

В 2005 г. президент Дж. Буш-мл. подписал «Закон об энергетической политике»¹⁹, положения которого были направлены на снижение зависимости страны от экспорта энергоносителей и развитие электроэнергетики. Закон предполагал стимулирование строительства АЭС путем оказания государственной поддержки энергетическим компаниям, в том числе льготные условия кредитования, возможность софинансирования проектов, федеральные субсидии при перерасходе средств. После принятия этого документа в Комиссию по ядерному регулированию обратились 13 компаний

¹⁸ Vice President Al Gore's Perspective on Global Warming // GovInfo. 21.03.2007. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-110shrg55923/html/CHRG-110shrg55923.htm> (accessed: 11.11.2024).

¹⁹ Public law 109-58 — Aug. 8, 2005: 'Energy Policy Act of 2005' // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/109/plaws/publ58/PLAW-109publ58.pdf> (accessed: 11.11.2024).

для получения лицензий на строительство 31 ядерного реактора [Hagen, 2008].

Еще одной причиной возобновления интереса к строительству АЭС стало продление в 2005 г. на 20 лет действия «Закона о возмещении ущерба атомной промышленности» (также известного как «Закон Прайса–Андерсона»²⁰), принятого в 1957 г. Данный нормативно-правовой акт позволял упростить процесс получения лицензии на эксплуатацию реактора, так как предусматривал финансовую поддержку со стороны государства в случае инцидентов на АЭС.

Однако, несмотря на обещанные меры поддержки, лишь три проекта были реализованы. Одним из них стал ввод в эксплуатацию второго энергоблока на АЭС «Watts Bar», расположенной в штате Теннесси. Его строительство началось в 1973 г., но несколько раз останавливалось. Первая остановка произошла в 1985 г. и была вызвана снижением спроса на электроэнергию²¹. После аварии на японской АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. строительство второго реактора снова было остановлено из-за ужесточения требований безопасности²². Энергоблок был запущен в октябре 2016 г., став первым реактором, введенным в эксплуатацию в США с 1996 г.²³ Двумя другими проектами стали третий и четвертый энергоблоки АЭС «Vogtle» (см. далее).

Говоря о результатах политики Дж. Буша-мл. в области атомной энергетики, необходимо отметить следующее. Строительство и ввод в эксплуатацию АЭС были слишком дорогостоящими процессами, стоимость которых нередко возрастала в ходе работ. Так, в 2009 г. корпорация «Exelon», один из крупнейших производителей энергии в США, отложила проект постройки атомной станции в округе Виктория штата Техас из-за роста стоимости строительства. На решение

²⁰ Public law 85–256 of September 2, 1957 ‘An act to amend the Atomic Energy Act of 1954, as amended, and for other purposes’ // U.S. Government Publishing Office. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-71/pdf/STATUTE-71-Pg576.pdf> (accessed: 11.11.2024).

²¹ TVA cuts contractors at Alabama Bellefonte nuclear site // Reuters. 16.03.2012. Available at: <https://www.reuters.com/article/utilities-tva-bellefonte-idUSL2E8EG37920120316> (accessed: 11.11.2024).

²² Plant-specific safety enhancements after Fukushima // United States Nuclear Regulatory Commission. 07.12.2021. Available at: <https://www.nrc.gov/reactors/operating/ops-experience/fukushima.html> (accessed: 11.11.2024).

²³ Blau M. First new US nuclear reactor in 20 years goes live // Cable News Network (CNN). 21.10.2016. Available at: <http://www.cnn.com/2016/10/20/us/tennessee-nuclear-power-plant/index.html> (accessed: 11.11.2024).

о его отмене также повлияло отсутствие кредитных гарантий со стороны государства²⁴. В 2012 г. проект был окончательно прекращен. В целом именно сложности с поиском финансирования проектов оказывались одной из главных причин, объяснявших недостаточные темпы строительства новых атомных станций. Обещанные широкие меры поддержки на практике оказались недостаточными — требовался больший объем финансирования и гарантий поддержки в случае переноса сроков завершения строительства и ввода в эксплуатацию.

Таким образом, надежды на «ядерный ренессанс», которые связывались с нормативным закреплением широких мер поддержки атомной промышленности в период президентства Дж. Буша-мл., не оправдались. Однако сторонники усиления позиций американской атомной энергетической промышленности не отчаивались, возлагая новые надежды на следующего президента²⁵, которым стал представитель Демократической партии Б. Обама.

При его администрации атомная энергетика США прежде всего рассматривалась в рамках проектов по поддержке чистой энергетики. Выступая перед Конгрессом в 2009 г., Б. Обама назвал атомную энергетику «источником энергии будущего», подчеркнув важность ее развития²⁶. С 2008 по 2016 г. было предпринято несколько важных шагов в данном направлении²⁷. Энергетической компании «Southern Company» был предоставлен кредит в размере 8,3 млрд долл. на постройку двух новых энергоблоков на АЭС «Vogtle». В Конгрессе Демократическая партия внесла предложение о выделении 450 млн долл. на проведение исследований в области разработки, производства и введения в эксплуатацию малых модульных реакторов, которые эффективны для выработки электроэнергии в удаленных регионах таких штатов, как Аляска, Орегон и Вашингтон. Администрация Б. Обамы также выделила 170 млн долл. на НИОКР в целях разра-

²⁴ Exelon delays plan for Texas nuclear plant // The San Diego Union-Tribune. 29.08.2016. Available at: <https://www.sandiegouniontribune.com/sdut-us-exelon-nuclear-plant-063009-2009jun30-story.html> (accessed: 11.11.2024).

²⁵ Ядерный ренессанс в США начнется с повторного пуска Браунс-Ферри-1 // AtomInfo.ru. 06.05.2007. Доступ: <http://www.atominfo.ru/news/air1363.htm> (дата обращения: 11.11.2024).

²⁶ Сидоров Д. Барак Обама сказал конгрессу вступительное слово // Коммерсантъ. 26.02.2009. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/1125552> (дата обращения: 12.12.2024).

²⁷ Lerer L. Obama plots new energy path // Politico. 04.02.2024 Available at: <https://www.politico.com/story/2010/02/obama-plots-new-energy-path-032501> (accessed: 12.12.2024).

ботки новых перспективных атомных технологий, модернизации систем безопасности АЭС²⁸.

Важным для развития атомной энергетики в США стало решение Б. Обамы отклонить предложение Конгресса о приостановке сотрудничества в сфере ядерных технологий с Россией в рамках санкционной политики в ответ на присоединение Крыма в марте 2014 г.²⁹ Данное взаимодействие, осуществлявшееся в рамках Соглашения о сотрудничестве в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах от 16 сентября 2013 г.³⁰, предполагало двусторонний обмен опытом по вопросам обогащения урана, утилизации отработавшего топлива, а также предотвращения угрозы ядерного терроризма. Для выработки решений по данным проблемам в феврале 2016 г. в Москве состоялась конференция американских и российских экспертов в сфере атомной промышленности. Стороны рассмотрели ряд проектов для совместной реализации, среди которых разработка инновационных типов реакторов, выработка общих подходов по вопросам лицензирования объектов атомной промышленности.

Тем не менее и этим надеждам на «ядерный ренессанс» не суждено было оправдаться. Причинами снова стали большие затраты на строительство новых энергоблоков, неудовлетворительная поддержка со стороны государства, включая недостаточные объемы субсидирования и отсутствие кредитных гарантий, а также рост алармистских настроений в американском обществе после аварии

²⁸ Барак Обама борется за голоса сторонников ядерной энергетики // Атомная энергия 2.0. 16.05.2012. Доступ: <https://www.atomic-energy.ru/smi/2012/05/16/33459> (дата обращения: 05.12.2024).

²⁹ Обама не даст конгрессу США сократить ядерное сотрудничество с Россией // Энергетика и промышленность России. 10.07.2014. Доступ: <https://www.eprussia.ru/news/base/2014/101010.htm> (дата обращения: 05.12.2024).

³⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах (Вена, 16 сентября 2013 г.) // АО «Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/499065189> (дата обращения: 05.12.2024). Действие указанного соглашения было приостановлено в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 4 октября 2016 г.: Распоряжение Правительства РФ от 4 октября 2016 года № 2072-р «О приостановлении действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах от 16 сентября 2013 года» // АО «Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/456018322?marker> (дата обращения: 05.12.2024).

на японской АЭС «Фукусима-1»³¹. Необходимо также подчеркнуть, что ни при Дж. Буше-мл., ни при Б. Обаме так и не был решен вопрос утилизации ядерных отходов [Greenberg, 2013]. Оба кандидата в предвыборных кампаниях планировали закрыть проект «Yucca Mountain». Строительство, начавшееся в 1990-х годах, так и не было завершено из-за дороговизны проекта — к 2008 г. на него было затрачено около 9 млрд долл. Реализация проекта к 2010 г. была приостановлена ввиду уменьшения объемов финансирования³².

Республиканец Д. Трамп после победы на президентских выборах 2016 г. провозгласил концепцию «энергетического доминирования»³³. В рамках данной политики предполагалось расширение экспорта американских энергетических ресурсов, снижение импорта углеводородов и, в том числе, восстановление конкурентоспособности атомной промышленности США. Администрация Д. Трампа рассматривала атомную энергетику как важную составляющую энергетической безопасности страны. Особое внимание было уделено проблеме высокого уровня зависимости американской атомной промышленности от импортного топлива³⁴. Так, по состоянию на 2019 г. в США производилось менее 2% обогащенного урана от необходимого объема для работы атомных станций. Более 40% импортировалось из России и стран бывшего СССР³⁵.

В рамках обозначенной президентом новой энергетической политики были предприняты следующие шаги. Администрация поддержала идею о продлении лицензий на эксплуатацию ряда АЭС. Так,

³¹ Ganey T. AmerenUE pulls plug on project // Columbia Daily Tribune. 23.04.2024. Available at: <https://web.archive.org/web/20120713074254/http://www.columbiatribune.com/news/2009/apr/23/amerenue-pulls-plug-callaway-2/> (accessed: 06.12.2024).

³² США ищут решение об использовании объекта «Юкка Маунтин» // Атомная энергия 2.0. 19.10.2021. Доступ: <https://www.atomic-energy.ru/news/2017/01/11/27757> (дата обращения: 06.12.2024).

³³ Dlouhy J. Trump to call for U.S. 'dominance' in global energy production // Bloomberg. 25.06.2017. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-06-25/trump-to-call-for-u-s-dominance-in-global-energy-production> (accessed: 06.12.2024).

³⁴ Memorandum on the Effect of Uranium Imports on the National Security and Establishment of the United States Nuclear Fuel Working Group, July 12, 2019 // U.S. Government Publishing Office. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201900470/pdf/DCPD-201900470.pdf> (accessed: 06.12.2024).

³⁵ Before the U.S. Senate Committee on energy and natural resources Full committee hearing on nuclear energy // Uranium Producers of America. Available at: <https://www.energy.senate.gov/services/files/637FA359-EA05-492D-AAC6-CE6E950DF950> (accessed: 06.12.2024).

оператор «Turkey Point», расположенной в штате Флорида, получил разрешение на продление лицензии на 20 лет. С учетом данного разрешения срок работы электростанции составит рекордные 80 лет. Эта мера была принята в целях предотвращения уменьшения объемов вырабатываемой электроэнергии³⁶. Своим указом от 19 июля 2019 г. президент поручил уполномоченным ведомствам снизить импортозависимость США в сфере обогащения урана и производства топлива для АЭС в рамках политики «покупай американское» в целях стимулирования конкурентоспособности американских энергетических компаний³⁷. Администрация также увеличила финансирование [Gawron-Tabor, Yamada, 2024] разработки реакторов третьего поколения для повышения безопасности их эксплуатации и увеличения эффективности выработки электроэнергии³⁸.

В качестве примера мер поддержки энергетических компаний со стороны администрации Д. Трампа можно привести государственную помощь компании «Westinghouse» — одной из крупнейших в мире в сфере атомной энергетики. Данная компания, 77% акций которой принадлежали японской корпорации «Toshiba», в марте 2017 г. заявила о начале процедуры банкротства. Она занималась строительством двух энергоблоков на АЭС «Virgil C. Summer» и двух энергоблоков на АЭС «Vogtle». Результатом банкротства стал дальнейший перенос сроков ввода в эксплуатацию энергоблоков. Активная фаза строительства новых реакторов была продолжена лишь после покупки «Westinghouse» канадским холдингом «Brookfield Business Partners». В 2018 г. «Westinghouse» получила поддержку со стороны властей США в виде кредитных гарантий и субсидий, необходимых для реализации зарубежных проектов.

³⁶ Сенин К. Период полураспада: США превращаются в страну с самыми древними АЭС // Известия. 07.02.2020. Доступ: <https://iz.ru/973192/kirill-senin/period-poluraspada-ssha-prevrashchaitusia-v-stranu-s-samyimi-drevnimi-aes> (дата обращения: 12.12.2024).

³⁷ Executive order 13881 of 15 July, 2019 'Maximizing Use of American-Made Goods, Products, and Materials' // Federal Register. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/07/18/2019-15449/maximizing-use-of-american-made-goods-products-and-materials> (accessed: 12.12.2024).

³⁸ Secretary Brouillette announces the Nuclear Fuel Working Group's Strategy to Restore American Nuclear Energy Leadership // U.S. Department of Energy. 23.04.2020. Available at: <https://www.energy.gov/articles/secretary-brouillette-announces-nuclear-fuel-working-groups-strategy-restore-american> (accessed: 12.12.2024).

На стимулирование развития отрасли был направлен законопроект Сената о лидерстве в атомной энергетике (Nuclear Energy Leadership Act, NELEA)³⁹. Он предписывал Министерству энергетики:

- создать пилотную программу долгосрочных соглашений о закупке атомной энергии;
- продвигать исследования и разработки отечественной передовой доступной и чистой атомной энергии;
- разработать 10-летний стратегический план для Управления по атомной энергии, входящего в состав Министерства энергетики США;
- разработать программу по предоставлению высокопробного низкообогащенного урана для использования в коммерческих или некоммерческих усовершенствованных ядерных реакторах;
- предоставить конкурентные гранты для развития возможностей по транспортировке низкообогащенного урана высокой пробы.

Министерство энергетики выделило более 38 млн долл. на предоставление стипендий, финансирование проектов, исследований и разработок в рамках университетской Программы лидерства, созданной в 2009 г. для поддержки академических исследований в области атомной энергетике. В данную программу входят Висконсинский и Калифорнийский университеты, Университеты Миссури и Теннесси.

В апреле 2020 г. Министерство энергетики опубликовало доклад, содержащий рекомендации по развитию атомной промышленности США «Восстановление конкурентного преимущества атомной энергии Америки: стратегия обеспечения национальной безопасности США»⁴⁰. Были предложены такие меры по повышению конкурентоспособности страны, как увеличение объемов инвестиций в добычу и обогащение урана, а также оказание поддержки Экспортно-импортному банку США для увеличения объемов оказываемых услуг, включая кредитование и техническо-сервисное обслуживание проектов за рубежом.

Администрация Д. Трампа уделяла большое внимание вопросу добычи и обогащения урана в США. Американский институт

³⁹ S. 903 — Nuclear Energy Leadership Act // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/903> (accessed: 12.12.2024).

⁴⁰ Restoring America's competitive nuclear energy advantage: A strategy to assure U.S. national security // U.S. Department of Energy Available at: https://www.energy.gov/sites/prod/files/2020/04/f74/Restoring%20America%27s%20Competitive%20Nuclear%20Advantage_1.pdf (accessed: 12.12.2024).

атомной энергетики в 2019 г. предложил властям выделить субсидии компаниям и производителям уранового топлива для заполнения федеральных урановых резервов и стимулирования экспорта⁴¹. Выдвинутые инициативы рассматривались в качестве мер, необходимых для успешного конкурирования с Россией на ядерных рынках.

Говоря о результатах деятельности администрации Д. Трампа в сфере атомной энергетики, можно отметить такие достижения, как увеличение объемов инвестирования в развитие атомных технологий, включая грант в размере 1,4 млрд долл. компании «NuScale Power», специализирующейся на производстве малых реакторов, и продление периода эксплуатации АЭС благодаря переносам сроков вывода из эксплуатации старых реакторов.

В то же время вопрос утилизации ядерного топлива так и не был решен. Несмотря на поддержку республиканцами проекта захоронения топлива в «Yucca Mountain», президент отказался от дальнейшей его реализации, заявив, что необходимы более инновационные способы обращения с отработавшим топливом, например создание нормативно-правой базы для его переработки, запрещенной с 1977 г.⁴² Не был также решен вопрос об увеличении объемов производства ядерного топлива в США: Д. Трамп отказался вводить квоты на обогащение урана американскими компаниями, как предлагало Министерство торговли США. Президент заявил о необходимости проведения более глубокого анализа взаимосвязи национальной безопасности и цепочек поставок ядерного топлива перед принятием каких-либо мер⁴³.

Отмечая результаты деятельности администрации Д. Трампа в сфере реализации зарубежных атомных проектов, можно выделить следующее. В марте 2019 г. в ходе переговоров в Вашингтоне между представителями внешнеполитических ведомств Индии и США стороны подтвердили готовность продолжать двусторонний диалог

⁴¹ Волкова Ю., Анисимова Н. Трампу предложили возродить добычу урана по программе холодной войны // РБК. 07.09.2019. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/07/09/2019/5d734dbf9a79474aac8f9dc7> (дата обращения: 12.12.2024).

⁴² Американское ядерное общество призвало NRC к активным действиям по национальной системе переработке ОЯТ // Атомная энергия 2.0. 05.06.2020. Доступ: <https://www.atomic-energy.ru/news/2020/06/05/104363> (дата обращения: 14.12.2024).

⁴³ Волкова Ю. Трамп отказался вводить квоты на производство урана в США // РБК. 13.07.2019. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/13/07/2019/5d299a4b9a7947473f314b49> (дата обращения: 14.12.2024).

в сфере атомных технологий, соглашение о котором было подписано в 2016 г. Кроме того, было заявлено о планах по строительству 6 реакторов AP1000 в Индии компанией «Westinghouse»⁴⁴. В октябре 2020 г. был подписан проект межправительственного соглашения между США и Румынией о модернизации АЭС «Чернавода», включающей достройку третьего и четвертого энергоблоков и реконструкцию первого⁴⁵. Данное соглашение было ратифицировано румынским парламентом в июне 2021 г., ожидается, что энергоблоки будут введены в эксплуатацию в 2030 и 2031 гг.

Проекты в Индии и Румынии можно рассматривать в качестве шагов по повышению конкурентоспособности американской атомной промышленности, что было одним их предвыборных лозунгов Д. Трампа. Реализация данных проектов позволяет США вступить в конкуренцию с Россией, которая также заинтересована в расширении своего присутствия в Южной Азии и Восточной Европе в сфере атомной энергетики.

Оценивая результаты политики «энергетического доминирования» США при президенте Д. Трампе, можно отметить ее большую результативность в области развития американской атомной энергетики. Это объясняется накопительным эффектом принятых прошлыми администрациями мер, а также значительным увеличением финансирования научно-исследовательских работ в сфере атомной промышленности и оказанием государственной поддержки энергетическим компаниям, включая инновационную «NuScale Power» и ориентированную на экспортные проекты «Westinghouse».

После прихода к власти демократа Дж. Байдена в 2021 г. новая администрация провозгласила программу «Построить лучше, чем было» («Build Back Better Plan»)⁴⁶, направленную на развитие в том числе экологически чистой энергетики в целях сокращения выбросов

⁴⁴ Шевченко А., Бахтина О. США тоже построят 6 АЭС в Индии // Neftegaz.ru. 15.03.2019. Доступ: <https://neftegaz.ru/news/nuclear/193843-ssha-tozhe-postroyat-6-aes-v-indii/> (дата обращения: 14.12.2024).

⁴⁵ США и Румыния подписали проект межправсоглашения о достройке АЭС «Чернаводэ» // Страна Росатом. 21.10.2020. Доступ: <https://strana-rosatom.ru/2020/10/21/ssha-i-rumuniya-podpisali-proekt-mezhptra/> (дата обращения: 14.12.2024).

⁴⁶ The Build Back Better Act // U.S. House Committee on Financial Services. Available at: <https://democrats-financialservices.house.gov/issues/the-build-back-better-act.htm> (accessed: 24.12.2024).

парниковых газов на 50% к 2030 г.⁴⁷ В связи с этим Министерство энергетики США заявило о необходимости поддержки атомной энергетической промышленности⁴⁸. 15 ноября 2021 г. президент подписал «Закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочих местах»⁴⁹. Согласно документу для развития американской атомной промышленности будут приняты следующие меры. Федеральное правительство предоставит финансирование АЭС для продления срока их эксплуатации в размере 6 млрд долл. Условием для получения субсидий является использование американского ядерного топлива, что является продолжением программы Д. Трампа по развитию импортозамещения в сфере атомной промышленности. Администрация также выделит 2,5 млрд долл. на «Программу демонстрации передовых реакторов Министерства энергетики США», в рамках которой планируются строительство и ввод в эксплуатацию высокотемпературных газовых реакторов (*high-temperature gas-cooled reactor*, HTGR) на АЭС в штате Вашингтон к 2030 г., обладающих высоким уровнем безопасности и эффективности⁵⁰.

Оценивая развитие американской атомной энергетики в XXI в., важно прокомментировать темпы строительства атомных электростанций в США при администрациях Дж. Буша-мл., Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена. Необходимо отметить, что строительство новых энергоблоков началось лишь в 2013 г. В 2006 г. одна из крупнейших энергетических американских компаний «Southern Company» начала процедуру получения разрешения на строительство двух дополнительных энергоблоков на АЭС «Vogtle», расположенной в округе Берк, штат Джорджия. Работы по постройке третьего и четвертого реакторов начались в 2013 г. Изначально

⁴⁷ Newburger E. Biden pledges to slash greenhouse gas emissions in half by 2030 // CNBC. 22.04.2021. Available at: <https://www.cnn.com/2021/04/22/biden-pledges-to-slash-greenhouse-gas-emissions-in-half-by-2030.html> (accessed: 24.12.2024).

⁴⁸ Office of nuclear energy: Strategic vision // Office of Nuclear Energy. August 2021. Available at: <https://www.energy.gov/sites/prod/files/2021/01/f82/DOE-NE%20Strategic%20Vision%20-Web%20-%2001.08.2021.pdf> (accessed: 24.12.2024).

⁴⁹ Public Law No: 117-58 (11/15/2021) Infrastructure Investment and Jobs Act // Congress.Gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3684> (accessed: 24.12.2024).

⁵⁰ Президент США Джозеф Байден утвердил законопроект об инвестициях в 6 и 2,5 миллиардов долларов в поддержку действующих и строительство новых АЭС следующего поколения // Атомная энергия 2.0. 16.11.2021. Доступ: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/11/16/119474> (дата обращения: 24.12.2024).

планировалось введение в эксплуатацию новых реакторов в 2016 и 2017 гг., строительство которых оценивалось в 660 млн долл., однако в ходе работ стоимость была переоценена до 8,87 млрд долл.⁵¹ Сроки введения в эксплуатацию были сдвинуты сначала на 2020 и 2021 гг., а затем на 2022 и 2023 гг. Окончательный ввод в эксплуатацию третьего реактора состоялся в 2023 г., четвертого — в 2024 г. Причинами увеличения сроков строительства стали возникшие споры между компаниями-партнерами по вопросу распределения дополнительных трат в связи с увеличением стоимости проекта и запрос дополнительных документов со стороны американских регулирующих органов⁵².

В настоящее время в США планируется строительство трех новых энергоблоков. Один из них будет возведен на АЭС «North Anna», расположенной в округе Луиза штата Вирджиния. Энергоблок станет третьим на данной станции, предыдущие были введены в эксплуатацию в 1978 и 1980 гг. В 2003 г. срок службы реакторов был продлен на 20 лет. В 2017 г. Комиссия по ядерному регулированию выдала лицензию на строительство нового реактора, однако строительные работы были приостановлены в том же году в связи с возросшими затратами и высокой конкуренцией со стороны природного газа как источника энергии. По словам обозревателя проекта «Energy News Network» Дж. Пьеробона, при изменении экономических условий возможно возвращение к активной фазе строительства, так как выданная лицензия действует в течение 20 лет⁵³.

Два реактора планируется построить на проектируемой атомной станции «Blue Castle», расположенной около города Грин-Ривер, штат Юта. Проект постройки этой АЭС был впервые предложен в 2007 г. Процесс подготовки предварительных документов продлился до 2017 г. Наибольшую сложность представляло получение разрешения на использование водных ресурсов. Несмотря на то что данное

⁵¹ Seventeenth semi-annual construction monitoring report for plant Vogtle units 3 and 4 of Georgia Power Company // Southern Alliance for Clean Energy. 31.08.2017. Available at: https://cleanenergy.org/wp-content/uploads/17VCM_report_083117.pdf (accessed: 24.12.2024).

⁵² Perry: Vogtle project is 'critically important' // World Nuclear News. 22.03.2019. Available at: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Perry-Vogtle-project-is-critically-important> (accessed: 24.12.2024).

⁵³ Pierobon J. Amid nuclear setbacks, Virginia utility pauses plans for new reactor // Energy News Network. 06.09.2017. Available at: <https://energynews.us/2017/09/06/amid-nuclear-setbacks-virginia-utility-pauses-plans-for-new-reactor/> (accessed: 24.12.2024).

разрешение было получено в 2013 г., различные группы защитников окружающей среды пытались оспорить его в суде, полагая, что использование воды из реки Грин-Ривер в качестве естественного охладителя приведет к ее обмелению и пагубно скажется на местной фауне⁵⁴. В результате судебных разбирательств было определено, что проект АЭС не нанесет вреда окружающей среде, так как отвечает всем необходимым требованиям безопасности. В поддержку строительства атомной станции было опубликовано письмо нескольких американских ученых, по мнению которых, использование атомной энергии позволяет минимизировать выбросы парниковых газов и эффективно бороться с глобальным потеплением⁵⁵. Ввод в эксплуатацию обоих реакторов запланирован на 2028 г.

При этом сохраняется проблема низкой рентабельности новых ядерных реакторов. Без значительных субсидий ядерная энергетика не может сравниться с энергией ветра и природным газом, которые более экономичны. Так, средняя расчетная себестоимость производства электроэнергии на протяжении всего жизненного цикла электростанции (*levelised cost of energy*, LCOE) в 2021 г. для солнечных станций составила 25,8–42,22 долл. за 1 МВт·ч, для ветряных — 33–39 долл. за 1 МВт·ч, а для АЭС — 72–82 долл. за 1 МВт·ч⁵⁶.

К этому следует добавить низкую скорость строительства новых АЭС. Для ввода в эксплуатацию новых реакторов необходимо 5–6 лет. В то же время только в 2009 г. Соединенные Штаты нарастили мощность генерации электроэнергии с помощью ветряных электростанций, эквивалентную мощности 9 ядерных реакторов.

Остаются проблемой высокие финансовые риски, связанные с реализацией таких масштабных строительных проектов. Особенностью возведения АЭС является высокая вероятность многократного увеличения стоимости проекта в ходе строительства.

⁵⁴ Tanner C. Utah court ruling kills environmentalists' appeal, OKs Green River nuclear plant // The Salt Lake Tribune. 23.07.2016. Available at: <https://archive.sltrib.com/article.php?id=4144342&itype=CMSID> (accessed: 24.12.2024).

⁵⁵ O'Donoghue A.J. Climate scientists say it is time to go 'nuclear'; letter stirs debate in Utah // Deseret News. 05.11.2013. Available at: <https://www.deseret.com/2013/11/5/20528994/climate-scientists-say-it-is-time-to-go-nuclear-letter-stirs-debate-in-utah> (accessed: 24.12.2024).

⁵⁶ Gimon E., Myers A., O'Boyle M. The coal cost crossover 2.0 // Energy Innovation. May 2021. Available at: <https://energyinnovation.org/wp-content/uploads/2021/05/Coal-Cost-Crossover-2.0.pdf> (accessed: 24.12.2024).

Наконец, так и осталась нерешенной проблема утилизации ядерных отходов. Затраты на их стабилизацию, восстановление и очистку в 2012 г. превысили 100 млрд долл. и, по некоторым оценкам, достигнут 400 млрд долл. в ближайшее время [Лучшие зарубежные практики. ..., 2017]. Ряд проектов управления отходами Министерства энергетики США уже являются самыми дорогостоящими в мире.

* * *

Таким образом, в результате исследования можно констатировать наличие высокого потенциала глобальной конкурентоспособности атомных энергетических технологий США.

Современный этап развития американской атомной промышленности позволяет говорить о перспективах устойчивого роста⁵⁷. Администрации Дж. Буша-мл., Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена увеличили объемы финансирования отрасли, поддержав ее выход на рынки Европы и Азии и простимулировав инновационные разработки. Особая заслуга в этом принадлежит последним двум администрациям. С приходом Д. Трампа энергетическим компаниям удалось закрепиться на зарубежных рынках, а также продлить сроки эксплуатации атомных станций для сохранения объемов генерируемой электроэнергии. Политика демократа Дж. Байдена, направленная на развитие чистой энергетики и сокращение выбросов парниковых газов, позволила оказать мощную финансовую поддержку отрасли, необходимую для увеличения масштабов производства уранового топлива в США и расширения присутствия американских компаний на зарубежных рынках.

Выход американских энергетических компаний на зарубежные рынки и модернизация собственных электростанций позволят США увеличить давление на ключевых конкурентов в отрасли, включая российский «Росатом», который реализует ряд зарубежных проектов по строительству атомных станций, среди которых, например, АЭС «Аккую» в Турции и АЭС «Куданкулам» в Индии [Миргород, Парубочая, 2023: 217–218]. Повышению конкурентоспособности США на атомных рынках Европы, как отмечают некоторые исследователи, способствует ослабление политических и экономических

⁵⁷ Office of nuclear energy: Strategic vision // Office of Nuclear Energy. August 2021. Available at: <https://www.energy.gov/sites/prod/files/2021/01/f82/DOE-NE%20Strategic%20Vision%20-Web%20-%202001.08.2021.pdf> (accessed: 24.12.2024).

связей между официальной Москвой и странами Запада, вызванное введением санкций в отношении России в 2014 г. и их дальнейшим ужесточением в 2022 г. после начала специальной военной операции на Украине [Свиридова, 2024: 34–35; Дрыночкин, 2023: 68–69]. Американские энергетические компании могут использовать данную ситуацию для активизации строительства АЭС в Европе и поставок американского топлива, заняв место «Росатома» [Сидорова, 2023]. Примерами служат отказ Украины от закупок российского ядерного топлива в марте 2022 г., а также заключение в 2021 г. договора между США и Украиной о строительстве новых блоков на Хмельницкой АЭС⁵⁸. В качестве ответной меры Министерство иностранных дел РФ заявило об опасности использования топлива производства «Westinghouse» на советских станциях, приведя в пример аварию в 2004 г. на АЭС «Темелин» в Чехии, вызванную заменой российского топлива на американское⁵⁹.

Говоря о возможностях расширения американского присутствия на европейском рынке атомных технологий, важно отметить заинтересованность стран — членов ЕС в строительстве малых модульных реакторов в качестве дополнительных генерирующих мощностей. Примером служит дорожная карта развития чешской атомной энергетики с помощью малых модульных реакторов, утвержденная в 2023 г. Согласно данному документу в Чехии были выбраны различные площадки, где предполагается строительство маломощных АЭС, срок ввода в эксплуатацию которых ожидается в период 2030–2040-х годов. В качестве площадок рассматриваются в том числе действующие угольные электростанции. По заявлениям чешских властей, замена угольных электростанций на АЭС малой мощности позволит отказаться от такого неэкологичного вида топлива, как уголь, а также использовать существующую инфраструктуру выбранных площадок для ввода в эксплуатацию новых атомных станций⁶⁰. Строительство данных реакторов будет

⁵⁸ Westinghouse поставит ядерное топливо на все АЭС Украины // Интерфакс. 03.06.2022. Доступ: <https://www.interfax.ru/world/844501> (дата обращения: 24.12.2024).

⁵⁹ В Чехии на АЭС «Темелин» произошла авария // РИА Новости. 08.06.2008. Доступ: <https://ria.ru/20040608/607219.html> (дата обращения: 24.12.2024).

⁶⁰ Czech SMR Roadmap — Applicability and Contribution to Economy // Ministry of Industry and Trade of the Czech Republic. 2023. Available at: https://mpo.gov.cz/assets/en/guidepost/for-the-media/press-releases/2023/11/Czech-SMR-Roadmap_EN.pdf (accessed: 24.12.2024).

осуществляться при поддержке США в рамках проекта «Phoenix», направленного на увеличение доли зеленых источников электроэнергии и внедрение передовых технологий, включая строительство и ввод в эксплуатацию малых модульных реакторов. Первыми государствами — участниками данного проекта стали Чехия, Польша и Словакия, заинтересованные в сокращении использования угля в качестве топлива для электростанций⁶¹.

Таким образом, можно заключить, что американские энергетические технологии обладают на момент начала работы новой администрации Д. Трампа высоким потенциалом развития, раскрытие которого будущей президент может использовать в качестве инструмента сохранения глобальных позиций США, в том числе и на энергетических рынках. В то же время для решения этих задач США необходимо преодолеть ряд вызовов, включая решение застарелой проблемы утилизации отработавшего топлива и переход к использованию недорогих малых модульных реакторов, что позволит повысить конкурентоспособность американского энергопромышленного комплекса и на годы президентства Д. Трампа, и в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дрыночкин А.В. Приоритеты Вишеградских стран в углеводородной и атомной энергетике // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 2. С. 64–72. DOI: 10.15211/vestnikieran220236472.

2. Лизикова М.С. Модернизация правового регулирования атомной энергетике в США // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 2. С. 148–165. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-lizikova.

3. Лучшие зарубежные практики вывода из эксплуатации ядерных установок и реабилитации загрязненных территорий: В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. И.И. Линге, А.А. Абрамова. М.: ИБРАЭ РАН, 2017.

4. Маркосян А.А., Маргарян Г.С. Мировые тенденции ядерной энергетики // *Economics*. 2018. № 6 (38). С. 8–11.

5. Миргород Д.А., Парубочая Е.Ф. Атомная энергетика как инструмент внешней политики России на Ближнем Востоке // *Вестник Волгоградско-*

⁶¹ United States launches project Phoenix to accelerate the adoption of advanced clean energy technologies in Europe // U.S. Department of State. 09.11.2023. Available at: <https://www.state.gov/united-states-launches-project-phoenix-to-accelerate-the-adoption-of-advanced-clean-energy-technologies-in-europe/> (accessed: 24.12.2024).

го государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 2. С. 214–225. DOI: 10.15688/jvolsu4.2023.2.18.

6. Мисатюк Е.В. Основные этапы развития атомной отрасли США // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 1. С. 153–163.

7. Свиридова М.В. Экономические отношения Чехии и Словакии с Россией в 2022–2023 годах // Международные экономические отношения. 2024. № 6. С. 34–53. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-6-34-53.

8. Сидорова Е.С. Сотрудничество США со странами Центральной и Восточной Европы в атомной энергетике // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2023. № 4. С. 67–84. DOI: 10.56429/2414489420234646784.

9. Черняховская Ю.В., Корольков Д.Л. Государственно-частное партнерство в атомной энергетике: опыт США // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 1 (97). С. 91–105.

10. Bernstein D.H., Parmeter C.F., Tsionas M.G. On the performance of the United States nuclear power sector: A Bayesian approach // Energy Economics. 2023. Vol. 125. P. 1–31. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.106884.

11. Bezdek R.H. Nuclear power prospects in the USA: The continuing problem of the waste issue // Energy & Environment. 2009. Vol. 20. No. 3. P. 375–385. DOI: 10.1260/095830509788066385.

12. Daubert V., Moran S.E. Origins, goals, and tactics of the U.S. anti-nuclear protest movement. Santa Monica: The RAND Corporation, 1985.

13. Fertel M.S. Status and outlook for nuclear energy in the United States // Energy & Environment. 2011. Vol. 22. No. 1–2. P. 25–36. DOI: 10.1260/0958-305X.22.1-2.25.

14. The future of nuclear power in the United States / Ed. by Ch.D. Ferguson, F.A. Settle. Washington, D.C.; Lexington: Federation of American Scientists; Washington and Lee University, 2012. Available at: https://pubs.fas.org/_docs/Nuclear_Energy_Report-lowres.pdf (accessed: 12.11.2024).

15. Gawron-Tabor K., Yamada T. The implementation of Trump's energy dominance policy in Central European countries // European Journal of American Studies. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 1–28. Available at: <https://journals.openedition.org/ejas/22318#text> (accessed: 18.11.2024).

16. Giugni M. Social protest and policy change: Ecology, antinuclear, and peace movements in comparative perspective. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2004.

17. Greenberg M.R. Nuclear waste management, nuclear power, and energy choices: Public preferences, perceptions, and trust. London: Springer, 2013.

18. Hagen R.E. Prospects for nuclear energy in Canada, the USA and Mexico // *International Journal of Global Energy Issues*. 2008. Vol. 30. No. 1–4. P. 324–341. DOI: 10.1504/IJGEI.2008.019869.

19. Ho M., Obbard E., Burr P.A., Yeoh G. A review on the development of nuclear power reactors // *Energy Procedia*. 2019. Vol. 160. P. 459–466. DOI: 10.1016/j.egypro.2019.02.193.

20. Hore-Lacy I. *Nuclear energy in the 21st century*. London: World Nuclear University Press, 2006.

21. Kasten P.R. Review of the Radkowsky Thorium reactor concept // *Science & Global Security*. 1998. Vol. 7. No. 3. P. 237–269. DOI: 10.1080/08929889808426462.

22. *Nuclear reactor design* / Ed. by O. Yoshiaki. Tokyo: Springer, 2014.

23. Osif B.A., Baratta A.J., Conkling T.W. *TMI 25 years later: The Three Mile Island nuclear power plant accident and its impact*. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2004.

24. Walker J.S. *Three Mile Island: A nuclear crisis in historical perspective*. Berkeley: University of California Press, 2004.

REFERENCES

1. Drynochkin A.V. 2023. Priorityty Vishegradskikh stran v uglevodorodnoi i atomnoi energetike [Priorities of the Visegrad countries in conventional and nuclear energy]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 2, pp. 64–72. DOI: 10.15211/vestnikieran220236472. (In Russ.)

2. Lizikova M.S. 2021. Modernizatsiya pravovogo regulirovaniya atomnoi energetiki v SShA [Modernization of legal regulation in the field of using atomic energy in the USA]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, vol. 16, no. 2, pp. 148–165. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-lizikova. (In Russ.)

3. Linge I.I., Abramova A.A. (eds.). 2017. *Luchshie zarubezhnye praktiki vyvoda iz ekspluatatsii yadernykh ustanovok i reabilitatsii zagryaznennykh territorii: V 2 t. T. 1* [The best foreign practices of decommissioning nuclear facilities and rehabilitation of contaminated sites. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, IBRAEH RAN Publ. (In Russ.)

4. Markosyan A.A., Margaryan G.S. 2018. Mirovyte tendentsii yadernoi energetiki [World trends in nuclear energy]. *Economics*, no. 6 (38), pp. 8–11. (In Russ.)

5. Mirgorod D.A., Parubochaya E.F. 2023. Atomnaya energetika kak instrument vneshnei politiki Rossii na Blizhnem Vostoke [Nuclear energy as a Russian foreign policy instrument in the Middle East]. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 28, no. 2, pp. 214–225. DOI: 10.15688/jvolsu4.2023.2.18. (In Russ.)

6. Misatyuk E.V. 2010. Osnovnye etapy razvitiya atomnoi otrasli SShA [The main development stages of the U.S. nuclear industry]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, no. 1, pp. 153–163. (In Russ.)

7. Sviridova M.V. 2024. Ekonomicheskie otnosheniya Chekhii i Slovakii s Rossiei v 2022–2023 godakh [Economic relations of the Czech Republic and Slovakia with Russia in 2022–2023]. *Journal of International Economic Affairs*, no. 6, pp. 34–53. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-6-34–53. (In Russ.)

8. Sidorova E.S. 2023. Sotrudnichestvo SShA so stranami Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v atomnoi energetike [Nuclear energy co-operation between the U.S. and countries of Central and Eastern Europe]. *Bulletin of Moscow University. Series 27. Global Studies and Geopolitics*, no. 4, pp. 67–84. DOI: 10.56429/2414489420234646784. (In Russ.)

9. Chernyakhovskaya Yu.V., Korol'kov D.L. 2017. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v atomnoi energetike: opyt SShA [Public-private partnership in nuclear energy: The USA experience]. *Finance: Theory and Practice*, vol. 21, no. 1 (97), pp. 91–105.

10. Bernstein D.H., Parmeter C.F., Tsionas M.G. 2023. On the performance of the United States nuclear power sector: A Bayesian approach. *Energy Economics*, vol. 125, pp. 1–31. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.106884.

11. Bezdek R.H. 2009. Nuclear power prospects in the USA: The continuing problem of the waste issue. *Energy & Environment*, vol. 20, no. 3, pp. 375–385. DOI: 10.1260/095830509788066385.

12. Daubert V., Moran S.E. 1985. *Origins, goals, and tactics of the U.S. anti-nuclear protest movement*. Santa Monica, The RAND Corporation.

13. Fertel M.S. 2011. Status and outlook for nuclear energy in the United States. *Energy & Environment*, vol. 22, no. 1–2, pp. 25–36. DOI: 10.1260/0958-305X.22.1-2.25.

14. Ferguson Ch.D., Settle F.A. (eds.). 2012. *The future of nuclear power in the United States*. Washington, D.C., Lexington, Federation of American Scientists, Washington and Lee University. Available at: https://pubs.fas.org/_docs/Nuclear_Energy_Report-lowres.pdf (accessed: 12.11.2024).

15. Gawron-Tabor K., Yamada T. 2024. The implementation of Trump's energy dominance policy in Central European countries. *European Journal of American Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 1–28. Available at: <https://journals.openedition.org/ejas/22318#text> (accessed: 18.11.2024).

16. Giugni M. 2004. *Social protest and policy change: Ecology, antinuclear, and peace movements in comparative perspective*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

17. Greenberg M.R. 2013. *Nuclear waste management, nuclear power, and energy choices: Public preferences, perceptions, and trust*. London, Springer.

18. Hagen R.E. 2008. Prospects for nuclear energy in Canada, the USA and Mexico. *International Journal of Global Energy Issues*, vol. 30, no. 1–4, pp. 324–341. DOI: 10.1504/IJGEI.2008.019869.

19. Ho M., Obbard E., Burr P.A., Yeoh G. 2019. A review on the development of nuclear power reactors. *Energy Procedia*, vol. 160, pp. 459–466. DOI: 10.1016/j.egypro.2019.02.193.

20. Hore-Lacy I. 2006. *Nuclear energy in the 21st century*. London, World Nuclear University Press.

21. Kasten P.R. 1998. Review of the Radkowsky Thorium reactor concept. *Science & Global Security*, vol. 7, no. 3, pp. 237–269. DOI: 10.1080/08929889808426462.

22. Yoshiaki O. (ed.). 2014. *Nuclear reactor design*. Tokyo, Springer.

23. Osif B.A., Baratta A.J., Conkling T.W. 2004. *TMI 25 years later: The Three Mile Island nuclear power plant accident and its impact*. University Park, The Pennsylvania State University Press.

24. Walker J.S. 2004. *Three Mile Island: A nuclear crisis in historical perspective*. Berkeley, University of California Press.

Статья поступила в редакцию 08.12.2024;
одобрена после рецензирования 17.01.2025;
принята к публикации 23.01.2025

The paper was submitted 08.12.2024;
approved after reviewing 17.01.2025;
accepted for publication 23.01.2025

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-169-224

Научная статья / Research paper

Б.А. Авдеев*

ВЫХОД США ИЗ ЮНЕСКО ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Р. РЕЙГАНА: МНОГОУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Соединенные Штаты на официальном уровне позиционируют себя в качестве глобального лидера, чья ведущая роль в системе международных отношений легитимируется в том числе активным участием в деятельности многосторонних институтов. Вместе с тем, продвигая образ гаранта мирового порядка, США чаще других государств прибегали к односторонним действиям, оказывая на международные организации существенное дипломатическое и финансовое давление для достижения своих национальных интересов и тем самым подрывая механизмы многостороннего сотрудничества. Эта двойственность наиболее ярко проявилась в конфликтном поведении США по отношению к ЮНЕСКО, которая является неотъемлемой частью системы ООН и вносит существенный вклад в решение глобальных вопросов современности. С точки зрения понимания логики формирования американской внешнеполитической позиции по отношению к этой организации и — шире — к ООН особый интерес представляет изучение обстоятельств первого выхода США из ЮНЕСКО, осуществленного администрацией Р. Рейгана в 1984 г. В статье последовательно восстанавливается хронология процесса принятия соответствующего решения, выявляются его внутренние и внешние детерминанты, а также определяются его ключевые субъекты. Для решения этих

* *Авдеев Богдан Алексеевич* — аспирант, преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: bogdanavdeew1999@yandex.ru; ORCID: 0009-0001-3344-8501).

задач в основу исследования была положена методология многоуровневого анализа К. Уолтца. В первой части статьи рассматриваются системные импульсы, вынудившие США пересмотреть свое отношение к системе ООН в целом и к ЮНЕСКО в частности. Во второй части анализируются внутривнутриполитические детерминанты решения о выходе, которое предстает как результат сложного торга между ключевыми игроками в американской политической системе, государственными структурами и группами интересов. В третьей части очерчиваются контуры мотивационного и политико-психологического портрета отдельных политиков, лично заинтересованных в прекращении американского участия в ЮНЕСКО. Особое внимание уделено фигуре заместителя госсекретаря по делам международных организаций Г. Ньюэлла. В заключение автор отмечает, что решение о выходе из ЮНЕСКО было сознательно принято идеологически мотивированными политиками в администрации Р. Рейгана вопреки возражениям ряда представителей Конгресса, профильных государственных учреждений и гражданского общества. Оно стало своеобразной реакцией консервативно настроенного американского истеблишмента на изменение международного status quo, в том числе расстановки сил в специализированных учреждениях ООН.

Ключевые слова: США, ЮНЕСКО, Р. Рейган, Организация Объединенных Наций, международные организации, многосторонняя дипломатия, холодная война, Г. Ньюэлл, многоуровневый анализ

Для цитирования: Авдеев Б.А. Выход США из ЮНЕСКО при администрации Р. Рейгана: многоуровневый анализ // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 169–224. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-169-224.

Bogdan A. Avdeev

**THE U.S. WITHDRAWAL FROM UNESCO
UNDER THE REAGAN ADMINISTRATION:
A MULTILEVEL ANALYSIS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The United States positions itself as a global leader and upholder of the world order whose pivotal role in the system of international relations is legitimized

through its active participation in multilateral institutions. At the same time, it was the United States which resorted to unilateral actions more often than any other state, exerted significant diplomatic and financial leverage on international organizations to achieve its national interests, undermining the very principle of multilateral cooperation. This inconsistency has been most clearly manifested in the U.S. conflict behavior towards UNESCO — an integral part of the UN system, which focuses on addressing the global issues of the present. In terms of providing a better understanding of the logic behind the formation of the U.S. policy towards this organization and to the UN in general, the case of the first U.S. withdrawal from UNESCO in 1984 under the Reagan administration is of particular interest. On the basis of K. Waltz's methodology of multilevel analysis the article reconstructs the chronology of the decision-making process, identifies its internal and external determinants, and outlines its key actors. The first section focuses on the systemic constraints that forced the Reagan administration to reconsider its attitude towards the UN system in general and UNESCO in particular. The second section examines the domestic political determinants of the withdrawal decision, centered around the results of complex bargaining between the key players in the American political system, government agencies and interest groups. The third section outlines the motivation and political-psychological portraits of individual politicians who were personally interested in pulling USA out of UNESCO. In this regard, the emphasis is given to the figure of the Assistant Secretary of State for International Organization Affairs G. Newell. In conclusion, the author argues that the withdrawal decision was deliberately made by ideologically motivated politicians in the Reagan administration, despite the alternative voices from Congress, a number of government agencies and civil society. It became a sort of response of the conservative-minded American establishment to changing international status quo, including the realignment of power in the UN specialized agencies.

Keywords: USA, UNESCO, Ronald Reagan, United Nations, international organizations, multilateral diplomacy, Cold War, Gregory Newell, multilevel analysis

About the author: *Bogdan A. Avdeev* — PhD Candidate, Lecturer at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: bogdanavdeew1999@yandex.ru; ORCID: 0009-0001-3344-8501).

For citation: Avdeev B.A. 2024. The U.S. withdrawal from UNESCO under the Reagan administration: A multilevel analysis. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 169–224. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-169-224. (In Russ.)

Соединенные Штаты на официальном уровне позиционируют себя в качестве глобального лидера, чья роль в системе межгосударственного сотрудничества возрастает на фоне усиления великодержавной конкуренции и необходимости сплочения союзников и партнеров для совместного противостояния общим угрозам и вызовам¹. В частности, руководство США выражает заинтересованность в укреплении своих лидерских позиций в рамках Организации Объединенных Наций (ООН) и иных многосторонних институтов, которые, по его признанию, способствуют реализации национальных интересов страны, защите ее граждан и продвижению американских ценностей за рубежом². Официальная риторика американских властей подкрепляется тем, что США являются ключевым донором международных межправительственных организаций (ММПО), тем самым оказывая значительное влияние на их программно-бюджетную деятельность.

Вместе с тем во внешней политике США благожелательные призывы к укреплению многостороннего сотрудничества нередко сочетаются с острой критикой деятельности ММПО, а в некоторых случаях сопровождаются односторонними действиями (например, приостановкой финансирования, санкциями, прекращением членства и т.д.), которые подрывают легитимность организаций и препятствуют эффективной реализации их миссии. Будучи одним из наиболее влиятельных игроков на международной арене, США склонны использовать дипломатические и финансовые рычаги давления на многосторонние институты для достижения собственных целей, что зачастую приводит к конфликтам между указанными акторами. Данное утверждение не является преувеличением: по подсчетам исследователей, Соединенные Штаты занимают первое место по количеству выходов из ММПО среди всех государств, когда-либо прекращавших свое членство в международных организациях

¹См. подробнее: National Security Strategy, October 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 15.11.2024).

²Report to Congress on United States Participation in the United Nations 22 USC 287b(a): Reports to Congress by the President. Activities of the United Nations and of the participation of the United States therein // Bureau of International Organization Affairs. U.S. Department of State. P. 2–3. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/02/Report-on-United-States-Participation-in-the-United-Nations-2022-PDF.pdf> (accessed: 15.11.2024).

[Borzyskowski, Vabulas, 2019: 342]. Продвигая образ гаранта мирового порядка и его институциональной составляющей, США, тем не менее, неоднократно предпринимали шаги, подрывавшие систему международного сотрудничества, ключевым элементом которой являются ММПО.

В этой связи следует обратить внимание на конфликтное взаимодействие США и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО, Организация), которое по ряду причин подсвечивает обозначенную проблему.

С одной стороны, ЮНЕСКО является неотъемлемой частью так называемой системы ООН, чьи усилия направлены на решение широкого спектра глобальных вопросов современности на основе интегрального подхода, в котором помимо чисто экономических детерминант развития учитываются социальные и экологические факторы. В свою очередь мандат ЮНЕСКО на фоне возрастания значимости человеческого капитала в условиях перехода к экономике знаний и усиления культурно-гуманитарного фактора в мировой политике становится всё более востребованным. Так, Организация вносит в пределах своей компетенции прямой вклад в достижение 9 из 17 Целей устойчивого развития (ЦУР)³, тем самым играя особую роль в рамках активизации усилий по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (далее — Повестка-2030)⁴. По итогам Саммита по ЦУР, проходившего 18–19 сентября 2023 г. в Нью-Йорке, лидеры стран признали значительное отставание международного сообщества от графика реализации своего «проекта построения общего будущего»: слабый прогресс наблюдается по более чем половине ЦУР, по трети из них работа была приостановлена, а в ряде случаев достигнутые результаты были обращены вспять⁵. Выполнение в полном объеме

³ UNESCO moving forward the 2030 Agenda for Sustainable Development // UNESDOC Digital Library. 2017. P. 7. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247785/PDF/247785eng.pdf.multi> (accessed: 15.11.2024).

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи 70/1 от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 15.11.2024).

⁵ 42 C/5 Approved programme and budget 2024–2025: Second biennium of the 2022–2025 quadrennium // UNESDOC Digital Library. P. 2. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389188/PDF/389188eng.pdf.multi> (accessed: 15.11.2024).

Повестки-2030 в условиях изменения климата, международной турбулентности и содействие выходу из вызванного пандемией COVID-19 образовательного кризиса требуют скоординированных действий всех участников международных отношений при опоре на многосторонние институты, в особенности специализированные учреждения ООН.

С другой стороны, противоречивая политика США по отношению к ЮНЕСКО ставит под сомнение осуществимость амбициозных планов, намеченных Организацией. В 2018 г. администрация Д. Трампа прекратила участие в ЮНЕСКО, что поставило последнюю в затруднительную финансовую ситуацию. Многие эксперты в области международных отношений тогда охарактеризовали данное решение (равно как и другие шаги администрации по свертыванию части международных обязательств США) как принципиально новое явление, вызванное беспрецедентным усилением националистических и популистских настроений в мире, что, по их мнению, представляет серьезную угрозу либеральному порядку и системе многостороннего сотрудничества⁶. Данные алармистские оценки, однако, были продиктованы международно-политической конъюнктурой: отношения США и ЮНЕСКО развивались непросто с момента учреждения Организации, при этом в первый раз решение о выходе было принято еще администрацией Р. Рейгана в 1984 г. В этом смысле политика Д. Трампа касательно участия страны в многосторонних институтах и соглашениях лишь в очередной раз подтвердила отсутствие у американского руководства сбалансированной и последовательной стратегии по вопросу участия в ЮНЕСКО и подчеркнула необходимость комплексного осмысления факторов, способствующих колебаниям внешнеполитического курса США по отношению к Организации, в том числе с опорой на опыт

⁶ См., например: Foa R.S. It's the globalization, stupid // Foreign Policy. 06.12.2016. Available at: <https://foreignpolicy.com/2016/12/06/its-the-globalization-stupid/> (accessed: 15.11.2024); Fukuyama F. US against the world? Trump's America and the new global order // Financial Times. 11.11.2016. Available at: <https://www.ft.com/content/6a43cf54-a75d-11e6-8b69-02899e8bd9d1> (accessed: 15.11.2024); Haass R. Liberal world order, R.I.P. // Project Syndicate. 21.03.2018. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/end-of-liberal-world-order-by-richard-n--haass-2018-03?barrier=accesspaylog> (accessed: 15.11.2024); Snyder J. The broken bargain // Foreign Affairs. 2019. Vol. 98. No. 2. P. 54–60; Davis C. To exit or remain? The high stakes of membership in international organizations // The Japan Institute of International Affairs. 19.07.2021. Available at: <https://www.jiia.or.jp/en/column/2021/07/economy-security-linkages-fy2021-01.html> (accessed: 15.11.2024).

предшествующих администраций. К слову, сама администрация в лице постоянного представителя США в ООН Н. Хейли заявляла, что «хроническую политизацию» ЮНЕСКО следует рассматривать «через такую же призму», как во времена Р. Рейгана⁷.

При всём внимании советских и российских ученых к проблематике взаимодействия США с многосторонними институтами в рамках системы ООН (в целом и по конкретным международным вопросам) [см., например: Дмитричев, 1972; Барышев, 1974; Шарова, 1991; Юрченко, 2010; Щипкова, 2014; Борисова и др., 2016] в русскоязычных исследованиях (советского и российского периодов), как правило, рассматривают политику США по отношению к ЮНЕСКО эпизодично, не пытаясь выявить логику и механизм ее формирования. В этих работах, посвященных в широком смысле проблеме развития и деятельности ЮНЕСКО как актора международных отношений (в том числе проблемам политико-правового статуса Организации, ее реформированию и взаимодействию с игроками на международной арене), констатируются конкретные внешнеполитические решения США по вопросам учреждения ЮНЕСКО и членства в ней без осмысления их предпосылок, логики и последствий [см., например: Пеева, 1967; Пузость, 1983; Соколов, 2007; Белекова, 2008; Сарвино, 2009; Пермякова, 2012; Арсанова, 2021].

В зарубежной литературе проблема конфликтного взаимодействия США и ЮНЕСКО изучена несравненно более полно. Иностранные исследователи обращают особое внимание на феномен политизации (т.е. действий, направленных на перенос технического вопроса в область политики) применительно к отношениям между многосторонними институтами и США. Профессор Университета Сент-Эндрюс (США) М. Имбер объясняет выход Соединенных Штатов из Организации в 1984 г. тем, что, в отличие от других специализированных учреждений, Вашингтон менее всего был заинтересован в участии в ЮНЕСКО и мог найти ей альтернативы (как среди других институтов в системе ООН, так и на национальном уровне) без особого ущерба для собственных интересов [Imber, 1989: 139–140]. При этом, по мнению М. Имбера, стремление американского руководства

⁷ Rosenberg E., Morello C. U.S. withdraws from UNESCO, the U.N.'s cultural organization, citing anti-Israel bias // The Washington Post. 12.10.2017. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/post-nation/wp/2017/10/12/u-s-withdraws-from-unesco-the-u-n-s-cultural-organization-citing-anti-israel-bias/> (accessed: 15.11.2024).

к деполитизации ЮНЕСКО носило надуманный характер, поскольку ее мандат с момента учреждения включал политический компонент [Imber, 1989: 16–17]. Следует согласиться с исследователем в том, что политизация ЮНЕСКО, к которой так активно апеллировали американские политики в 1980-е годы, в действительности не являлась причиной решения США о выходе из Организации и стала своего рода прикрытием истинных мотивов администрации Р. Рейгана (желания сохранить американское доминирование в системе ООН). Вместе с тем предложенное М. Имбером объяснение прекращения Соединенными Штатами членства в ЮНЕСКО характеризуется экономическим редукционизмом: государство, будучи рациональным игроком, использует опцию выхода, когда может найти более качественную альтернативу, даже если она несет большие издержки. Такое объяснение не позволяет исчерпывающе ответить на вопрос, почему Вашингтон, выбирая из множества специализированных учреждений, в которых наблюдались те же проблемы, что и в ЮНЕСКО, решил покинуть именно эту организацию в середине 1980-х годов, хотя ранее американские власти такого желания не изъявляли.

Сотрудники некоммерческой организации «Институт медиаанализа» (США) У. Престон, Э. Херман и Г. Шиллер солидарны с М. Имбером и выдвигают аналогичное предположение, согласно которому почва для противоречий между развитыми странами (в особенности США) и ЮНЕСКО была подготовлена еще на этапе становления последней. Она проектировалась в целях удовлетворения потребностей в первую очередь развитых стран в экономическом и техническом сотрудничестве, поэтому перестала отвечать их интересам, когда расстановка сил в Организации изменилась в пользу стран Глобального Юга. В конечном счете каждый член ЮНЕСКО рассматривал ее миссию через призму своих национальных интересов, игнорируя ее функциональную (т.е. неполитическую) природу [Preston et al., 1989: 188–189], и потому предъявлял к Организации неоправданно завышенные требования, обвиняя ее в бездеятельности и неэффективности. Расхождение между реальными возможностями ЮНЕСКО и ожиданиями США, по мнению авторов, и привело к конфликту между актерами. При всей лаконичности данное объяснение не является в достаточной мере убедительным: если Вашингтон и правда был так сильно обеспокоен политизацией деятельности ЮНЕСКО, то почему не покинул «проблемную» (на его взгляд) Организацию

раньше? Более того, исследователи интерпретируют выход США из ЮНЕСКО как неизбежный итог, исключая иные варианты преодоления кризиса во взаимоотношениях (например, санкции, институциональные реформы и т.д.).

Подобный недостаток можно обнаружить и в работе профессора Университета штата Джорджия (США) Р. Коута, по мнению которого, к моменту первого выхода США из ЮНЕСКО в 1984 г. отношения национального государства и международной организации проделали путь от безразличия к разочарованию [Coate, 1988: 1–8]. Прямым следствием кризиса в отношениях, по словам ученого, стали сокращение американского присутствия в ЮНЕСКО и недостаточная информированность Вашингтона о деятельности Организации, что и привело к деструктивным решениям находившихся тогда у власти в стране неоконсервативных политиков [Coate, 1988: 151–162]. Таким образом, Р. Коуту удалось представить взаимодействие США и ЮНЕСКО как комплекс связей, отличающийся специфической логикой и развивающийся во времени, однако из его исследования не до конца ясно, что же стало решающим фактором, обусловившим дипломатический конфликт между двумя акторами: уникальная позиция администрации Р. Рейгана или сама логика эволюции их отношений.

В этом плане более однозначной позиции придерживается профессор Института международной политики по борьбе с терроризмом при Междисциплинарном центре в Герцлии (Израиль) И. Кфир, который полагает, что именно идеи «новых правых» играли определяющую роль во внешней политике США в 1980-е годы, а решение покинуть ряды ЮНЕСКО было продиктовано политическими соображениями, поскольку все остальные претензии, выдвигавшиеся в адрес Организации в 1983–1984 гг., не имели под собой серьезных оснований [Kfir, 1998: 2]. Иными словами, первый выход США из ЮНЕСКО был не более чем разовой акцией, предпринятой ангажированными политиками для получения ситуативных преимуществ. В таком случае совершенно игнорируется то, какое влияние на политику США оказала перестановка сил в Организации в пользу развивающихся стран.

Особой точки зрения придерживается сотрудник профильной Кафедры ЮНЕСКО по международным отношениям (Германия) Ф. Райф, который в своем исследовании выдвинул гипотезу о том,

что выход Соединенных Штатов из ЮНЕСКО следует рассматривать не столько как спонтанную или конъюнктурную акцию, сколько как часть комплексной «исторической стратегии государства по отношению к международным организациям» [Reif, 2013: 1]. Если данное допущение верно, то возникает закономерный вопрос: где зафиксированы основные положения этой доктрины и какие политические силы участвуют (участвовали) в ее формулировании? Неясно также, почему эта стратегия столь тенденциозна, коль скоро она активизируется бессистемно, разными администрациями. И если, как утверждает Ф. Райф, ЮНЕСКО стала лишь одной из мишеней американского реакционизма, который простирался в действительности на всю систему институций ООН, запечатлевших в себе перестановки на международной арене на фоне процессов деколонизации [Reif, 2013: 18], то почему в опалу попали лишь некоторые организации?

Почетный профессор Университета Родса Э. Гиффард (ЮАР) внес существенный вклад в исследование проблемы освещения выхода США из ЮНЕСКО американскими СМИ. Автор задается вопросом, в какой степени политики полагались на прессу для продвижения решения покинуть Организацию [см. подробнее: Giffard, 1989]. Отвечая на поставленный вопрос, он замечает, что исполнительная власть использовала наиболее влиятельные СМИ в целях формирования искаженного (преимущественно негативного) образа ЮНЕСКО в сознании американской общественности. Э. Гиффард заключает, что администрация Р. Рейгана смогла успешно провести медиакампанию против Организации, поскольку у последней не было эффективных инструментов воздействия на общественное мнение [Giffard, 1989: 272, 277]. Детальное изучение медиаландшафта позволило автору более объективно оценить роль СМИ в освещении вопроса о выходе США из ЮНЕСКО, однако конкретные интересы и цели американского руководства, обусловившие принятие решения о прекращении членства, остались за рамками монографии.

Среди немногочисленных исследований, в которых предпринимается попытка разработать методологическую рамку для анализа конфликтного поведения государств по отношению к ММПО, следует выделить работы немецких ученых. Так, сравнивая поведение ведущих держав (США, СССР, Франции, ФРГ) в ходе дискуссии вокруг концепции «Нового мирового информационного и коммуника-

ционного порядка» (The New World Information and Communication Order, NWICO) в рамках ЮНЕСКО, сотрудники Центра международных отношений Тюбингенского университета (ФРГ) Г. Киттель, Ф. Риттбергер и Ф. Шиммельфенниг пришли к выводу о необходимости учета не только диспозиционных (субъективных) факторов при анализе политики государств по отношению к ЮНЕСКО в 1980-е годы, но и структурно-субсистемных переменных [Kittel et al., 1995: 24]. Данное наблюдение представляется полезным и в контексте настоящего исследования, поскольку позволяет восстановить логику принятия Соединенными Штатами решения о выходе из Организации с учетом множества факторов.

История изучения причин выхода США из ЮНЕСКО как яркого проявления конфликтного поведения национального государства по отношению к ММПО в общих чертах согласуется с выводом о необходимости учета детерминант на различных уровнях анализа международных отношений. Несмотря на высокую степень разработанности отдельных аспектов конфликтного взаимодействия Соединенных Штатов и ЮНЕСКО в зарубежных академических кругах, перечисленные авторы придают неоправданно большое значение источникам противоречий в рамках ЮНЕСКО или ограничительным импульсам международной структуры при объяснении предпосылок конфликта между США и Организацией, пунктирно обозначая иные факторы, обусловившие изменение американской позиции касательно членства, либо вообще игнорируя их. Те же из них, кто учитывает внутривнутриполитическую динамику, в свою очередь пренебрегают системными детерминантами и/или институциональными параметрами Организации.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении детерминант первого выхода США из ЮНЕСКО, что позволит не только установить причины принятия администрацией Р. Рейгана решения о прекращении членства, но и лучше понять логику формирования американской внешнеполитической позиции по отношению к Организации и — шире — к ООН (неотъемлемой частью которой ЮНЕСКО является). Кроме того, в статье последовательно восстанавливается хронология процесса принятия решения о выходе из ЮНЕСКО, а также определяются его ключевые субъекты.

В ходе обзора литературы по теме исследования была выявлена ограниченность авторских подходов, вот почему в настоящей статье для достижения поставленной цели используется метод многоуров-

невого анализа, разработанный К. Уолтцом в 1959 г. Выход из ММПО является ярко выраженной формой конфликтного поведения, и его причины, согласно основоположнику неореализма, следует искать на трех уровнях (*images*) — «на уровне индивида, на уровне структуры государства и на уровне системы государств» [Waltz, 1959: 12].

«**Индивид**». На первом уровне анализа особое внимание уделяется диспозиционным факторам, т.е. причинам поведения лиц, ответственных за принятие решений (ЛПР). Индивидуальное поведение может определяться чертами характера, психологическими параметрами, идеологической ориентацией и когнитивными особенностями личности (т.е. тем, как именно ЛПР определяют и оценивают проблему, для которой необходимо выработать определенное решение [Jervis, 1976: 13]). Следует также учитывать, что политики не являются механическими автоматами и действуют, согласно теории ограниченной рациональности (*bounded rationality*), в условиях дефицита информации о доступных альтернативах и их последствиях, а также когнитивных искажений [см. подробнее: Simon, 1985].

«**Государство**». На втором уровне анализа исследуются структура государственного управления и особенности процесса принятия внешнеполитических решений. В фокусе находятся отношения между законодательной и исполнительной ветвями власти, а также роль групп интересов в формировании внешнеполитического курса государства. При этом последнее представляется не в качестве монолитного, агрегированного субъекта, принимающего в определенных условиях только такие решения, которые максимизируют полезность и способствуют достижению национальных интересов [Allison, Zelikow, 1999: 403–405], а как сложный конгломерат, в котором любое решение является результатом торга между отдельными лицами и группами в государственном аппарате, защищающими различные, зачастую противоположные интересы [Allison, Zelikow, 1999: 255–256, 294–296].

«**Система**». На третьем уровне анализа оцениваются положение государства в системе международных отношений, а также влияние центросиловой конфигурации (иерархии) и характеристик мирового порядка на внешнеполитическое поведение этого государства. Системные ограничения в большей или меньшей степени воспроизводятся в рамках многосторонних организаций, отражаются на расстановке сил в их руководящих органах и влияют на интересы бюрократического аппарата.

Подчеркнем, что указанные уровни взаимосвязаны, а события на международной арене предпочтительнее рассматривать в комплексе (т.е. с учетом переменных на всех трех уровнях). На первом уровне индивидуальные особенности ЛППР оказывают влияние на формулирование внешней политики. На втором — государственные институты, действующие в контексте уникальной политической системы, определяют национальные интересы страны, тем самым влияя на внутреннюю аудиторию (включая отдельных политиков и элиты) и международных игроков, вынужденных считаться с этой позицией. На третьем уровне государства создают международный порядок, который в дальнейшем определяет их поведение, при этом ЛППР находятся под влиянием как международной, так и национальной среды. Следовательно, третий и второй уровни (далее — структурные факторы) влияют друг на друга и на первый уровень, а первый уровень (далее — диспозиционные факторы) — только на второй.

В настоящей статье выявлены детерминанты первого выхода США из ЮНЕСКО на трех уровнях. В соответствии с выработанной аналитической рамкой факторы, обусловившие разрыв отношений между акторами, рассматриваются дедуктивно. Такая логика изложения исследовательского материала выбрана неслучайно: хотя на системном уровне анализа, по признанию самого К. Уолтца, невозможно исчерпывающе объяснить всё многообразие международных взаимодействий [Waltz, 1979: 71], именно он задает относительно жесткие рамки для поведения государств и является исходной точкой для формулирования их национальных интересов; именно положение стран в международной иерархии определяет их внешнеполитические амбиции и возможности их реализации [Rose, 1998: 146–147]. При этом влияние системных факторов на политику государств не является прямым и односторонним и калибруется под воздействием вмешивающихся переменных на втором и первом уровнях анализа [Rose, 1998: 147].

Следует сделать оговорку, что многоуровневый анализ не дает возможности определить удельный вес каждого фактора при объяснении внешней политики США и не способен охватить всё многообразие условий, детерминант и цепочек обратной связи, определяющих специфичность американской внешней политики в отдельно взятой ситуации. Вместе с тем выбранный методологический подход позволяет схематически представить логику приостановки членства

в Организации, не сводя ее к какому-то одному фактору. Далее мы попытаемся конкретизировать каждый «образ» применительно к конфликту в отношениях между США и ЮНЕСКО при администрации Р. Рейгана.

Третий уровень анализа («Система»)

28 декабря 1983 г. государственный секретарь США Дж. Шульц передал письмо на имя Генерального директора ЮНЕСКО А.-М. М'Боу (Сенегал) с намерением покинуть Организацию 31 декабря 1984 г. В уведомлении о выходе была, в частности, выражена обеспокоенность тем, что «тенденции в политической деятельности, идеологической направленности, управлении и бюджете ЮНЕСКО ослабляют эффективность Организации»⁸. Данный шаг республиканской администрации Р. Рейгана (1981–1989) не был конъюнктурным решением, а отражал глубинные противоречия между тогдашней внешнеполитической стратегией американского государства и программными ориентирами ЮНЕСКО.

Официальные претензии США к Организации сводились к трем ключевым положениям: 1) «политизация почти каждого вопроса в рамках ЮНЕСКО» («антиизраильская» риторика, разработка программ просвещения по вопросам разоружения); 2) «враждебность по отношению к базовым институтам свободного общества» (в частности, поддержка Организацией государственного регулирования СМИ и транснациональных корпораций в рамках дискуссии о «Новом мировом информационном и коммуникационном порядке»⁹

⁸ Communication from the Secretary of State of the United States of America Concerning the Withdrawal of the United States of America // UNESDOC Digital Library. P. 2. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000059131/PDF/059131eng.pdf.multi> (accessed: 15.11.2024).

⁹ Понятие «Новый мировой информационный и коммуникационный порядок» (The New World Information and Communication Order, NWICO) возникло во второй половине 1970-х годов в контексте острой международной дискуссии, в рамках которой с конца 1960-х годов обсуждалась проблема зависимости развивающихся стран «третьего мира» от информационно-коммуникационной инфраструктуры развитых государств. Данный термин (в разных его вариациях) стал ассоциироваться с ЮНЕСКО, поскольку именно эта организация на рубеже 1960–1970-х годов приняла серию резолюций, в которых отчетливо звучала идея «свободного и сбалансированного распространения информации». См.: Records of the General Conference, 18th session, Paris, 17 October to 23 November 1974, vol. 1: Resolutions // UNESDOC Digital Library. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000114040/PDF/114040eng.pdf.multi> (accessed: 15.11.2024). В ответ на это западные

и продвижение концепции «прав народов»¹⁰); 3) неэффективная система управления и неограниченная «бюджетная экспансия»¹¹. Впрочем, американская критика в адрес ЮНЕСКО в 1981–1984 гг.

демократии во главе с США в том же году сформировали так называемую Западную информационную группу (Western Information Group) в целях защиты свободы слова. Несмотря на алармистские настроения общественности и политического истеблишмента США, в действительности руководство ЮНЕСКО в этом вопросе разделяло скорее проамериканские подходы. Неслучайно на заседаниях Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1974, 1976 и 1978 гг. советские проекты деклараций, включавшие положения о государственном контроле над СМИ, а также инициативы в области лицензирования журналистов и установления кодекса этических правил при осуществлении журналистской деятельности, были отклонены. Более того, к началу 1980-х годов дискуссия вокруг NWICO сошла на нет, уступив место менее политизированным переговорам об оказании материально-технической помощи развивающимся странам в рамках Международной программы ЮНЕСКО по развитию коммуникаций (МПРК).

¹⁰ После одобрения на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) «третьей корзины» (охватывающей гуманитарные, культурные и правозащитные вопросы) обострилась дискуссия между странами восточного и западного блоков о подходах к пониманию прав человека. Помимо социально-экономических прав СССР с середины 1970-х годов стал продвигать в рамках международных институтов (в том числе в ЮНЕСКО) концепцию коллективных прав человека (*peoples' rights*, в калькированном переводе — «права народов»). В отличие от гражданских и политических прав (права на свободу вероисповедания, на жизнь, на равенство перед законом и судом и др.), коллективные права включают права на мир, развитие, самоопределение, независимость, суверенитет, территориальную целостность, на свободу от колониального гнета, равный доступ к информации (см. примечание выше) и т.д. Дипломатическая победа СССР на правозащитном направлении в рамках ЮНЕСКО означала бы, что первое поколение прав (личные права) будет вытеснено коллективными правами в одном из учреждений системы ООН, чего США допустить не могли. Они приложили усилия по включению вопросов, связанных с защитой индивидуальных прав человека, в качестве одного из программных приоритетов Организации. Например, американские представители приняли активное участие в разработке Рекомендации ЮНЕСКО 1974 г. о воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод, международного взаимопонимания, сотрудничества и мира, а также об определении правил процедуры и полномочий Комитета Исполнительного совета ЮНЕСКО по конвенциям и рекомендациям. Данный орган был ответствен за рассмотрение заявлений о нарушении прав человека в области компетенции ЮНЕСКО.

¹¹ См. подробнее: NSC Memorandum of December 23, 1983 // Assessment of U.S.-UNESCO Relations, 1984: Report of a Staff Study Mission to UNESCO-Paris to the Committee on Foreign Affairs House of Representatives, January 1985. P. 33. Available at: https://books.google.ru/books?id=NGxn-q74MoAC&newbks=0&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed: 15.11.2024); UNESCO membership: Issues for Congress // Congressional Research Service.

только к этому не сводилась — время от времени выдвигались и другие аргументы. Организацию обвиняли в недостаточной практической деятельности за пределами ее штаб-квартиры в Париже, чрезмерном увеличении веса Секретариата в процессе принятия решений, назначении на руководящие должности некомпетентных сотрудников и т.п.¹² Порой с самых высоких трибун и в СМИ звучали откровенно конспирологические теории, согласно которым ЮНЕСКО превратилась в рупор советской пропаганды и стала марионеточной организацией в руках Комитета государственной безопасности СССР [Giffard, 1989: 71, 178, 218, 225]. Примечательно, что и эта критика, и официальные претензии в адрес ЮНЕСКО были преимущественно развенчаны сотрудниками исследовательской миссии Конгресса¹³.

Приход администрации Р. Рейгана к власти в США совпал по времени с крахом политики разрядки. Новый виток биполярной конфронтации сопровождался тремя тенденциями: отходом СССР от принципа *status quo* в региональной политике (в Афганистане, на юге и северо-востоке Африки), сближением США и Китая и расхождением советских и западных подходов к интерпретации и реализации прав человека. Сложившийся в начале 1970-х годов конструктивный стратегический диалог двух сверхдержав к концу десятилетия уступал место всё большему взаимному недоверию и стремлению доказать свое превосходство (пусть даже и символическим образом) противоположной стороне.

Поскольку вероятность нахождения компромиссных решений по спорным вопросам уменьшилась, а США и СССР не стремились к прямому военному столкновению с использованием ядерного оружия, между сверхдержавами возобновилась «война идей». Неудивительно, что ареной идеологического противостояния стали ООН и ее специализированные учреждения (в том числе ЮНЕСКО), в которых отчетливо проявились противоречия, накопившиеся в си-

20.11.2003. P. 5–7. Available at: https://www.everycrsreport.com/files/20031120_RL30985_e03af874e629604f513ea11ba97563f1b96a5e17.pdf (accessed: 15.11.2024).

¹² См. подробнее: U.S. Withdrawal from UNESCO: Report of a Staff Study Mission February 10–23, 1984 to the Committee on Foreign Affairs U.S. House of Representatives, April 1984. P. 32–33. Available at: https://books.google.ru/books?id=x3GmQU6yfk8C&newbks=0&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed: 15.11.2024).

¹³ U.S. Withdrawal from UNESCO: Report of a Staff Study Mission... P. 22–23, 26–33.

стеме международных отношений в прошлые десятилетия. Мандат ЮНЕСКО, изначально включавший политически «заряженные» вопросы, стал отличной мишенью для идеологов по обе стороны «железного занавеса».

Набиравшая силу идейная конфронтация СССР и США в рамках ЮНЕСКО не имела четкой направленности и охватывала широкий спектр вопросов — от проблем разоружения до правозащитной тематики. Это соперничество не только тормозило работу Организации, но и способствовало ее превращению в трибуну, с которой можно было критиковать своего визави. Так, США (в отличие от СССР) выступали против финансирования программ ЮНЕСКО, направленных на проведение исследований в области проблем мира и разоружения, считая, что они не относятся к сфере компетенции Организации¹⁴. Полемика вокруг этих программ совпала по времени с кризисом «евроракет» и отсутствием прогресса в переговорах о контроле над стратегическими вооружениями и под влиянием этих обстоятельств только усиливалась. Правозащитная проблематика, по которой не удалось достичь согласия на белградской и мадридской встречах СБСЕ, также стала предметом активного обсуждения в рамках ЮНЕСКО. В то время как СССР, следуя духу социалистического интернационализма и солидарности с национально-освободительными движениями в странах Глобального Юга, продвигал концепцию коллективных прав для укрепления своего идеологического влияния в развивающихся государствах, США продолжали настаивать на приоритетности индивидуальных прав. Наконец, одним из наиболее ярких проявлений советско-американского антагонизма в рамках ЮНЕСКО стала острая дискуссия вокруг NWICO. Апеллируя к первой поправке своей Конституции (поправка о свободе слова), США весьма болезненно реагировали на предложения СССР и социалистических стран установить государственный контроль над СМИ и коммуникационной инфраструктурой для более справедливого распределения информационных потоков и блокировали любые подобные инициативы. Следует отметить, что сверхдержавы рассматривали описанные ситуации не

¹⁴ On-the-record briefing on U.S. withdrawal from UNESCO by hon. Gregory Newell, Assistant Secretary of State, Bureau of International Organization Affairs, Thursday, December 29, 1983 (Appendix 4) // U.S. Withdrawal from UNESCO: Report of a Staff Study Mission... P. 64.

столько как очередной этап сложных переговоров по требующим срочного решения международным вопросам, сколько как возможность уязвить противоположную сторону и спровоцировать ее на необдуманные шаги. ЮНЕСКО при этом оказалась против своей воли в прокрустовом ложе этих противоречий и несла значительные репутационные издержки, коль скоро многие ее решения ассоциировались с попытками посягательства на национальные интересы США или СССР.

В дополнение к этому советско-американская конфронтация в рамках Организации подпитывалась усиливавшимся соперничеством сверхдержав на периферии международной системы. При этом каждая из противоборствовавших сторон активно пыталась переманить в свой лагерь страны «третьего мира», используя среди прочего международные институты. До 1960-х годов США рассматривали ЮНЕСКО как «структуру влияния» Запада, а с началом деколонизации — как инструмент противостояния по оси «Север — Юг». На рубеже 1970–1980-х годов на фоне расширения состава ЮНЕСКО за счет присоединения развивающихся стран маятник внешней политики США склонился в сторону унилатерализма. В этом смысле глубинной причиной конфликта в отношениях США и ЮНЕСКО, как считает У. Престон, стало противоречие между претензиями американского государства на сохранение «морального лидерства» Запада и системной необходимостью признания новой расстановки сил на международной арене [Preston et al., 1989: 192–193].

США обвиняли ЮНЕСКО в отходе от принципов, зафиксированных в Уставе Организации. За этим обвинением скрывалось недовольство западных стран, которые, будучи ключевыми финансовыми донорами ЮНЕСКО (2/3 совокупного финансирования), утратили большинство голосов в руководящих органах специализированного учреждения (20% голосов в Исполнительном совете). Ситуацию, сложившуюся при голосовании, США назвали «тиранией большинства», хотя «третий мир» не представлял собой сколько-нибудь целостного блока, проводившего последовательную политику против промышленно развитых стран. Американская администрация не понимала, например, почему голос Вануату должен иметь одинаковый вес с голосом США [цит. по: Reif, 2013: 6].

Кажущееся ослабление американских позиций в международных организациях происходило параллельно со стагнацией и внутривнутриполитическим кризисом в США, их поражением во Вьетнамской войне и усилением экономических позиций стран Европейского экономического сообщества и Японии. Эти события подготовили почву для широкой общественной и научной дискуссии в стране по поводу места и роли США на международной арене. Вслед за американским экономистом Ч. Киндлбергером многие исследователи заключили, что 1970-е годы ознаменовали собой упадок американского политического и экономического влияния в мире относительно других игроков [см. подробнее: Kindleberger, 1976]. Однако пессимистичные оценки мощи США граничили с менее упадническими настроениями в американском обществе. По мнению российских ученых-американистов В.О. Печатнова и А.С. Манькина, на рубеже 1970–1980-х годов правые политики в США заняли «активно-оборонительные позиции» в стремлении преодолеть наследие «вьетнамского синдрома» и вернуть стране явное стратегическое превосходство, подорванное в годы разрядки [Печатнов, Манькин, 2012: 510].

Итак, системные факторы оказали определенное воздействие на позицию США по отношению к ЮНЕСКО. С одной стороны, логика биполярной конфронтации вынуждала Вашингтон противостоять возросшему идеологическому давлению СССР в рамках ЮНЕСКО. С другой стороны, у Белого дома объективно оставалось мало рычагов для изменения ситуации в свою пользу: Советский Союз не готов был идти на уступки, а монополия США на принятие решений в ЮНЕСКО размывалась ввиду увеличения количества членов организации из числа развивающихся государств, которые лавировали между сверхдержавами в целях получения выгодных для себя условий сотрудничества. Данное противоречие между интересами США и имевшимися в их распоряжении ресурсами толкало Вашингтон на поиск альтернативных и нестандартных подходов, включая санкционное давление, проведение пропагандистских кампаний, образование неофициальных коалиций из числа своих партнеров и союзников для реформирования ЮНЕСКО и блокирования неугодных решений, а также приостановку или прекращение членства. Этот список не является исчерпывающим, и выход из Организации не был интуитивно приоритетной опцией.

Возникают и другие вопросы касательно логики американского поведения в отношении ЮНЕСКО: если США вышли из Организации под давлением системных импульсов, то почему на такой же шаг не пошли американские союзники и партнеры (кроме Великобритании и Сингапура, которые покинули ЮНЕСКО вслед за США в 1986 г.); почему именно Вашингтон столь остро ощущал свою уязвимость в рамках ЮНЕСКО и потому так болезненно реагировал на любые попытки ущемления собственных интересов? Системный уровень анализа, как было отмечено, позволяет лишь очертить круг возможностей государств на международной арене и, исходя из этого, предсказать вероятные модели их внешнеполитического поведения, но с его помощью исследователь не в состоянии объяснить, почему руководство страны из всех альтернатив выбирает какую-то одну опцию. Это объяснение следует искать на втором и первом уровнях, которые позволяют детализировать прогнозы развития ситуации, полученные на третьем.

Второй уровень анализа («Государство»)

В политической системе США на рубеже 1970–1980-х годов укрепились позиции «новых правых», которые выступали за пересмотр приоритетов международной политики страны. Их недовольство внешнеполитическим курсом администрации Дж. Картера в отношении многосторонних институтов стало своего рода ответом на ослабление влияния развитых государств в системе ООН. В то же время их позиция была связана с особым, обостренным восприятием сложившейся на международной арене обстановки, согласно которому США проявили непростительную слабость в ряде кризисных ситуаций и потому должны были изменить баланс сил в свою пользу. В этом ресентименте представителей «правоконсервативной волны» проявляется взаимосвязь третьего и второго уровней анализа.

Неслучайно 40-й Президент США Р. Рейган и его команда правых республиканцев пришли к власти под идеологическими лозунгами достижения перелома в холодной войне с СССР и отказа от пассивной политики сдерживания коммунизма. Духу так называемой доктрины Рейгана (The Reagan Doctrine), которая была нацелена, в частности, на «сдерживание <...> советского экспансионизма посредством конкуренции с Советским Союзом на всех междуна-

родных площадках»¹⁵, мог соответствовать и выход из ЮНЕСКО. Тем самым США могли бы продемонстрировать своим соперникам и системе ООН, что они не собираются мириться с ущемлением американских ценностей и готовы пойти на жесткие меры при необходимости.

Были и другие соображения. В целях преодоления экономического спада администрация Р. Рейгана взяла курс на резкий разрыв с политикой государственного регулирования экономики. «Рейганомика» предполагала среди прочего ограничение темпов роста денежной массы, сведение к минимуму социальных функций и сокращение расходов федерального правительства на отрасли хозяйства, не связанные с военно-промышленным комплексом¹⁶. В этом же ключе американское правительство намеревалось пересмотреть свои обязательства перед международными институтами. Речь шла о гармонизации финансовой, бюджетной, управленческой и кадровой политики ММПО и приоритетов государственного строительства в США¹⁷.

По словам исполнительного директора «Freedom House» и бывшего председателя Национальной комиссии США по делам ЮНЕСКО (НК, или Комиссия) Л. Суссмана, решение о прекращении финансирования Организации было принято фактически до того, как администрация Р. Рейгана пришла к власти¹⁸. Документальные подтверждения этих сведений отсутствуют, однако вопросы, связанные с ассигнованием средств на нужды международных организаций, обсуждались Административно-бюджетным управлением (АБУ;

¹⁵ «Доктрина Рейгана» — термин, используемый для характеристики политики администрации Р. Рейгана по поддержке антикоммунистических повстанческих движений в любой точке мира. В своем обращении к нации в 1985 г. президент призвал Конгресс и американский народ противостоять Советскому Союзу, который он именовал «империей зла». Подробнее о стратегических приоритетах рейгановской администрации см.: National Security Decision Directive 75. Washington, January 17, 1983 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v03/d260> (accessed: 15.11.2024).

¹⁶ См. подробнее: White House Report on the Program for Economic Recovery, February 18, 1981 // Ronald Reagan Presidential Library and Museum. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/white-house-report-program-economic-recovery> (accessed: 15.11.2024).

¹⁷ Department of State U.S./UNESCO Policy Review, issued February 29, 1984 // U.S. Withdrawal from UNESCO: Report of a Staff Study Mission... P. 96.

¹⁸ U.S. Withdrawal from UNESCO: Report of a Staff Study Mission... P. 245.

Office for Management and Budget) при Исполнительном офисе президента еще в начале 1981 г.¹⁹

Устремления администрации находили поддержку и в Госдепартаменте. В конце 1981 г. он запустил 18-месячный обзор 96 международных организаций, в котором американское руководство ставило перед собой следующие цели: 1) осуществлять жесткую политику нулевого номинального бюджетного роста и значительно сократить издержки в системе ООН в первой половине 1980-х годов (США больше не собирались мириться с тем фактом, что расходы ООН в 1970-е годы возросли в три раза); 2) вернуть американское лидерство в многосторонних институтах; 3) добиться справедливого представительства США в их секретариатах (граждане США должны занимать ключевые управленческие позиции); 4) усилить роль частного сектора в вопросах, связанных с международными организациями; 5) сократить численность делегаций на международных конференциях на 30%²⁰.

В феврале 1983 г. Госдепартамент подготовил доклады для Конгресса, в которых делал заключение о том, что деятельность ЮНЕСКО в полной мере отражает национальные интересы США²¹. Однако к маю того же года, к моменту окончания 18-месячного обзора, позиция администрации резко изменилась. Так, в отчетном

¹⁹ 30 января 1981 г. Д. Стокман, директор АБУ, впоследствии прозванный «отцом рейганомии», направил высшему руководству Белого дома меморандум, в котором, в частности, призывал: а) сократить добровольные взносы в бюджеты Программы развития ООН, Детского фонда ООН, Организации американских государств и Международного агентства по атомной энергии на 22 и 73 млн долл. в 1981 и 1982 гг. соответственно, т.е. на 70% от уровня расходов на эти нужды при администрации Дж. Картера; б) приостановить финансирование десяти других многосторонних институтов; в) выделить средства в основной бюджет международных организаций согласно принципу нулевого номинального бюджетного роста. При этом директор сделал оговорку, что задача урезания добровольных взносов может быть решена альтернативным способом — за счет «немедленного выхода из ЮНЕСКО, которая проводит политику в поддержку Организации освобождения Палестины и ограничения свободы прессы». Memorandum on Foreign Aid Budget for Senior White House Staff from Dave Stockman. Executive Office of the President. Office of Management and Budget, Washington, D.C., January 30, 1981 // Ronald Reagan Presidential Library. P. 9. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/public/digitallibrary/smaf/cos/bakerjames/box-002/40-028-6914302-002-010-2016.pdf> (accessed: 15.11.2024).

²⁰ U.S. Withdrawal from UNESCO: Report of a Staff Study Mission... P. 24.

²¹ См. подробнее: Reports to Congress Required in Sections 108 and 109 of Public Law 97-241. U.S. Department of State. Washington, D.C., February 24, 1983.

документе были обозначены основные проблемы, препятствовавшие эффективной деятельности ММПО, которые в общих чертах совпадали с обвинениями, выдвинутыми Госдепартаментом в адрес ЮНЕСКО в конце 1983 г.²² В Организации подозрительным образом сосредоточились экономические и политические противоречия, которые волновали рейгановскую администрацию.

В июне 1983 г. американское внешнеполитическое ведомство запустило Политический обзор участия США в деятельности ЮНЕСКО (U.S.–UNESCO Policy Review; далее — Обзор политики), для подготовки которого в том числе были запрошены мнения 13 министерств и агентств, 83 американских посольств, консульств и миссий Агентства США по международному развитию, НК и ряда неправительственных организаций (НПО). Предварительный вариант отчета был подготовлен к декабрю того же года. Признавая серьезные недостатки Организации в области управления, кадровой и бюджетно-программной политики, правительственные учреждения всё же подчеркнули значимость ЮНЕСКО для обеспечения национальных интересов США. За исключением разве что самого Госдепартамента ни одно ведомство при этом не призывало американское правительство пересмотреть участие в Организации. Однако соответствующее решение во внешнеполитическом ведомстве уже было принято²³.

23 декабря 1983 г. советник президента США по национальной безопасности Р. Макфарлейн направил письмо на имя госсекретаря с одобрением рекомендации о выходе из ЮНЕСКО. В меморандуме указывалось, что президент принял это решение с нежеланием, но «с учетом нашей неспособности провести существенные реформы в ЮНЕСКО за последние три года <...>, у нас остается мало надежд

²² В отчете назывались еще 6 организаций, сталкивающихся с данными проблемами, однако только ЮНЕСКО, по мнению Бюро по делам международных организаций, не приложила усилий для их решения. U.S. Withdrawal from UNESCO: Report of a Staff Study Mission... P. 24.

²³ 16 декабря 1983 г. помощник госсекретаря по делам международных организаций Г. Ньюэлл в секретном документе рекомендовал Дж. Шульцу покинуть ЮНЕСКО, участие в которой, по словам чиновника, больше «не служит интересам США». В письме на имя госсекретаря Г. Ньюэлл также отметил, что Обзор политики подтвердил «существующее представление о том, что у Организации действительно есть глубоко укоренившиеся проблемы». Memorandum from Gregory J. Newell to George P. Schultz, 16 December, 1983 [цит. по: Coate, 1988: 13].

на продуктивное членство»²⁴. Даже поверхностный анализ перечисленных документов позволяет сделать вывод о том, что решение о выходе США из ЮНЕСКО было принято исполнительной властью в декабре 1983 г. или даже ранее и было впервые сформулировано сотрудниками Госдепартамента.

В этот период несколько изменился и формат взаимодействия администрации с ЮНЕСКО. До 1981 г. вопросами, связанными с деятельностью Организации, занимался Отдел Бюро по делам международных организаций (Bureau for International Organizations Affairs; BIOA) по социальным и гуманитарным делам. Его возглавлял заместитель помощника госсекретаря, а компетентный персонал отслеживал ситуацию по каждому из пяти программных секторов ЮНЕСКО. По итогам двух реорганизаций в BIOA (в 1981 и 1983 гг.) вопросы ЮНЕСКО стал курировать Отдел, возглавляемый заместителем помощника госсекретаря по делам частного сектора. Четыре (из семи) сотрудника нового Отдела занимались вопросами коммуникаций, что свидетельствовало о преобладании политических установок администрации по отношению к Организации²⁵. Идеологические акценты в деятельности Отдела в свою очередь способствовали формированию искаженного образа Организации в сознании американской общественности и, что существеннее, — высшего руководства страны.

В соответствии с законом № 79-565 об участии США в деятельности ЮНЕСКО от 30 июля 1946 г. перед вынесением любого решения

²⁴ Кроме того, Р. Рейган призвал Госдепартамент «приложить все возможные усилия для осуществления значимых изменений» в Организации и с этой целью поручил внешнеполитическому ведомству «улучшить качество американского участия в ЮНЕСКО» и «назначить экспертную комиссию, состоящую из представителей академического сообщества, СМИ и делового мира, для консультирования исполнительной власти о ходе реформ в Организации». Президент подчеркнул, что «решение о выходе из ЮНЕСКО может быть пересмотрено, в том случае если в Организации будут реализованы конкретные изменения», при этом администрация на тот момент не сформулировала предложения по реформам. Эта оговорка сильно контрастировала с поручением президента о «перенаправлении нашего взноса [американского взноса в бюджет ЮНЕСКО] в иные подходящие двусторонние, многосторонние и частные институты», занимающиеся вопросами образования, науки, культуры и коммуникаций. NSC Memorandum of December 23, 1983... P. 33.

²⁵ U.S. Withdrawal from UNESCO: Hearings Before the Subcommittees on Human Rights and on International Operations of the Committee on Foreign Affairs Ninety-Eighth Congress Second Session, April 25, 26, and May 2, 1984 // Internet Archive. P. 245. Available at: <https://archive.org/details/uswithdrawalfrom00unit> (accessed: 15.11.2024).

касательно Организации Госдепартамент обязан был провести соответствующие консультации с НК²⁶. Однако, по замечанию бывшего заместителя Гендиректора ЮНЕСКО и бывшего председателя НК Дж. Фоубса, штат сотрудников Комиссии неуклонно сокращался Госдепартаментом с 1969 г., ее собственная библиотека была закрыта, а профильные комитеты Комиссии перестали проводить регулярные заседания. Более того, в 1983 г. Госдепартамент прекратил финансировать НК и делегировал ее программные полномочия Бюро по океанографии, окружающей среде и научным вопросам, а также Бюро по делам международных организаций. Фактически Комиссия перестала существовать в своем прежнем качестве, хотя соответствующего на то распоряжения Конгресса не было. Уменьшение роли НК в вопросах, касавшихся ЮНЕСКО, негативно сказалось на уровне информированности как властей, так и общественности по поводу реального состояния дел в Организации. Вероятность принятия взвешенных решений в таких условиях существенно снижалась.

Конгресс. Позиция Конгресса по вопросу участия США в ЮНЕСКО не отличалась единством мнений и решительностью. Законодательство в отношении ЮНЕСКО, принимавшееся Конгрессом в 1982–1984 гг., было направлено на предотвращение негативных последствий политических решений Организации. Важно другое: законодательная власть внесла существенный вклад в публичное освещение ряда подробностей, связанных с принятием и реализацией решения о выходе, а также способствовала прояснению общественного мнения по данной проблеме.

24 августа 1982 г. президент подписал сенатский законопроект о санкционировании внешнеполитической деятельности на 1982/1983 фин. г. (Public Law 97–241), согласно которому США запрещалось направлять финансирование в ЮНЕСКО, если «эта организация проводит любую политику или процедуру, направленную на лицензирование журналистов или их публикаций, ограничение свободного распространения информации внутри стран или

²⁶ Joint Resolution Providing for Membership and Participation by the United States in the United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization, and authorizing an appropriation therefor. H.J. Res. 305, Public Law 565, July 30, 1946 // Library of Congress. U.S. Statutes at Large, Volume 60 (1946), 79th Congress, Session 2. P. 712–714. Available at: https://www.loc.gov/resource/lisalvol.llsal_060/?sp=741&st=im-age&r=-0.567,0.188,2.135,0.836,0 (accessed: 15.11.2024).

между ними, а также установление свода этических правил для журналистов»²⁷.

22 ноября 1983 г. был принят Закон о санкционировании ассигнований на нужды Госдепартамента на 1984/1985 фин. г. (Public Law 98–164). В частности, в пункте b раздела 115 предусматривалось следующее: «...если Израиль будет незаконно лишен членства, временно отстранен от участия, получит отказ при вручении своих верительных грамот или каким-либо другим образом лишен своего права участвовать в Генеральной Ассамблее (ГА) ООН или любом специализированном учреждении ООН, то Соединенные Штаты приостанавливают свое участие в ГА или таком специализированном учреждении до тех пор, пока незаконное действие не будет отменено», а также удерживают платежи в бюджет ООН или соответствующего специализированного учреждения²⁸. Примечательно, что исполнительная власть не апеллировала к указанным законам при обосновании своего решения покинуть ЮНЕСКО. Власть законодательная за исключением перечисленных инициатив в 1983 г. вообще не поднимала вопрос о пересмотре членства в Организации.

Более того, после объявления администрацией решения о выходе из ЮНЕСКО некоторые законодатели попытались помешать такому исходу. Так, 8 марта и 21 мая 1984 г. член Палаты представителей от Республиканской партии Дж.А. Лич (Айова) предложил два законопроекта по внесению поправок в совместную резолюцию касательно участия США в деятельности ЮНЕСКО²⁹. Согласно этим предложениям президент должен был проконсультироваться с за-

²⁷ См. подробнее: Department of State Authorization Act, Fiscal Years 1982 and 1983. S. 1193, August 24, 1982 // Library of Congress. P. 3–4. Available at: <https://www.congress.gov/97/statute/STATUTE-96/STATUTE-96-Pg273.pdf> (accessed: 15.11.2024).

²⁸ См. подробнее: Department of State Authorization Act, Fiscal Years 1984 and 1985. H.R. 2915, November 22, 1983 // Library of Congress. P. 5. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-97/pdf/STATUTE-97-Pg1017.pdf> (accessed: 15.11.2024).

²⁹ Leach J.A. A bill concerning United States membership in the United Nations Education, Scientific and Cultural Organization: H.R.5686 — 98th Congress (1983–1984) // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/98th-congress/house-bill/5686?q=%7B%22search%22%3A%5B%22UNESCO%22%2C%22UNESCO%22%5D%7D&s=7&r=3> (accessed: 15.11.2024); Idem. A bill to amend the joint resolution relating to United States participation in the United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization: H.R.5082 — 98th Congress (1983–1984) // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/98th-congress/house-bill/5082?s=10&r=20> (accessed: 15.11.2024).

конодательной властью, прежде чем покинуть ЮНЕСКО (или приостановить участие в ней), а выход США из Организации должен был быть отложен до 31 декабря 1985 г.³⁰ Однако отклика в Конгрессе данные инициативы так и не получили.

В период с 10 по 23 февраля 1984 г. сотрудники Конгресса находились с визитом в Париже, Женеве и Лондоне для выяснения причин и последствий решения США о выходе из ЮНЕСКО. К апрелю того же года парламентская комиссия подготовила исследовательский отчет, в котором были сформулированы три сценария поведения США на случай, если Организация проведет реформы: 1) покинуть Организацию 31 декабря 1984 г.; 2) отозвать уведомление о выходе; 3) отложить выход из Организации на один год³¹. Сотрудники Конгресса в отчете не стали рекомендовать какой-то конкретный план действий, объяснив это «стремительным ходом событий»³². Вместе с тем они подчеркнули, что решение администрации — это крайняя дипломатическая мера, которая может негативно сказаться на лидерстве США в таких сферах, как образование, наука, культура и коммуникации³³. Особой критике сотрудники подвергли порядок и график принятия решения о выходе из ЮНЕСКО, а также Обзор политики, содержание которого, по их мнению, не соответствовало реальному положению дел³⁴.

Наиболее отчетливо настроения конгрессменов проявились в ходе проведения серии слушаний в профильных комитетах Палаты представителей весной–зимой 1984 г. по вопросу участия США в деятельности ЮНЕСКО и последствий американского решения о выходе из Организации. Резюмируя содержание выступлений законодателей, мы выявили наиболее распространенные аргументы сторонников и противников разрыва отношений с ЮНЕСКО. Первые осуждали Организацию за «необузданную коррупцию,

³⁰ Ibidem.

³¹ U.S. Withdrawal from UNESCO: Report of a Staff Study Mission... P. 1.

³² Ibid. P. 47.

³³ Ibid. P. 1–2.

³⁴ Согласно отчету администрация на момент объявления решения должным образом не проконсультировалась с иностранными правительствами, Конгрессом и с частным сектором в самой стране. За столь короткий период (конец 1983 г. — начало 1984 г.) ЮНЕСКО даже при всем желании не смогла бы реализовать глубокие реформы, тем более что 23-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, которая могла инициировать такие изменения, была назначена на осень 1985 г., т.е. уже после того, как американское решение о выходе вступило бы в силу. Ibid. P. 33–34.

неумелое управление, многочисленные финансовые нарушения, повальное назначение на должности без учета реальных достоинств кандидатов» и продвижение антизападных ценностей³⁵. Кроме того, ЮНЕСКО обвинялась в чрезмерной политизации и недостаточной активности на местах³⁶. Особой критике подверглись «авторитарный стиль» управления Гендиректора ЮНЕСКО А.-М. М'Боу, а также «скатывание программной деятельности к концентрированной советской пропаганде»³⁷. Вторая группа конгрессменов указывала на положительные эффекты от деятельности ЮНЕСКО для осуществления национальных интересов США. Более того, они отмечали, что Организация приложила значительные усилия для ослабления антиизраильских настроений и сглаживания противоречий вокруг NWICO, а американская политика «пустого кресла» только ослабит позиции США в системе многосторонних институтов³⁸.

Настроения в профильных комитетах не претерпели сильных изменений и на слушаниях в июле и сентябре 1984 г. Впрочем, конгрессмены, положительно или нейтрально настроенные к ЮНЕСКО (Дж. Лич, Г. Ятрон, Д. Мика, М. Левин, Б. Гилман), всё больше укрепились во мнении, что администрация и лояльные ей законодатели форсировали решение о выходе, несмотря на рациональные доводы

³⁵ С такой позицией на слушании 8 марта перед подкомитетом по природным ресурсам, сельскохозяйственным исследованиям и окружающей среде выступил демократ Дж. Шойер (председатель подкомитета; Нью-Йорк). Impact on U.S. Scientific Research of Proposal to Withdraw from UNESCO: Hearings Before the Subcommittee on Natural Resources, Agriculture Research and Environment and the Subcommittee on Science, Research and Technology of the Committee on Science and Technology. U.S. House of Representatives, Ninety-Eighth Congress, Second Session, March 8, 15, 1984. P. 12, 35. Available at: https://books.google.ru/books?id=DpSt55jDKT4C&newbks=0&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed: 15.11.2024).

³⁶ Данные критические замечания принадлежат конгрессменам-республиканцам Р. МакГрату (Нью-Йорк) и Т. Льюису (Флорида). Ibid. P. 13.

³⁷ С такими заявлениями выступали, в частности, республиканцы Дж. Притчард (Вашингтон) и Дж. Соломон (Нью-Йорк), всецело поддержавшие решение администрации. По их мнению, отставка Гендиректора ЮНЕСКО позволила бы решить все проблемы Организации. U.S. Withdrawal from UNESCO: Hearings Before the Subcommittees on Human Rights and on International Operations of the Committee on Foreign Affairs Ninety-Eighth Congress Second Session, April 25, 26, and May 2, 1984... P. 38–40.

³⁸ Данный аргумент последовательно продвигал лидер меньшинства Комитета по иностранным делам Палаты представителей, республиканец Дж. Лич (Айова). Ibid. P. 1–8.

против этого. От вопроса участия в ЮНЕСКО дискуссия стала плавно смещаться к проблемам ее реформирования, поиска альтернатив Организации и влияния выхода на национальные интересы США. В сущности, все конгрессмены признавали серьезные проблемы ЮНЕСКО, но расходились в подходах к их решению³⁹.

6 декабря 1984 г. состоялось последнее слушание указанных подкомитетов по вопросу выхода США из ЮНЕСКО. В центре внимания конгрессменов и приглашенных гостей находились вопросы реформирования Организации. Председатель подкомитета по правам человека и международным организациям, демократ Г. Ятрон (Пенсильвания) выступил за сохранение членства в ЮНЕСКО (и в ООН в целом), подчеркнув, что Организация продемонстрировала готовность к изменениям и приняла пакет реформ, которые свидетельствуют об этом⁴⁰. Дж. Лич заявил, что решение администрации — это «неоправданный ответ на раздутую проблему», причем, по его мнению, основные противоречия в рамках ЮНЕСКО (антиизраильские настроения, ограничение свободы слова, рост бюджета, политизация программ) были разрешены в пользу США⁴¹. Лидер меньшинства в Комитете раскритиковал администрацию за то, что она должным образом не продумала последствия своего решения, альтернативы участия в ЮНЕСКО, а также возможности и условия возвращения в Организацию⁴². Он предположил, что решение о выходе — это уступка консервативному электорату накануне выборов⁴³. Председатель подкомитета по международным операциям, демократ Д. Мика

³⁹ Следуя логике сотрудников Фонда «Наследие», Дж. Соломон, с самого начала критически отзывавшийся об Организации, пояснил, что американские претензии к ЮНЕСКО — это не пустые угрозы, а слова, подкрепленные действиями. Словно намекая на неизбежность выхода, он отметил, что США смогут вернуться, когда удостоверятся, что Организация произвела глубокие изменения в своей деятельности. *Recent Developments in UNESCO and Their Implications for U.S. Policy: Hearings Before the Subcommittees on Human Rights and International Organizations and on International Operations of the Committee on Foreign Affairs U.S. House of Representatives, Ninety-Eighth Congress, Second Session, July 26, September 13, December 16, 1984.* P. 49–50. Available at: https://books.google.ru/books?id=cUCbZhUCmh0C&newbks=0&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed: 15.11.2024).

⁴⁰ Ibid. P. 95–96.

⁴¹ Ibid. P. 98–99.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibidem.

(Флорида) согласился со своими коллегами, подверг критике график принятия решения и отметил, что США оказались в западне: если они останутся в ЮНЕСКО, они потеряют доверие других игроков, если выйдут, то лишатся возможности голосовать по реформам, которые были выработаны в 1984 г.⁴⁴ Дж. Соломон со своей стороны отметил, что решение администрации Р. Рейгана привело к довольно полезным результатам, поскольку позволило переосмыслить роль США в ЮНЕСКО в частности и в ООН в целом⁴⁵.

В тот же день председатели и лидеры меньшинства соответствующих подкомитетов (Г. Ятрон, Д. Мика, Дж. Лич и Б. Гилман) направили письмо на имя президента США Р. Рейгана, в котором «поддержали отсрочку» решения о выходе на один год. С их точки зрения, это позволило бы укрепить сотрудничество с союзниками и завершить необходимые реформы в ЮНЕСКО. Конгрессмены предупредили президента о том, что это решение негативно скажется на национальной безопасности и участии США в ЮНЕСКО и других международных организациях. В письме была дана высокая оценка реформам, осуществленным ЮНЕСКО в 1984 г. Законодатели выразили обеспокоенность возможностью усиления позиций СССР в Организации после выхода США⁴⁶. Маловероятно, что администрация пошла бы на отсрочку решения, ведь это бы означало проявление слабости и уступчивости в международных делах и шло бы вразрез с выбранной моделью внешнеполитического позиционирования. По сути, письмо, отправленное законодателями на имя президента, было единственным (и не самым эффективным) рычагом в арсенале Конгресса. В первую очередь это было связано с тем, что любые законодательные инициативы, касавшиеся вопросов участия в ЮНЕСКО, не пользовались популярностью среди конгрессменов, а потому были обречены на «процедурную смерть»⁴⁷.

⁴⁴ Д. Мика также сообщил, что окончательное решение о выходе из ЮНЕСКО уже де-факто было принято администрацией (на момент проведения слушания) и вопрос заключается в том, как это решение преподнести общественности. Ibid. P. 99–101.

⁴⁵ Ibid. P. 101–102.

⁴⁶ Letter from Subcommittees to President Reagan. December 6, 1984 // Assessment of U.S.-UNESCO Relations, 1984: Report of a Staff Study Mission to UNESCO-Paris to the Committee on Foreign Affairs House of Representatives, January 1985... P. 79.

⁴⁷ Например, законопроект Дж. Лича не вышел за пределы Комитета по иностранным делам, а потому голосование по нему в Палате представителей было технически невозможно. Даже если бы эта инициатива прошла все необходимые

Электоральный процесс и роль политических партий. Выборы в США — это яркий индикатор общественного отношения к политике, проводимой властями. Получение поддержки большинства избирателей по итогам второй избирательной кампании, как правило, укрепляет действующего президента и его партию в правильности выбранного ими политического курса и в то же время сужает окно возможностей для кандидата в президенты от противоположной партии и его сторонников. Если по итогам всеобщих выборов 1980 г. кандидат от Республиканской партии Р. Рейган набрал 50,7% голосов избирателей (489 выборщиков), а его конкурент от Демократической партии Дж. Картер только 41,0% голосов (и только 49 выборщиков), то на выборах 1984 г. действующий президент одержал уверенную победу над У. Мондейлом, набрав 58,8% голосов (525 выборщиков).

Победа республиканцев была связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, популярность действующего президента и руководимой им партии заметно возросла в 1983–1984 гг. на фоне улучшения экономической конъюнктуры и проведения жесткого внешнеполитического курса в целях преодоления «вьетнамского синдрома» [Печатнов, Маныкин, 2012: 527; Чернявский, Дубова, 2018: 282–283, 287]. Во-вторых, Демократическая партия не смогла предложить избирателям четкую альтернативную программу и выстроила избирательную кампанию в духе традиционного умеренного либерализма. Демократы безоговорочно поддерживали все жесткие внешнеполитические акции правительства, а наиболее консервативное крыло в рамках Демократической партии (так называемые либерал-технократы) вообще одобряло многие начинания рейгановской администрации, например ограничение роста бюджета, стимулирование экономики предложения и сокращение размеров федерального правительства [История новейшего времени..., 2003: 285]. Примечательно, что 15 января 1984 г. на первых в истории Демократической партии телевизионных дебатах в ходе праймериз, проведенных в Дартмутском колледже, У. Мондейл поддержал решение администрации Р. Рейгана по выходу из ЮНЕСКО⁴⁸.

процедуры, она с очень высокой вероятностью была бы заблокирована Сенатом, в котором республиканцы составляли большинство.

⁴⁸ Current Policy No. 634: Perspectives on the U.S. Withdrawal from UNESCO, October 31, 1984. United States Department of State Bureau of Public Affairs. Washington, D.C., 1984. P. 1. Available at: https://books.google.ru/books?id=1St_U6bqxqAC&newbks=0&p

Расстановка сил в Конгрессе во многом зависит от степени влияния политических партий на ситуацию в стране. Поскольку внешнеполитическая программа Демократической партии мало отличалась от аналогичной республиканской, «кнуты», обеспечивавшие партийную дисциплину, не могли принудить демократов голосовать по любым законопроектам, направленным против решения администрации покинуть ЮНЕСКО. Впрочем, даже если бы такой законопроект был предложен демократами и принят большинством голосов в Палате представителей, он с наибольшей вероятностью был бы заблокирован Сенатом (поскольку он, согласно правилам рассмотрения законопроектов, должен был быть одобрен в обеих палатах), где республиканцы по итогам выборов в Конгресс в 1983 г. удержали большинство⁴⁹. Следует отметить, что конгрессмены, как правило, стремятся к переизбранию, а потому ориентируются на общественные настроения. По мнению И. Кфира, голосовать в поддержку ЮНЕСКО означало бы на тот момент отождествить себя с «антизападными, антиизраильскими и антилиберальными ценностями» и, возможно, лишиться мандата [Kfir, 1998: 232].

Негосударственные акторы. Как было отмечено, политическая программа Р. Рейгана зиждилась на трех столпах: уменьшении роли федерального правительства, снижении налогов и стимулировании предложения в социально-экономической жизни страны, антисоветской риторике и жесткой позиции в международных делах. Как показали результаты выборов сначала 1980 г., а затем и 1984 г., эти темы снискали популярность у той части электората, которую привлекала идеология «новых правых»⁵⁰.

Политическая позиция Р. Рейгана в вопросах участия США в системе ООН в целом и ЮНЕСКО в частности формировалась во многом под влиянием деятельности Фонда «Наследие» (Heritage Foundation) — консервативной «фабрики мысли», учрежденной

rintsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed: 15.11.2024).

⁴⁹ В 1983–1984 гг. места в Палате представителей распределились следующим образом: 279 демократов, 174 республиканца и 2 независимых представителя. В Сенате республиканцы в количестве 56 человек получили большинство.

⁵⁰ По мнению британского исследователя И. Кфира, «новые правые» — это собирательный термин, который объединяет три группы интересов: антилибералов в экономике, «новых христианских правых» в религии и неоконсерваторов во внешней политике [см. подробнее: Kfir, 1998: 60–104].

в 1973 г. Ранее упомянутая «доктрина Рейгана» стала переработкой основных рекомендаций, изложенных в объемном докладе Фонда под названием «Мандат на лидерство» (Mandate for Leadership)⁵¹. Фонд выступил в авангарде организаций, критиковавших систему ООН, опубликовав около 40 работ на эту тему.

Так, в своей аналитической записке № 221 от 22 октября 1982 г. Фонд раскритиковал ЮНЕСКО за поддержку Нового международного экономического порядка, провозглашенного ГА ООН 1 мая 1974 г.⁵² Аналитическая записка № 233 от 13 декабря 1982 г.⁵³ в свою очередь содержала критические нападки на Гендиректора ЮНЕСКО и основные достижения Международной конференции по культурной политике, проходившей в Мехико в 1982 г.

С октября 1983 г., т.е. за два месяца до объявления решения США о выходе из ЮНЕСКО, Фонд пошел дальше в своей агитационной кампании против нее, прямо призывая руководство страны выйти из состава Организации⁵⁴. В своем письме для привлечения финансирования в размере 75 тыс. долл. против американского PR-агентства «Вагнер и Бэруди»⁵⁵ от 8 октября 1984 г. (незадолго до выхода США из ЮНЕСКО) сооснователь «фабрики мысли» Э. Фойльнер отметил, что решение Р. Рейгана по прекращению членства в Организации стало «прямым результатом» деятельности Фонда, и раскритиковал

⁵¹ Heatherly C. Mandate for leadership: Policy management in a conservative administration. Washington, D.C.: The Heritage Foundation, 1981.

⁵² Guilick T.G. For UNESCO, a failing grade in education // The Heritage Foundation. 22.10.1982. Available at: <https://www.heritage.org/education/report/unesco-failing-grade-education> (accessed: 15.11.2024).

⁵³ Guilick T.G. UNESCO, where culture becomes propaganda // The Heritage Foundation. 13.12.1982. Available at: <https://www.heritage.org/report/unesco-where-culture-becomes-propaganda> (accessed: 15.11.2024).

⁵⁴ Harries O. The U.S. and UNESCO at a crossroads // The Heritage Foundation. 19.10.1983. Available at: <https://www.heritage.org/report/the-us-and-unesco-crossroads> (accessed: 15.11.2024); Idem. The U.S. and UNESCO: Time for decision // The Heritage Foundation. 05.12.1983. Available at: <https://www.heritage.org/report/the-us-and-unesco-time-decision> (accessed: 10.01.2024); Idem. UNESCO — Time to leave // The Heritage Foundation. 10.12.1984. Available at: <https://www.heritage.org/report/unesco-time-leave> (accessed: 15.11.2024).

⁵⁵ По итогам работы 119-й сессии Исполнительного совета Гендиректор ЮНЕСКО нанял PR-агентство «Вагнер и Бэруди» (США) для продвижения положительного образа Организации в сознании американской общественности. Э. Фойльнер, будучи противником участия США в деятельности ЮНЕСКО, попытался в свою очередь организовать общественную кампанию против указанного PR-агентства.

ту часть Конгресса, которая оказывала сопротивление данному решению⁵⁶. Отметим, что даже поверхностный анализ содержания перечисленных публикаций позволяет выявить наличие у сотрудников Фонда «Наследие» предубеждений по отношению к ЮНЕСКО.

Выступая перед профильными комитетами в рамках слушаний, научные сотрудники Фонда полностью поддержали решение администрации о выходе из Организации. Так, О. Харрис, бывший посол Австралии при ЮНЕСКО (февраль 1982 г. — август 1983 г.), заявил, что выход станет травматическим шоком для Организации, простимулирует необходимые реформы и будет назиданием для стран «третьего мира», которые пытаются сделать ЮНЕСКО оружием антизападной пропаганды. По его мнению, данный шаг заставит западные страны сотрудничать более эффективно в рамках Организации и подаст системе ООН сигнал к действию⁵⁷. По словам И. Кфира, администрация Р. Рейгана при принятии решения регулярно консультировалась с теми, кто, как ей казалось, разбирался в ЮНЕСКО [Kfir, 1998: 194]. Неслучайно аргументация республиканских политиков и конгрессменов (например, Г. Ньюэлла, Э. Дервински, Г. Соломона) зачастую воспроизводила логику О. Харриса.

Во внутривластном процессе в США значительным влиянием обладают лоббистские организации. Они не только оказывают воздействие на электоральные предпочтения населения, но и продвигают свою повестку через органы законодательной и исполнительной власти. Одной из таких организаций в деле ЮНЕСКО стала Антидиффамационная лига Бней-Брит (АДЛ), международная неправительственная правозащитная организация, отстаивающая интересы еврейского народа в США и во всем мире. В 1970–1980-е годы руководство АДЛ взяло курс на сотрудничество с группами американских евангелистов. В 1980 и 1981 гг. Национальная комиссия и Исполнительный комитет АДЛ принимали резолюции, призывавшие Р. Рейгана и Конгресс США «прекратить финансировать ЮНЕСКО до тех пор, пока эта организация действует политизи-

⁵⁶ Feulner E., Jr. Heritage Foundation Letter Raising \$75,000 to Combat Wagner and Baroody. Washington, D.C.: The Heritage Foundation, 1984 // Assessment of U.S.-UNESCO Relations, 1984: Report of a Staff Study Mission to UNESCO-Paris to the Committee on Foreign Affairs House of Representatives, January 1985... P. 55–57.

⁵⁷ U.S. Withdrawal from UNESCO: Hearings Before the Subcommittees on Human Rights and on International Operations of the Committee on Foreign Affairs Ninety-Eighth Congress Second Session, April 25, 26, and May 2, 1984... P. 82–83.

рованно, используя антизападные, антидемократические выпады в нарушение своего мандата»⁵⁸. АДЛ также поддержала решение администрации покинуть ЮНЕСКО, что показали слушания в Палате представителей и Сенате, проводившиеся в 1984 г.⁵⁹

При этом отношения между США и Государством Израиль с конца 1940-х годов претерпели серьезные изменения. Параллельно с формированием стратегического партнерства между упомянутыми странами укреплялось и крупное евангелистское лобби, являющееся ключевым проводником израильских интересов в США. К середине 1970-х годов евангелистское движение превратилось в наиболее быстрорастущую ветвь христианства в Соединенных Штатах. М. Бегин, избранный в качестве премьер-министра Израиля от консервативной партии «Ликуд» в 1977 г., установил тесные связи с произраильски настроенными христианами в США, в том числе с государственными деятелями и влиятельными представителями обществности, включая проповедника Дж. Фоуэлла, вице-президента У. Мондейла при администрации Дж. Картера, главу сенатского Комитета по международным делам Дж. Хелмса и президента Р. Рейгана [Галстян, 2018]. Американский президент-республиканец, поддерживавший активные связи с премьер-министром Израиля М. Бегоном, выступал против ущемления израильских интересов на международной арене, в частности в рамках многосторонних институтов.

Впрочем, «израильский фактор» не имел определяющего значения при выходе США из ЮНЕСКО, что подтверждается следующими фактами. Во-первых, к 1976 г. кризис в отношениях США и Организации вокруг антиизраильских резолюций 1974 г. был исчерпан⁶⁰. Во-вторых, глава американской делегации на 22-й сес-

⁵⁸ Recent Developments in UNESCO and Their Implications for U.S. Policy... P. 19.

⁵⁹ Ibid. P. 18; Press Release of Anti-Defamation League of B'nai B'rith, December 10, 1984 [см.: Kfir, 1998: 200].

⁶⁰ В октябре и ноябре 1974 г. в рамках ЮНЕСКО были приняты первые три антиизраильские резолюции. Особенно болезненным для Израиля стал первый документ, согласно которому страну лишали права голоса в руководящих органах Организации. См. подробнее: UNESCO and Israel: COM.75/WS/10 // UNESDOC Digital Library. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000013377?1=null&queryId=7ee26a60-4fbd-4fa2-b1e4-5ff9fd43c837> (accessed: 15.11.2024). В ответ на это Конгресс запретил финансировать ЮНЕСКО до тех пор, пока положение Израиля в рамках Организации не изменится. Угроза бюджетного кризиса вынудила руководство ЮНЕСКО пойти на уступки: 8 ноября 1976 г. завершился период двухлетней

сии Генеральной конференции ЮНЕСКО Э. Хеннелли признал, что антиизраильские настроения на конференции не возникали, а попытки ряда стран принять резолюции, враждебные израильским интересам, были в итоге пресечены⁶¹. В-третьих, Израиль не был заинтересован в выходе США, поскольку официально выступил против американского решения, рассматривая Организацию как источник дипломатической легитимности и ценной экспертизы⁶². Следовательно, в уведомлении о выходе, переданном на имя Гендиректора ЮНЕСКО в 1983 г., «израильский фактор» был упомянут только в контексте усиливавшейся политизации Организации, но не более чем пример, подтверждавший, по мнению американского руководства, общий тренд.

По словам Э. Гиффарда, особую роль в создании негативного образа ЮНЕСКО в сознании политиков и общественности сыграли американские СМИ («Associated Press», «New York Times», «Washington Post», «United Press International»). Медийный истеблишмент организовал масштабную кампанию против ЮНЕСКО, поскольку она, по его мнению, в 1970-е — начале 1980-х годов продвигала такие предложения, как государственный контроль над СМИ, лицензирование журналистов и введение кодексов журналистской деятельности. Несмотря на немалое число доводов в пользу сохранения членства в ЮНЕСКО, новостные агентства заняли преимущественно проправительственную позицию и освещали события, связанные с дипломатическим кризисом, избирательно. Это было обусловлено тем, что перечисленные СМИ опирались на провластные источники информации, которые подвергали Организацию критике [см. подробнее: Giffard, 1989].

И всё же многие НПО в большинстве своем выступили против выхода США из ЮНЕСКО. Главным рупором оппозиции американскому решению стала НК. Еще до запуска Обзора политики, в начале июня 1982 г., по ее инициативе было проведено заседание в Университете Южной Каролины, на котором обсуждалась ситуация вокруг ЮНЕСКО. По его итогам члены Комиссии пришли к выводу,

процедурной изоляции Израиля. В 1978 г. администрация Дж. Картера возобновила финансирование Организации.

⁶¹ U.S. Withdrawal from UNESCO: Hearings Before the Subcommittees on Human Rights and on International Operations of the Committee on Foreign Affairs Ninety-Eighth Congress Second Session, April 25, 26, and May 2, 1984... P. 14–15.

⁶² U.S. Withdrawal from UNESCO: Report of a Staff Study Mission... P. 26.

что многие проблемы в отношениях Вашингтона с этой Организацией были вызваны ошибками исполнительной власти страны, а также порекомендовали продолжить участие в ней. В процессе формирования собственных рекомендаций для Госдепартамента в рамках проведения Обзора политики НК запросила мнения всех своих членов и 40 НПО по ЮНЕСКО. Ответы были получены от 20 респондентов, которые критиковали как ЮНЕСКО, так и подходы администрации к выстраиванию отношений с Организацией, однако все они выступили за сохранение членства. На ежегодном заседании НК 16 декабря 1983 г. была инициирована процедура голосования по вопросу участия в ЮНЕСКО, по результатам которой 41 голос был отдан в поддержку сохранения членства и только 8 голосов — против⁶³.

Как было отмечено, администрация в начале 1980-х годов ставила перед собой цель усилить роль частного сектора в вопросах, связанных с международными организациями. Эта целевая установка была отражена и в ранее упомянутом меморандуме советника по национальной безопасности Р. Макфарлейна, который незадолго до принятия решения о выходе призвал Госдепартамент произвести качественные улучшения в аппарате сотрудников, занимавшихся вопросами ЮНЕСКО (т.е. в НК, ВЮА и Постоянной миссии США при ЮНЕСКО), а также создать рабочую группу наблюдателей из числа представителей гражданского общества в целях выработки внешней экспертизы для администрации по соответствующему вопросу.

Позиции НПО в отношении участия в ЮНЕСКО стали известны внешнеполитическому ведомству только в начале 1984 г., т.е. уже после объявления решения о выходе. Согласно поступившим рекомендациям 11 организаций (Ассоциация ООН в США, Национальная ассоциация по образованию, Freedom House, Американская ассоциация женщин с университетским образованием и др.) выступили против выхода из ЮНЕСКО, две организации (Национальное Одюбоновское общество и Лига женщин-избирательниц) заняли нейтральную позицию и призвали к дальнейшему изучению данного вопроса, две организации (производитель промышленных товаров

⁶³ Аналогичную НК позицию заняли и многие НПО, что получило отражение в многочисленных письмах, поступавших в Госдепартамент в конце 1983 г. — в течение 1984 г.

«Melliken&Companу» и Национальный совет по образованию для евреев) поддержали решение администрации⁶⁴.

Поскольку полный 700-страничный вариант Обзора политики так никогда и не был опубликован, мы не можем точно подсчитать, какое количество НПО выступили против выхода из ЮНЕСКО, а сколько организаций поддержали решение исполнительной власти. Однако слушания по вопросу участия в ЮНЕСКО, проводившиеся в нижней палате Конгресса весной–летом 1984 г., продемонстрировали явный перевес в пользу тех представителей гражданского общества, которые высказались против выхода из Организации. По нашим подсчетам, из 24 докладчиков, выступавших перед Конгрессом в указанный период, 16 приглашенных гостей (12 из которых представляли интересы гражданского общества) не поддержали решение покинуть ЮНЕСКО⁶⁵.

За исключением идеологически мотивированных НПО, частный сектор в конце 1983 — 1984 г. последовательно выступал за сохранение членства в Организации и реформирование ее изнутри. Как показали дальнейшие события, к мнению гражданского общества администрация так и не прислушалась. И это при том, что исполнительная власть сама выступала за усиление роли НПО в вопросах, связанных с ЮНЕСКО.

Итак, решение о выходе из Организации было принято исполнительной властью (Государственным департаментом с одобрения аппарата президента) вопреки позиции профильных комитетов Палаты представителей и преобладающего числа НПО. Прекращение членства в Организации было прежде всего политической акцией «новых правых», призванной продемонстрировать международному сообществу, что США оправились от упаднических настроений 1970-х годов и готовы дать отпор любым антиамериканским про-

⁶⁴U.S. Withdrawal from UNESCO: Hearings Before the Subcommittees on Human Rights and on International Operations of the Committee on Foreign Affairs Ninety-Eighth Congress Second Session, April 25, 26, and May 2, 1984... P. 275.

⁶⁵См. подробнее: Impact on U.S. Scientific Research of Proposal to Withdraw from UNESCO... P. 1–109; U.S. Withdrawal from UNESCO: Hearings Before the Subcommittees on Human Rights and on International Operations of the Committee on Foreign Affairs Ninety-Eighth Congress Second Session, April 25, 26, and May 2, 1984... P. 12–345. В частности, с демаршем выступили такие влиятельные в американском академическом пространстве организации, как Национальная академия наук, Национальная образовательная ассоциация и Американская библиотечная ассоциация.

искам, в том числе в рамках многосторонних институтов. Кроме того, разрыв отношений с ЮНЕСКО гармонично вписался в новую экономическую программу администрации Р. Рейгана, которая предполагала среди прочего оптимизацию федеральных расходов на нужды внешней политики.

Первый уровень («Индивид»)

Если на втором уровне анализа удалось установить, почему из множества доступных вариантов поведения по отношению к ЮНЕСКО администрация Р. Рейгана выбрала именно опцию прекращения членства, то на первом уровне выявляются индивидуальные особенности ЛПР, которые отразились на характере подготовки и оформления решения о выходе из Организации.

Не обладая систематизированным взглядом на международные дела и техническими знаниями о программной деятельности ЮНЕСКО, Р. Рейган взял курс на укрепление глобальной роли США при сокращении присутствия в многосторонних институтах ООН. Возможно, президент и не был категорически против участия в ЮНЕСКО, однако ни он, ни его ближайшее окружение в Исполнительном управлении не высказались однозначно в поддержку Организации, что фактически дало молодому и амбициозному помощнику госсекретаря по делам международных организаций Г. Ньюэллу (1982–1985) свободу в определении политических приоритетов в отношении ЮНЕСКО. По мнению ряда исследователей, у президента не было времени и желания вдаваться в мельчайшие подробности международных отношений (в том числе с ЮНЕСКО), а потому он делегировал право решить этот вопрос нижестоящим инстанциям [Waldstein, 1990; Гарбузов, 1997: 223]. Действительно, имя президента (равно как и вице-президента Дж.Г.У. Буша) ни разу не фигурировало в контексте обсуждения вопроса о пересмотре американского подхода к участию в Организации, что косвенно подтверждает его пассивность в ходе принятия решения о выходе.

Вместе с тем следует признать, что президенту при всей его безучастности в этом вопросе импонировала позиция Постоянного представителя США при ООН Дж. Киркпатрик (1981–1985), которая неоднократно выступала с критикой универсальной организации и призывала к выходу из нее (и ее специализированных

учреждений)⁶⁶. Мотивировались такие резкие заявления, как правило, тем, что Соединенные Штаты — это самодостаточное государство, которое может обойтись без помощи малоэффективных многосторонних институтов, а тем более тех из них, которые продвигают антиамериканские ценности. По мнению ряда исследователей, взгляды Р. Рейгана на проблемы взаимодействия с «системой ООН» формировались под влиянием Дж. Киркпатрик и ей подобных политиков⁶⁷, которым глава Белого дома доверял проведение в жизнь конкретных внешнеполитических инициатив по отношению к ММПО [Kfir, 1998: 201, 224–225; Moore, Pubantz, 1999: 255–256]. Иными словами, если бы Р. Рейган был не согласен с позицией своих подчиненных по вопросу участия в ЮНЕСКО, то он бы назначил на соответствующие посты тех политиков, чьи взгляды согласовывались бы с его собственными убеждениями. Значит, президент одобрял курс на разрыв с ЮНЕСКО, тем самым в целом посылая ООН сигнал о том, что США не намерены мириться с политикой, враждебной американским интересам, в том числе с усилением (по мнению администрации) позиций СССР в Организации. Не будь у Р. Рейгана и его ближайших соратников такой идеологической зашоренности, они смогли бы здраво подойти к оценке преимуществ и недостатков участия в деятельности ЮНЕСКО и принять самостоятельное, продиктованное рациональными соображениями решение, вместо того чтобы полагаться на манипулятивные сведения, подготовленные чиновниками, которые стремятся из карьерных побуждений угодить начальству (см. далее).

Непосредственным архитектором разрыва отношений США с ЮНЕСКО стал Г. Ньюэлл, занимавший в 1981–1982 гг. должности помощника президента по особым вопросам и руководителя кадровой политики в администрации Р. Рейгана. Г. Ньюэлл не только способствовал активизации информационной кампании с участием ведущих американских СМИ и «фабрик мысли» (в том числе Фонда «Наследие») для дискредитации ЮНЕСКО в глазах общественно-

⁶⁶ См. подробнее: Kirkpatrick J.J. The Reagan phenomenon, and other speeches on foreign policy. Washington, D.C.: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1983. P. 79–98.

⁶⁷ Например, Ч.М. Лихенштейн, заместитель представителя США при ООН, в сентябре 1983 г. выступил с предложением «изгнать ООН с территории США» [цит. по: Moore, Pubantz, 1999: 268].

сти⁶⁸, но и направлял в Организацию предложения об осуществлении заведомо невыполнимых реформ.

Было бы ошибочно приписывать ответственность за решение покинуть ЮНЕСКО исключительно Г. Ньюэллу. Вместе с тем несколько обстоятельств косвенно подтверждают его личную заинтересованность в успехе политической кампании, направленной против Организации. Во-первых, будучи членом предвыборного штаба Республиканской партии, а позже — сотрудником Белого дома, молодой политик разделял консервативные ценности американской администрации. Поскольку в ЮНЕСКО сосредоточились проблемы, с которыми так активно боролась администрация Р. Рейгана в самих США (инфляция, рост бюджета, неэффективность управления, политизация и др.), Г. Ньюэлл задумал выйти из Организации, чтобы закрепить за собой репутацию политика правого толка и, вероятно, приобрести новые возможности для карьерного роста. Последнее предположение звучит тем более убедительно, если учесть, что амбициозный Г. Ньюэлл в возрасте 32 лет стал самым молодым помощником госсекретаря⁶⁹. Во-вторых, получив профильное образование (степень бакалавра по международным отношениям и политическим наукам в частном Университете Бригама Янга), он, как и многие его сослуживцы, был склонен придавать слишком большое значение политическим противоречиям в рамках ЮНЕСКО, а не достижениям Организации в сферах ее компетенции. В-третьих, он возглавил ВЮА, которое располагало широкими полномочиями по формулированию политических приоритетов в области участия в международных организациях. Следовательно, Г. Ньюэлл мог преподнести себя в качестве эксперта по вопросам, связанным с деятельностью ЮНЕСКО, хотя фактически он таковым не являлся. Работая в тандеме с влиятельными СМИ и консерватив-

⁶⁸ Г. Ньюэлл понимал, что решение о выходе встретит оппозицию со стороны ряда государств (в частности, Франции и Израиля) и групп интересов в самих США. По этой причине помощник госсекретаря инициировал медиакампанию в целях манипуляции общественным мнением. Данная кампания предполагала, в частности, рассылку статей, отражавших правительственную позицию, в редакции «The Washington Post» и «The New York Times», а также публикацию лидерами мнений, представлявших интересы гражданского общества, материалов, в которых выражалась поддержка решения администрации [Giffard, 1989: 56].

⁶⁹ Provo Daily Herald // Utah Digital Newspapers. 30.03.1989. Available at: <https://newspapers.lib.utah.edu/details?id=24074495&q=%22Gregory+Newell%22&sort=rel> (accessed: 15.11.2024).

ными группами интересов, энергичный политик смог представить ЮНЕСКО в негативном свете не только в глазах общественности, но и в сознании собственного руководства и ряда конгрессменов. Наконец, как было отмечено, ВЮА не пользовалось популярностью с карьерной точки зрения среди чиновников Госдепартамента по сравнению с региональными и функциональными бюро. Вероятно, Г. Ньюэлл рассматривал назначение на пост помощника госсекретаря как промежуточный этап в своей карьере и стремился к более престижной позиции.

По мнению Л. Суссмана, чтобы достигнуть очередного повышения, Г. Ньюэллу нужно было «исполнить миссию», т.е. всеми доступными способами вывести США из состава ЮНЕСКО [цит. по: Giffard, 1989: 250]. При этом, как отмечал исполнительный директор Freedom House, Р. Макфарлейн и Дж. Шульц изначально с раздражением отнеслись к рекомендациям молодого политика [цит. по: Giffard, 1989: 250]. И поскольку ему бы не удалось в одиночку реализовать такое решение, вероятно, у него был влиятельный покровитель в Белом доме, которым, с точки зрения Э. Гиффарда, вполне мог выступать наиболее приближенный к Р. Рейгану советник по политическим вопросам, ярый приверженец консервативных ценностей Э. Миз (1981–1985)⁷⁰.

Претензии в адрес ЮНЕСКО со стороны Г. Ньюэлла были в высшей степени непоследовательными. Например, вплоть до лета 1983 г. ядро американской критики составляли обвинения в отношении NWICO. По итогам многолетней дискуссии эта концепция не получила дальнейшего развития, как и другие инициативы в области регулирования журналистской деятельности. Конгресс в этом вопросе ограничился включением соответствующего пункта в очередной законопроект об ассигнованиях на международную деятельность на 1982/1983 фин. г.⁷¹ По сути, США удалось отстоять право на свободное распространение информации, а дискуссия по NWICO плавно сместилась в сторону обсуждения механизмов предоставления технической помощи развивающимся странам.

⁷⁰ Как утверждает исследователь, именно Э. Миз выдвинул кандидатуру Г. Ньюэлла на пост Чрезвычайного и полномочного посла США в Швеции в 1985 г., что согласовывалось с личными интересами бывшего помощника госсекретаря [цит. по: Giffard, 1989: 250].

⁷¹ Department of State Authorization Act, Fiscal Years 1982 and 1983. S. 1193, August 24, 1982... P. 3–4.

С середины 1983 г. в фокус американской критики попали бюджетные вопросы. Г. Ньюэлл поставил цель урезать бюджет Организации на 12 млн долл. На внеочередной сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (1982), которая должна была утвердить среднесрочную стратегию Организации на 1984–1989 гг., Генеральный директор выдвинул предложение увеличить ее бюджет на 9%, что противоречило американскому стремлению к обеспечению нулевого номинального роста бюджета⁷². Большинство государств проголосовали за его повышение с 4 до 6% в 1984–1985 гг., а крупнейшие страны (включая США), которые финансировали 85% бюджета, выступили против этого⁷³. В итоге было утверждено компромиссное предложение, выдвинутое группой стран Северной Европы: 374,4 млн долл. при реальном росте бюджета с 3,8 до 5,5% в течение последующих 2 лет⁷⁴. Можно предположить, что финансовые соображения не имели определяющего значения в ходе принятия решения о выходе из ЮНЕСКО, учитывая общий тренд на сокращение Конгрессом ассигнований в бюджеты учреждений системы ООН. Даже если АБУ и планировало снизить расходы на международные организации за счет прекращения финансирования ЮНЕСКО, Г. Ньюэлл и Дж. Шульц неоднократно заявляли, что Госдепартамент направит сопоставимые средства (т.е. около 47 млн долл.) на альтернативные проекты и институты в области образования, науки, культуры и коммуникаций⁷⁵. Следовательно, выход из ЮНЕСКО не мог быть результатом исключительно государственной финансовой политики, направленной на сокращение бюджетных расходов и повышение эффективности федерального правительства.

Примечательно, что на момент, когда Г. Ньюэлл 16 декабря 1983 г. отправил Дж. Шульцу рекомендацию о выходе из ЮНЕСКО, Обзор

⁷² UNESCO membership: Issues for Congress // Congressional Research Service. 20.11.2003... P. 6.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ См. подробнее: Human Resources Impact of U.S. membership in UNESCO: Hearings before the Senate Committee on Labor & Human Resources, 98th Congress, 2nd Session, December 10, 1984, Washington, D.S.: U.S. GPO, 1985. P. 11; Recent Developments in UNESCO and Their Implications for U.S. Policy... P. 78. См. также: Secretary of State Shultz's Letter to Director General M'Bow ('U.S. Notifies UNESCO of Intent to Withdraw'), December 28, 1983 // Department of State Bulletin. February 1984. Vol. 84. No. 2083. P. 41.

политики еще формально не закончился⁷⁶. Более того, в финальном варианте документа, как указывает профессор Р. Коут, многие формулировки, выставлявшие ЮНЕСКО в положительном свете, были сознательно изменены или опущены [Coate, 1988: 15]. Другими словами, содержание Обзора подгонялось под нужное политическое решение. Г. Ньюэлл был осведомлен о том, что многие организации выступали против выхода из ЮНЕСКО, однако приложил немало усилий, чтобы их мнение не было услышано.

С конца осени 1983 г. нападки Г. Ньюэлла на ЮНЕСКО стали носить беспорядочный характер, а жесткость американских требований в адрес Организации только усиливалась. Следует отметить, что на момент подачи уведомления о выходе на имя Гендиректора ЮНЕСКО у помощника госсекретаря не было конкретного плана действий, хотя выход из Организации был поставлен в зависимость от реформ в ней. Если бы администрация действительно была заинтересована в конкретных изменениях в рамках ЮНЕСКО, она бы оперативно разослала список предложений высшему руководству Организации и другим странам⁷⁷.

Г. Ньюэлл демонстрировал незаинтересованность в проведении реформ в рамках ЮНЕСКО и в риторике, и на практике. Так, на пресс-конференции 29 декабря 1983 г. помощник госсекретаря выразил сомнение в том, что ЮНЕСКО вообще способна реализовать какие-либо существенные изменения⁷⁸. При этом первые предложения американской стороны по возможным реформам в Организации были переданы А.М. М'Боу только 13 июля 1984 г., т.е. чуть меньше, чем за полгода до выхода США. Согласно американским предложениям ЮНЕСКО должна была провести четыре фундаментальные реформы, а именно: 1) создать механизмы по улучшению консенсусных процедур в процессе принятия решений с учетом интересов всех

⁷⁶ Обзор политики США по отношению к ЮНЕСКО был опубликован только 27 февраля 1984 г., т.е. через два месяца после принятия решения о начале процедуры выхода из Организации.

⁷⁷ Как было указано ранее, два меморандума Совета национальной безопасности призывали Госдепартамент приложить все возможные усилия для реформирования ЮНЕСКО в течение 1984 г., однако ВЮА и Постоянная миссия США при Организации слабо откликнулись на эти рекомендации.

⁷⁸ U.S. Withdrawal from UNESCO: Report of a Staff Study Mission... P. 62.

региональных групп⁷⁹; 2) обеспечить фокус программ на уставных целях Организации и исключить спорные программы (например, касающиеся проблем NWICO и разоружения); 3) усилить межправительственные органы принятия решений в рамках Организации (Генеральную конференцию и Исполнительный совет) в противовес Секретариату; 4) улучшить практики в области управления и формирования бюджета⁸⁰. Осенью того же года Г. Ньюэлл потребовал назначить американцев на ключевые посты в руководящих структурах ЮНЕСКО⁸¹. В такие короткие сроки руководство Организации едва ли могло выполнить американские требования.

По запросу Г. Ньюэлла в марте 1984 г. была создана специальная обзорная комиссия по мониторингу выполнения ЮНЕСКО американских требований, в которую по поручению советника по национальной безопасности должны были войти представители академического сообщества, деловых кругов и прессы. В мае того же года по предложению Гендиректора в рамках ЮНЕСКО был запущен процесс реформ⁸², однако это не смягчило позицию США. Помощник госсекретаря счел принятые ЮНЕСКО меры половинчатыми,

⁷⁹ В этом контексте речь шла прежде всего о внедрении системы взвешенного голосования по программно-бюджетным вопросам в ЮНЕСКО. Система взвешенного голосования предполагала, что: а) бюджет ЮНЕСКО должны одобрить государства, вкладывающие в основной бюджет Организации более 51% всех взносов; б) достаточно 85% голосов для принятия решения, если Исполнительный совет не может достичь консенсуса относительно рекомендаций по программе и бюджету Организации.

⁸⁰ В пакет бюджетно-административных реформ входили обеспечение номинального нулевого роста бюджета, совершенствование кадровой политики и механизмов внутренней оценки деятельности, децентрализация программной деятельности от штаб-квартиры к региональным подразделениям, а также приоритизация программ. Более подробно об американских предложениях: *Assessment of U.S.-UNESCO Relations, 1984: Report of a Staff Study Mission to UNESCO-Paris to the Committee on Foreign Affairs House of Representatives...* P. 48-55.

⁸¹ *Current Policy No. 634: Perspectives on the U.S. Withdrawal from UNESCO*, October 31, 1984... P. 2.

⁸² Фактически руководство Организации пошло на серьезные уступки Соединенным Штатам. Во-первых, Гендиректор делегировал право назначать сотрудников на вакантные позиции, в том числе высокие, своим ближайшим подчиненным из числа американских граждан. Во-вторых, для выявления дублирующих программ и установления приоритетов в рамках программных секторов для их дальнейшего обсуждения в следующем бюджетном цикле было создано пять рабочих групп. В-третьих, был инициирован пересмотр бюджетной политики и началась подготовка соответствующих рекомендаций по кадровой политике и политике в области

а в отчете обзорной комиссии для Госсекретаря от 27 ноября 1984 г. были сформулированы неутешительные выводы⁸³. Однако они не отразили в полной мере реального положения дел в Организации, что было обусловлено, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, ее члены были по большей части изолированы от внешней экспертизы, например от наиболее компетентного в вопросах ЮНЕСКО органа — НК, которая, как было отмечено, неоднократно приводила веские аргументы против решения администрации. Во-вторых, состав наблюдательной группы был подобран Г. Ньюэллом таким образом, чтобы исключить мнения, альтернативные официальной позиции Госдепартамента по вопросу ЮНЕСКО⁸⁴.

Следом за упомянутым отчетом обзорной комиссии, содержащим критику процесса реформ в рамках ЮНЕСКО, Счетная палата Конгресса США 30 ноября 1984 г. выпустила обзор фискальной и управленческой деятельности Организации⁸⁵, где были зафиксированы те же проблемы, что и в уведомлении о выходе. В частности, в этом документе было указано на отсутствие системы сдержек и противовесов в рамках руководящей триады⁸⁶ ЮНЕСКО⁸⁷. Однако аудиторы дали положительную оценку процессу реформ, запущенному в Организации. Они также не стали призывать к выходу из ЮНЕСКО.

* * *

Результаты многоуровневого анализа факторов, обусловивших разрыв отношений США и ЮНЕСКО в 1984 г., приведены в таблице.

управления. В-четвертых, Исполнительный совет учредил временный комитет в составе 12 членов для изучения американских предложений по реформе ЮНЕСКО.

⁸³ Report of the Monitoring Panel on UNESCO. Washington, D.C.: U.S. Department of State, 1984.

⁸⁴ По замечанию Э. Гиффарда, главу обзорной комиссии Дж. Хольдермана и 14 ее участников было нетрудно заподозрить в предвзятости, поскольку все они так или иначе были связаны с правительством [Giffard, 1989: 251].

⁸⁵ 29 февраля 1984 г. Комитеты Палаты представителей по международным делам и науке и технологиям запросили у Счетной палаты обзор практик ЮНЕСКО в области кадровой, бюджетно-финансовой и административной политики.

⁸⁶ Речь идет о трех руководящих органах ЮНЕСКО — Генеральной конференции, Исполнительном совете и Секретариате.

⁸⁷ Improvements Needed in UNESCO's Management, Personnel, Financial and Budgetary Practices: Report to the Committee on Foreign Affairs and Committee on Science and Technology of the House of Representatives // U.S. Government Accounting Office. Washington, D.C., November 30, 1984.

Причины выхода США из ЮНЕСКО в 1984 г.: многоуровневый анализ

Уровень индивида	Уровень государства	Уровень системы государств
<p>Проекция Р. Рейганом и членами его команды личных (как правило, негативных) взглядов и предубеждений на ООН в целом и ЮНЕСКО в частности</p> <p>Подверженность Р. Рейгана влиянию консервативно настроенного Фонда «Наследие»</p> <p>Нежелание президента разбираться в мельчайших подробностях, связанных с ЮНЕСКО, и его склонность делегировать решение этого вопроса нижестоящим инстанциям</p> <p>Личная заинтересованность Г. Ньюэлла в реализации жесткой внешнеполитической акции из карьерных соображений</p> <p>Относительная свобода рук помощника госсекретаря</p>	<p>Крен республиканской администрации в сторону политики унилатерализма, т.е. жестких односторонних политических акций, призванных показать миру, что США способны занимать лидирующие позиции на международной арене (преодоление «вьетнамского синдрома»)</p> <p>Отсутствие у гражданского общества, НК и законодателей эффективных рычагов влияния на исполнительную власть в лице Госдепартамента и особенно ВЮА по вопросу об участии США в деятельности международных организаций</p> <p>Преобладание политико-идеологических установок во внешнеполитическом ведомстве при формулировании приоритетов в отношении ЮНЕСКО</p> <p>Ослабление демократической оппозиции в Конгрессе на фоне отсутствия у них четкой политической программы и экономических успехов республиканцев (демократы, как правило, поддерживали жесткие внешнеполитические шаги правительства, поскольку опасались непопулярных законодательных инициатив)</p>	<p>Противоречие между претензиями американского государства на сохранение «морального лидерства» Запада и системной необходимостью признания возросшего влияния развивающихся стран на процесс принятия решений в рамках ЮНЕСКО</p> <p>Общее ухудшение климата в международных отношениях на фоне нового витка конфронтации между США и СССР (ЮНЕСКО стала ареной столкновения идеологических нарративов двух сверхдержав)</p>

Уровень индивида	Уровень государства	Уровень системы государств
<p>в рассматриваемом вопросе при поддержке со стороны некоторых высшестоящих консервативно настроенных политиков</p>	<p>Бесперспективность с процедурной точки зрения любого законопроекта, который мог быть принят Палатой представителей в поддержку ЮНЕСКО, в связи с возможностью его блокировки республиканским большинством в Сенате Искажение образа ЮНЕСКО в глазах общественности и ЛПР под воздействием влиятельных СМИ и правоконсервативных организаций (Фонда «Наследие», АДЛ и др.) Озабоченность администрации вопросами повышения экономической и финансовой эффективности федерального правительства и экстраполяция принципов «рейтаномики» на отношения США и ЮНЕСКО</p>	

Источник: составлено автором.

Итак, решение о выходе из ЮНЕСКО было сознательно принято 40-м президентом США и его ставленниками в Госдепартаменте, несмотря на многочисленные факты, указывавшие на пользу Организации для обеспечения американских национальных интересов. Данное решение представляло собой субъективную реакцию на меняющуюся расстановку сил в этой международной структуре, которая якобы подрывала позиции США. Расценивая выход из Организации как личную ошибку Р. Рейгана, бывший первый заместитель Гендиректора ЮНЕСКО Дж. Фобс, лично знакомый с президентом, отмечал, что американский лидер никогда не отказывался от однажды принятого им решения, даже если сам в дальнейшем осознавал свою неправоту⁸⁸. Впрочем, у Р. Рейгана и его ближайшего окружения и не могло возникнуть сомнений в правильности их действий: специальная Комиссия по наблюдению за процессом реформ в ЮНЕСКО во главе с консервативным Э. Фойльнером в период с 1985 по 1988 г. подготовила несколько отчетов на имя госсекретаря, в которых констатировалось, что руководству Организации «не удалось предпринять ни одного серьезного шага, который мог бы послужить основой для пересмотра Соединенными Штатами своего решения»⁸⁹.

Непоследовательность американской критики и завышенные ожидания по отношению к ЮНЕСКО косвенно указывают на то, что позиция США была продиктована скорее идеологическими, нежели рациональными соображениями. Консервативная волна, охватившая республиканскую администрацию, в том числе и Госдепартамент, не была повсеместной. Многочисленные государственные ведомства и НПО, тесно связанные с ЮНЕСКО и получавшие конкретные дивиденды от ее деятельности, не были заинтересованы в выходе США из Организации и активно заявляли о своей позиции как в государственных отчетах и во время слушаний в Конгрессе, так и в публичных выступлениях и пресс-релизах. В администрации Р. Рейгана хорошо слышали альтернативные голоса по этому вопросу, однако намеренно игнорировали их. В этой связи не лишено оснований предположение, что решение о прекращении членства

⁸⁸ Цит. по: Канаев Н.М. Дорогами ЮНЕСКО: воспоминания дипломата. М.: Международные отношения, 2006. С. 276.

⁸⁹ Feulner E. Searching for reforms at UNESCO // The Heritage Foundation. 01.06.1989. Available at: <https://www.heritage.org/global-politics/report/searching-reforms-unesco> (accessed: 15.11.2024).

в ЮНЕСКО было принято в кулуарах в конце 1983 — начале 1984 г., т.е. до проведения формальных процедур, якобы призванных показать руководству ЮНЕСКО, что американское решение поставлено в зависимость от эффективности реформ в самой Организации.

Примечательна во всей этой ситуации и позиция Конгресса, который по разным причинам не смог оказать значительное сопротивление решению администрации. С уверенностью можно констатировать, что в законодательном органе не было единства относительно выхода США из ЮНЕСКО, о чем свидетельствовали проведенные в нем слушания. Да и единственная законодательная инициатива в поддержку участия США в Организации парадоксальным образом поступила от республиканца Дж. Лича, но и она не вышла за пределы Комитета по иностранным делам Палаты представителей. Возможно, нерешительность Конгресса была связана с расстановкой партийных сил в стране по итогам выборов 1984 г. Не имея убедительной международной программы, демократы в 1980-е годы, как правило, одобряли жесткие внешнеполитические шаги республиканцев, даже если были не во всем согласны с последними. Открыто выступить против выхода из ЮНЕСКО означало бы поддержать Организацию, которая в массовом сознании ассоциировалась с антиамериканскими ценностями (ограничение свободы слова, подавление гражданских прав и свобод, поощрение коррупции и nepотизма и т.п.), а следовательно, подорвать свою репутацию среди избирателей.

При имевшихся возможностях законодатели внесли существенный вклад в публичное освещение ряда подробностей, связанных с принятием и реализацией решения о выходе, а также способствовали прояснению общественного мнения по данной проблеме. Однако в распоряжении исполнительной власти было больше рычагов для продвижения выгодного ей решения, чем она и воспользовалась.

Не отрицая того, что выход США из ЮНЕСКО мог быть всего лишь продуктом некомпетентных решений на разных ступенях государственного аппарата, было бы ошибочно не признавать, что к концу 1970-х — началу 1980-х годов ЮНЕСКО превратилась в поле межблокового (по линии «капиталистические — социалистические страны») и межгосударственного (по линии «Север — Юг») соперничества. В ЮНЕСКО сосредоточились проблемы, которые администрация США стремилась преодолеть как внутри страны, так и на международной арене. К 1984 г. в отношениях США и Ор-

ганизации накопилась критическая масса противоречий, которая получила выход в годы нахождения у власти сторонников силовых и бескомпромиссных решений, желавших доказать собственному населению, что США — это не «бумажный тигр», а влиятельное государство, которое после череды неудач 1960–1970-х годов способно вновь занять лидирующие позиции в экономике и политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсанова Т.Е. Роль ЮНЕСКО на Ближнем Востоке в современных политических условиях: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2021.
2. Барышев А.П. Стратегия США в отношении ООН как организации по поддержанию международного мира и безопасности, 1945–1974: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1974.
3. Белекова А.Т. Проблемы и перспективы деятельности ЮНЕСКО в контексте современных международных отношений: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2008.
4. Борисова А.Р., Войтоловский Ф.Г., Журавлёва В.Ю. Подходы России и США к проблемам глобального управления и реформирования ООН // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1 (50). С. 7–23.
5. Галстян А. Фактор евангелистского лобби в американо-израильских отношениях // Российский совет по международным делам. 26.06.2018. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/united-states/faktor-evangelistskogo-lobbi-v-amerikano-izrailskikh-otnosheniyakh/> (дата обращения: 15.11.2024).
6. Гарбузов В.Н. Президент Рональд Рейган и система кабинетного правления // Метаморфозы истории. 1997. № 1. С. 222–245.
7. Дмитричев Т.Ф. Парламентская дипломатия США в ООН, 1955–1972 гг.: тактика, средства, методы и механизм осуществления политики американского империализма: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972.
8. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1945–2000 гг. / Под ред. Е.Ф. Язькова. М.: Простор, 2003.
9. Пеева К.Н. ЮНЕСКО и политико-правовые аспекты международного культурного сотрудничества: Дисс. ... канд. юр. наук. М., 1967.
10. Пермякова Л.Г. Россия и ЮНЕСКО: основные направления сотрудничества в современных условиях: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2012.
11. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012.
12. Пузень В. Международно-правовые вопросы организации, компетенции, значения и деятельности ЮНЕСКО на современном этапе: Дисс. ... канд. юр. наук. М., 1983.

13. Сарви́ро Ю.А. Внутреннее право международных организаций: на примере ЮНЕСКО: Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2009.

14. Соколов В.А. США и ЮНЕСКО // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 9 (453). С. 106–115.

15. Чернявский Г.И., Дубова Л.Л. Рейган. М.: Молодая гвардия, 2018.

16. Шарова А.Я. США и ООН: концепции и реальности (40–80-е годы). М.: Наука, 1991.

17. Щипкова Е.А. Политика США в отношении специализированных финансовых институтов ООН: 2001–2009 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2014.

18. Юрченко М.М. Политика США в отношении реформирования ООН: 2001–2008 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010.

19. Allison G.T., Zelikow P. *Essence of decision: Explaining the Cuban missile crisis*. New York: Addison-Wesley Educational Publishers Inc., 1999.

20. Borzyskowski von I., Vabulas F. Hello, goodbye: When do states withdraw from international organizations? // *The Review of International Organizations*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 335–366. DOI: 10.1007/s11558-019-09352-2.

21. Coate R.A. *Unilateralism, ideology, & US foreign policy: The United States in and out of UNESCO*. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1988.

22. Giffard C.A. *UNESCO and the media*. London: Longman, 1989.

23. Imber M.F. *The USA, ILO, UNESCO and IAEA: Politicization and withdrawal in the specialized agencies*. New York: St. Martin's Press, 1989.

24. Jervis R. *Perception and misperception in international politics*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 1976.

25. Kfir I.I. *The impact of the new right on the Reagan administration: Kirkpatrick & UNESCO as a test case*. PhD Thesis. London, 1998.

26. Kindleberger Ch.P. *Systems of international economic organization // Money and the coming world order / Ed. by D.P. Calleo*. New York: New York University Press, 1976. P. 15–40.

27. Kittel G., Rittberger V., Schimmelfennig F. *Between loyalty and exit: Explaining the foreign policy of industrialized countries in the UNESCO crisis (1978–1987) // Tübinger Arbeitspapiere zur Internationalen Politik und Friedensforschung*. 1995. No. 24. P. 1–25. Available at: <https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/47195> (accessed: 15.11.2024).

28. Moore J.A., Pubantz J. *To create a new world: American presidents and the United Nations*. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 1999.

29. Preston W., Herman E.D., Schiller H.I. *Hope & folly: The US and UNESCO, 1945–1985*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989.

30. Reif F. *Die Beziehungen zwischen der UNESCO und den Vereinigten Staaten von Amerika mit besonderer Beachtung der multilateralen Bildungsfi-*

nanzierung: Was waren die Gründe für und die Konsequenzen des Austritts? // UNESCO-Lehrstuhl für Internationale Beziehungen. 2013. No. 6. S. 1–18. Available at: <https://tud.qucosa.de/api/qucosa%3A27343/attachment/ATT-1/> (accessed: 15.11.2024).

31. Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // *World Politics*. 1998. Vol. 51. No. 1. P. 144–172. DOI: 10.1017/S0043887100007814.

32. Simon H.A. Human nature in politics: The dialogue of psychology with political science // *The American Political Science Review*. 1985. Vol. 79. No. 2. P. 293–304.

33. *The United States and multilateral institutions: Patterns of changing instrumentality and influence* / Ed. by M.P. Karns, K.A. Mingst. Boston: Unwin Hyman, 1990.

34. Waldstein F.A. *Cabinet government: The Reagan management model* // *The Reagan years: The record in presidential leadership* / Ed. by J. Hogan. Manchester: Manchester University Press, 1990. P. 54–75.

35. Waltz K.N. *Man, the state, and war: A theoretical analysis*. New York: Columbia University Press, 1959.

36. Waltz K.N. *Theory of international politics*. Reading: Addison-Wesley, 1979.

REFERENCES

1. Arsanova T.E. 2021. *Rol' YuNESKO na Blizhnem Vostoke v sovremennykh politicheskikh usloviyakh* [UNESCO's role in the Middle East in modern political conditions]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

2. Baryshev A.P. 1974. *Strategiya SShA v otnoshenii OON kak organizatsii po podderzhaniyu mezhdunarodnogo mira i bezopasnosti, 1945–1974* [The US strategy towards the United Nations as an organization ensuring international peace and security, 1945–1974]. Doctor of Science Thesis. Moscow. (In Russ.)

3. Belekova A.T. 2008. *Problemy i perspektivy deyatelnosti YuNESKO v kontekste sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [Problems and prospects of UNESCO's activities in the context of modern international relations]. Abstract of PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

4. Borisova A.R., Voitlovskii F.G., Zhuravleva V.Yu. 2016. Podkhody Rossii i SShA k problemam global'nogo upravleniya i reformirovaniya OON [Approaches of Russia and the United States to the problems of global governance and UN reform]. *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 1 (50), pp. 7–23. (In Russ.)

5. Galstyan A. 2018. *Faktor evangelistskogo lobbi v amerikano-izrail'skikh otnosheniyakh* [The factor of evangelical lobby in American-Israeli relations]. Russian International Affairs Council. Available at: <https://russiancouncil.ru/>

analytics-and-comments/columns/united-states/faktor-evangelistskogo-lobbi-v-amerikano-izrailskikh-otnosheniyakh/ (accessed: 15.11.2024). (In Russ.)

6. Garbuzov V.N. 1997. *Prezident Ronal'd Reigan i sistema kabinetnogo pravleniya* [President Ronald Reagan and the system of cabinet government]. *Metamorfozy istorii*, no. 1, pp. 222–245. (In Russ.)

7. Dmitrichev T.F. 1972. *Parlamentskaya diplomatiya SShA v OON, 1955–1972 gg.: taktika, sredstva, metody i mekhanizm osushchestvleniya politiki amerikanskogo imperializma* [U.S. parliamentary diplomacy in the United Nations, 1955–1972: Tactics, tools, methods and the implementation mechanism of American imperialistic policy]. Abstract of PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

8. Yaz'kov E.F. (ed.). 2003. *Istoriya noveishego vremeni stran Evropy i Ameriki: 1945–2000 gg.* [Contemporary history of European and American countries, 1945–2000]. Moscow, Prostor Publ. (In Russ.)

9. Peeva K.N. 1967. *YuNESKO i politiko-pravovye aspekty mezhdunarodnogo kul'turnogo sotrudnichestva* [UNESCO and political and legal aspects of international cultural cooperation]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

10. Permyakova L.G. 2012. *Rossiya i YuNESKO: osnovnye napravleniya sotrudnichestva v sovremennykh usloviyakh* [Russia and UNESCO: The main areas of cooperation in modern conditions]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

11. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of the U.S. foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

12. Puzon' V. 1983. *Mezhdunarodno-pravovye voprosy organizatsii, kompetentsii, znacheniya i deyatel'nosti YuNESKO na sovremennom etape* [International and legal issues of the organization, competence, significance and activities of UNESCO at the present stage]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

13. Sarviro Yu.A. 2009. *Vnutrennee pravo mezhdunarodnykh organizatsii: na primere YuNESKO* [The internal law of international organizations: The case of UNESCO]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

14. Sokolov V.A. 2007. *SShA i YuNESKO* [The USA and UNESCO]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 9 (453), pp. 106–115. (In Russ.)

15. Chernyavskii G.I., Dubova L.L. 2018. *Reigan* [Reagan]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (In Russ.)

16. Sharova A.Ya. 1991. *SShA i OON: kontseptsii i real'nosti (40–80-e gody)* [The USA and the UN: Concepts and realities (1940–1980's)]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

17. Shchipkova E.A. 2014. *Politika SShA v otnoshenii spetsializirovannykh finansovykh institutov OON: 2001–2009 gg.* [The U.S. policy towards specialized financial institutions of the United Nations, 2001–2009]. PhD Thesis. Tomsk. (In Russ.)

18. Yurchenko M.M. 2010. *Politika SShA v otnoshenii reformirovaniya OON: 2001–2008 gg.* [The U.S. policy on UN Reform, 2001–2008]. Abstract of PhD Thesis. Tyumen'. (In Russ.)

19. Allison G.T., Zelikow P. 1999. *Essence of decision: Explaining the Cuban missile crisis*. New York, Addison-Wesley Educational Publishers Inc.

20. Borzyskowski von I., Vabulas F. 2019. Hello, goodbye: When do states withdraw from international organizations? *The Review of International Organizations*, vol. 14, no. 2, pp. 335–366. DOI: 10.1007/s11558-019-09352-2.

21. Coate R.A. 1988. *Unilateralism, ideology, & US foreign policy: The United States in and out of UNESCO*. Boulder, London, Lynne Rienner Publishers.

22. Giffard C.A. 1989. *UNESCO and the media*. London, Longman.

23. Imber M.F. 1989. *The USA, ILO, UNESCO and IAEA: Politicization and withdrawal in the specialized agencies*. New York, St. Martin's Press.

24. Jervis R. 1976. *Perception and misperception in international politics*. Princeton, Oxford, Princeton University Press.

25. Kfir I.I. 1998. *The impact of the new right on the Reagan administration: Kirkpatrick & UNESCO as a test case*. PhD Thesis. London.

26. Kindleberger Ch.P. 1976. Systems of international economic organization. In: Calleo D.P. (ed.). *Money and the coming world order*. New York, New York University Press, pp. 15–40.

27. Kittel G., Rittberger V., Schimmelfennig F. 1995. Between loyalty and exit: Explaining the foreign policy of industrialized countries in the UNESCO crisis (1978–1987). *Tübinger Arbeitspapiere zur Internationalen Politik und Friedensforschung*, no. 24, pp. 1–25. Available at: <https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/47195> (accessed: 15.11.2024).

28. Moore J.A., Pubantz J. 1999. *To create a new world: American presidents and the United Nations*. New York, Peter Lang Publishing, Inc.

29. Preston W., Herman E.D., Schiller H.I. 1989. *Hope & folly: The US and UNESCO, 1945–1985*. Minneapolis, University of Minnesota Press.

30. Reif F. 2013. Die Beziehungen zwischen der UNESCO und den Vereinigten Staaten von Amerika mit besonderer Beachtung der multilateralen Bildungsfiananzierung: Was waren die Gründe für und die Konsequenzen des Austritts? *UNESCO-Lehrstuhl für Internationale Beziehungen*, no. 6, pp. 1–18. Available at: <https://tud.qucosa.de/api/qucosa%3A27343/attachment/ATT-1/> (accessed: 15.11.2024).

31. Rose G. 1998. Neoclassical realism and theories of foreign policy. *World Politics*, vol. 51, no. 1, pp. 144–172. DOI: 10.1017/S0043887100007814.

32. Simon H.A. 1985. Human nature in politics: The dialogue of psychology with political science. *The American Political Science Review*, vol. 79, no. 2, pp. 293–304.

33. Karns M.P., Mingst K.A. (eds.). 1990. *The United States and multilateral institutions: Patterns of changing instrumentality and influence*. Boston, Unwin Hyman.

34. Waldstein F.A. 1990. Cabinet government: The Reagan management model. In: Hogan J. (ed.). *The Reagan years: The record in presidential leadership*. Manchester, Manchester University Press, pp. 54–75.

35. Waltz K.N. 1959. *Man, the state, and war: A theoretical analysis*. New York, Columbia University Press.

36. Waltz K.N. 1979. *Theory of international politics*. Reading, Addison-Wesley.

Статья поступила в редакцию 03.08.2024;
одобрена после рецензирования 22.09.2024;
принята к публикации 10.12.2024

The paper was submitted 03.08.2024;
approved after reviewing 22.09.2024;
accepted for publication 10.12.2024

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250

Научная статья / Research paper

А.А. Павлюченко*

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В РОССИЙСКИХ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В последнее десятилетие цифровизация оказывает всё большее влияние на мировые политические процессы и становится устойчивым фактором международной жизни. Не стала исключением и дипломатическая практика, где всё большее распространение получает феномен цифровой дипломатии. В этом контексте особое значение приобретает задача совершенствования методов изучения данных процессов и явлений. В настоящей статье анализируются российские исследования цифровой дипломатии. Автор ставит перед собой цель выявить ключевые характерные для них методы, оценить их сильные и слабые стороны. В первом разделе статьи рассматриваются публикации, в которых применяется метод дискурс-анализа небольших по своему объёму международно-политических текстов или их фрагментов. Автор заключает, что такой дизайн позволяет успешно описать коммуникационные стратегии различных политических игроков, но подходит больше для исследований лингвистического профиля, так как не отвечает на волнующие политологов вопросы об эффективности инструментария цифровой дипломатии. Во втором разделе анализируются работы, опирающиеся на метод контент-анализа. Автор приходит к выводу, что, хотя данный метод позволяет обработать большой массив

* Павлюченко Александра Андреевна — старший преподаватель кафедры информационного обеспечения внешней политики, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: alexa.pavlyuchenko@gmail.com; ORCID: 0009-0009-8799-9817).

данных и снизить влияние субъективных факторов, он также не лишен недостатков, поскольку при его применении игнорируются визуальный компонент публикаций и более широкий контекст, в который те помещены. В третьем разделе в центре внимания находятся работы, в которых используется наиболее трудоемкий и требовательный к ресурсам и навыкам исследователя метод машинной обработки больших массивов данных (хештегов). Как отмечает автор, применение этого метода сопряжено с целым комплексом очень специфических трудностей методологического и чисто технического плана. В частности, речь идет о проблеме отсеивания ботов и иных способов манипуляции трафиком. В этом контексте автор приходит к выводу о целесообразности дальнейшего совершенствования методов изучения цифровой дипломатии за счет развития культуры аналитики данных и более активного использования наработок из иных дисциплин (филологии, социологии, культурологии и т.д.).

Ключевые слова: цифровая дипломатия, публичная дипломатия, дискурс-анализ, контент-анализ, анализ больших данных, цифровизация, социальные медиа, искусственный интеллект

Для цитирования: Павлюченко А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 225–250. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250.

Aleksanda A. Pavlyuchenko

**DIGITAL DIPLOMACY
IN RUSSIAN INTERNATIONAL STUDIES:
RESEARCH METHODS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

In the last decade, digitalization has had an increasing impact on the world political processes and is turning into an integral element of international life. Diplomatic practice, given the growing importance of the digital diplomacy, is no exception. In this context, the need for continuous improvement of the methods of studying these processes and phenomena is all the more pressing. This paper examines the key methods used in Russian studies on digital diplomacy, and identifies their strengths and weaknesses. The first section of the article covers publications built on the discourse analysis of small texts on international

policy or their excerpts. The author concludes that such an approach allows for a correct description of the communication strategies of various political players. However, it is more suitable for linguistic research, since it does not address the issues crucial for political scientists, namely those concerning the evaluation of the effectiveness of digital diplomacy tools. The second section considers the research works based on the content analysis. The author argues that although this method provides an opportunity to process a larger amount of data and to reduce the impact of subjective factors, it has its limitations, particularly, inability to take into account the visual component of publications and to place them within a wider information context. The third section focuses on the scholarly papers drawing on the most time-consuming and demanding method of Big Data (hashtags) processing. The author stresses that its application is fraught with a whole range of quite specific methodological and purely technical problems, in particular, screening out bots and other ways of traffic manipulation. Against this backdrop, the author advocates further improvement in the methods of studying digital diplomacy by fostering a culture of data analytics and making a more active use of developments from other disciplines (philology, sociology, cultural studies, etc.).

Keywords: digital diplomacy, public diplomacy, discourse analysis, content analysis, big data analysis, digitalization, social media, artificial intelligence

About the author: Aleksanda A. Pavlyuchenko — Senior Lecturer at the Chair of Information Support for Foreign Policy, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alexa.pavlyuchenko@gmail.com; ORCID: 0009-0009-8799-9817).

For citation: Pavlyuchenko A.A. 2024. Digital diplomacy in Russian international studies: Research methods. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 225–250. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250. (In Russ.)

Цифровая дипломатия (ЦД) — одно из самых быстро развивающихся направлений международных отношений. Несмотря на то что первые работы, посвященные ЦД, появились на рубеже XX–XXI вв. [Dizard, 2001], широкий интерес к ее изучению в академическом и экспертном сообществе можно фиксировать с 2011 г., когда она стала фигурировать в официальных документах Государственного департамента США¹. При этом ввиду цифровизации всех сфер ди-

¹ IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 — Digital Diplomacy // U.S. Department of State (archive). 01.09.2010. Available at: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/rls/148572.htm> (accessed: 25.12.2024).

пломатической деятельности, начиная с переговоров и заканчивая повседневными задачами дипломатов, вопрос об измерении эффективности ЦД и методологии ее изучения становится всё более актуальным.

Для определения ЦД существуют два основных подхода — широкий и узкий [Павлюченко, 2024]. Первый основан на стремлении охватить максимально широкий спектр вопросов ЦД (эволюция соответствующих институтов, стратегии внедрения цифровых технологий в дипломатическую практику и т.п.), в то время как в рамках второго исследователи сконцентрированы на проблемах использования цифровых технологий для влияния на общественное мнение за рубежом или в целях публичной дипломатии [Зиновьева, 2013]. Два главных элемента данного подхода — это изучение каналов коммуникации и оценка работы с общественным мнением. Таким образом, в этом определении в центр внимания исследователей поставлены вопросы использования социальных сетей, например Твиттера, и веб-сайтов [Павлюченко, 2024]. В рамках данной статьи мы будем опираться именно на это, узкое определение ЦД.

Законодателями мод в области изучения ЦД можно назвать исследователей Оксфордского университета И. Мэнор, К. Бьюла и М. Холмс [Manor, 2019; Bjola, Holmes, 2015]. За их авторством вышли наиболее цитируемые монографии в данной области. Кроме того, можно отметить работы ученых из Клингендальского института международных отношений — Б. Хокинга и Я. Мелиссона [Hocking, Melissen, 2015]. В экспертном сообществе большим авторитетом пользуются публикации DiploFoundation [Jacobson et al., 2018]. Именно на работы указанных авторов и экспертных центров чаще всего ссылаются в зарубежных и российских исследованиях. Следует отметить, что отечественные исследователи цитируются в российском академическом сообществе значительно реже иностранных коллег. На наш взгляд, это препятствует формированию российской школы изучения ЦД, для которой был бы характерен свой набор методов и теоретических подходов.

В российских международно-политических исследованиях ЦД рассматривается прежде всего как составляющая публичной дипломатии. В данном контексте следует выделить публикации О.В. Лебедевой и И.В. Сурмы [Лебедева, 2019; Сурма, 2014, 2020], а также работы, посвященные ЦД отдельных стран: США [Цветкова, 2020b; Цветкова и др., 2022] (в том числе изучение истории

внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в Государственном департаменте США [Теленьга, 2020; Гришанина, 2021b; Павлюченко, 2023]), России [Марчуков, 2014; Tsvetkova, 2020] и Швеции [Марчуков, 2021]. Особую актуальность в условиях усилившегося геополитического соперничества приобретает работа Е.А. Шур, в фокусе которой оказалась ЦД США в Индии [Шур, 2021]. Вопрос о влиянии ИКТ на публичную дипломатию поднимают также Т.В. Зонова [Зонова, 2015] и П.А. Шариков [Шариков, 2023].

Кроме того, ЦД стала объектом изучения в контексте национальной безопасности. Можно отметить, что вопрос влияния ЦД на государственный суверенитет был поднят в отечественной литературе в 2012 г. Д.Н. Барышниковым и А.Ю. Туленковым [Барышников, Туленков, 2012]. Позже к данной проблематике обратилась и Е.С. Зиновьева [Зиновьева, 2013].

Следует обратить внимание и на работы, посвященные проблеме влияния цифровизации на переговорный процесс. Вопросы медиации в цифровую эпоху рассмотрели в ряде статей Ю.А. Никитина и К.К. Таран [Никитина, Таран, 2021], а М.М. Лебедева и Е.С. Зиновьева отметили, что первые шаги в изучении международных переговоров с помощью компьютерного моделирования были приняты в МГИМО² еще в 1981 г. В.Б. Луковым и В.М. Сергеевым [Лебедева, Зиновьева, 2023].

В последние годы особенно актуальным стал вопрос датафикации и внедрения искусственного интеллекта в дипломатическую деятельность. В данном контексте стоит отметить работы уже упоминавшихся исследователей: Т.А. Гришаниной [Гришанина, 2021a], А.Н. Сытник, Н.А. Цветковой и И.А. Цветкова [Сытник и др., 2022], Кузнецова [Кузнецов, 2020], а также недавний доклад, опубликованный сотрудниками МГИМО [«Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии..., 2024].

Наименее изученным остается «человеческое измерение» ЦД, однако и оно рассматривается в некоторых работах. Так, Л.Е. Бушканец и Л.Б. Шигин в своей публикации отразили опыт подготовки специалистов по программе «Цифровая дипломатия» на базе Института международных отношений Казанского федерального университета [Бушканец, Шигин, 2021], а К.Л. Зуйкина провела социологическое

²Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. — *Прим. ред.*

исследование российской молодежи, изучая вопрос о потенциале ЦД как инструмента оказания влияния на нее [Зуйкина, 2014].

Несмотря на то что первые научные публикации, посвященные ЦД, появились еще в 2012 г., основная масса работ на данную тему до сих пор носит обзорный характер: авторы описывают эволюцию и институты ЦД, стратегические документы, регламентирующие ее функционирование, однако непосредственный анализ материалов, размещаемых в открытом доступе посольствами и внешнеполитическими ведомствами, или реакции на них аудитории по-прежнему содержится в небольшом количестве исследований.

Отчасти это объясняется необходимостью привлечения специфического программного обеспечения, для работы с которым требуется специальное обучение. С учетом больших объемов данных, которые ЦД предоставляет для анализа, вопрос о методах ее изучения становится тем более актуальным.

Данному вопросу посвящена статья Н.А. Цветковой «Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения». В ней выделены такие методы, как «анализ хештега (hashtag tracking), сетевой анализ (network analysis), sentiment-анализ (sentiment analysis), а также анализ мнений и взглядов (opinion mining)» [Цветкова, 2020а: 37]. Дальнейшее развитие данной идеи можно найти в диссертации А.Н. Сытник «Цифровизация и “большие данные” в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты» [Сытник, 2021]. Она выделила три группы автоматизированных методов анализа больших массивов текстов в социальных сетях. «В первую группу входят классификация, кластеризация и тематическое моделирование. Вторая группа состоит из sentiment-анализа (то есть анализа настроений) и извлечения мнений. Третья группа — это извлечение объектов и фактов» [Сытник, 2021: 152]. Важно отметить, что автор пишет именно о работе с большими данными. Однако основная часть исследований ЦД основана на более простых в реализации методах.

Например, З. Шахуд в своей диссертации «Роль информационных технологий во внешней политике Российской Федерации в арабском мире» опирался на количественные методы анализа динамики публикаций, чтобы отследить активность российских посольств на Ближнем Востоке [Шахуд, 2020].

В свою очередь Н.В. Новиков в диссертации «Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии» продемонстрировал кардинально

другой подход, используя лингвистические методы для анализа малых данных. Автор выделил несколько основных коммуникативных стратегий ЦД: информационные стратегии, оценочные стратегии, стратегии позитивной репрезентации и аргументативные стратегии [Новиков, 2017].

Следует отметить, что проблематика ЦД находится на стыке нескольких научных дисциплин: с одной стороны, ее исследуют политологи, а с другой — филологи (это нашло отражение, в частности, в том обстоятельстве, что первая диссертация в России, посвященная ЦД, была защищена именно по научной специальности «Филология»). Как следствие, в публикациях по теме ЦД могут применяться методы из разных научных дисциплин. Однако работы филологов часто остаются вне поля зрения политологов и наоборот [Новиков, 2017].

В этом контексте в рамках данной статьи автор ставит перед собой две взаимосвязанные задачи: во-первых, выявить ключевые методы, используемые российскими исследователями ЦД; во-вторых, оценить их преимущества, недостатки и специфику применения.

Для решения этих задач автором были проанализированы публикации, посвященные проблематике ЦД и размещенные на платформе eLibrary. Исследование реализовывалось в несколько этапов. На первом этапе были отобраны все публикации по данной тематике за 2011–2023 гг. В качестве критерия отбора использовалось ключевое слово «цифровая дипломатия» с учетом морфологии, в общей сложности была проанализирована 631 работа. Далее из выборки были исключены тезисы конференций объемом до 5 страниц и статьи, находящиеся в закрытом доступе, а также студенческие работы. Затем публикации рассматривались по годам. Из выборки исключались работы без четкого описания методов исследования, а также «обзорные» статьи, в которых не был изучен эмпирический материал (публикации в социальных сетях, на сайтах и т.п.).

Оставшиеся статьи были разделены на три группы в зависимости от того, какие методы использовались при их написании. В первую группу вошли исследования, базирующиеся на методе дискурс-анализа малых данных, во вторую — работы, построенные на тематическом контент-анализе средних данных, в третью — статьи, основанные на анализе хештега с применением больших данных. Рассмотрим эти три группы подробнее.

Дискурс-анализ в исследовании цифровой дипломатии

Интерес к изучению публикуемого дипломатами контента у представителей филологических наук появился чуть раньше, чем это произошло в политологии. С точки зрения лингвистики дипломатический дискурс представляет собой один из видов институционального дискурса, и его трансформация на фоне появления новых форматов коммуникации дипломатов особенно интересна для филологической науки. В рассматриваемый период первые российские публикации на эту тему были зафиксированы в 2019 г. Для них характерно применение дискурс-анализа небольших текстов. В среднем в них детально рассматриваются от 8 до 20 публикаций или их отрывков на предмет изучения коммуникативных стратегий внешнеполитических ведомств и отдельных дипломатов.

Одной из первых работ стала статья Е.Н. Горбачёвой «Цифровая дипломатия vs традиционная дипломатия с позиций дискурсивной перформативности (на материале англо- и русскоязычных дипломатических заявлений)» [Горбачёва, 2019]. В публикации ставилась цель изучить способы манифестации перформативности (реальности), характерные для дискурсов ЦД и традиционной дипломатии. В качестве эмпирического материала автор использовала два источника: дипломатические заявления, размещенные на сайтах внешнеполитических ведомств России и США, которые можно рассматривать как пример традиционного дипломатического дискурса, и публикации в Твиттер-аккаунтах³ соответствующих ведомств, президента США Д. Трампа и спикера МИД РФ М.В. Захаровой. Возможно, для «симметрии» исследования было бы резонно выбрать в качестве примера публикаций ЦД США аккаунт кадрового дипломата, а не Д. Трампа. Однако и он, и М.В. Захарова являются яркими представителями современной культуры ЦД, что делает выбор Е.Н. Горбачёвой вполне оправданным. В целом автор разграничивает цифровую и традиционную дипломатию, относя к первой только социальные сети. Таким образом, по ее мнению, цифровым дискурс делает не сам факт наличия его в оцифрованном виде, а реализация его на уникальных для цифровой среды платформах и в присущих только ей форматах.

³Здесь и далее. Доступ к Twitter (с 24 июля 2023 г. — «X») на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации.

Е.Н. Горбачёва в своей работе не очерчивает четко временные рамки исследования, но в общей сложности приводит в качестве примеров 16 фрагментов дипломатических заявлений, охватывающих период с 2016 по 2018 г., при этом каждый фрагмент выступает как иллюстрация той или иной речевой стратегии с присущими ей оценочными высказываниями, призывами к действию, эмоциональностью и прочими коммуникативными инструментами.

В результате сравнительного анализа традиционного и цифрового дискурса Е.Н. Горбачёва приходит к выводу, что оба схожи в том, «что в них фактуализируются одни и те же аспекты межгосударственных отношений (согласие, взаимопонимание, стремление к взаимопомощи, противоречия, недопонимание и т.п.)» [Горбачёва, 2019: 169]. Однако ЦД предоставляет дипломатам новые коммуникативные инструменты. Помимо традиционных «одобрения/неодобрения, согласия/несогласия, предостережения, призыва, критики и других речевых действий» дипломаты получили возможность использовать «орудия» информационной войны, такие как угроза, обвинение, оскорбление» [Горбачёва, 2019: 169]. При этом значимость дискурса ЦД, по мнению автора, ниже традиционной дипломатии с точки зрения манифестации перформативности (языкового осуществления поступка), так как адресант имеет возможность завуалировать свои интенции.

Тема коммуникативных стратегий американской ЦД поднимается и в работе П.Ю. Ганжелюк и С.С. Тахтаровой [Ганжелюк, Тахтарова, 2019]. Авторы поставили перед собой задачу выделить основные речевые стратегии в дискурсе ЦД США. С этой целью в статье был проведен дискурс-анализ 8 публикаций Твиттер-аккаунтов Д. Трампа, государственного секретаря США М. Помпео и Государственного департамента США. Основываясь на типологии речевых стратегий Г.П. Грайса и О.С. Иссерс, авторы выделили три основные стратегии, которые используются американскими дипломатами в социальной сети Твиттер: информативную, оценочную (посредством положительной репрезентации или диффамации) и аргументативную, что, по мнению авторов, является эффективным средством формирования позитивного имиджа и воздействия на значимую целевую аудиторию.

Данная тема получила развитие в исследовании И.Б. Кауфовой и Л.А. Кауфовой, но, в отличие от предыдущих работ, в центре вни-

мания авторов находились коммуникативные информационные стратегии Великобритании, а именно Твиттер-аккаунт министра иностранных дел Б. Джонсона [Кауфова И.Б., Кауфова Л.А., 2020: 178]. В общей сложности в статье было проанализировано 15 публикаций, охватывающих период с конца марта до середины июля 2020 г. По мнению авторов, они отражают три основные коммуникативные стратегии: 1) отбор определенной информации; 2) ее детальное развитие; 3) замалчивание некоторых фактов (стратегия умолчания).

В работе А. Мешаала риторика Б. Джонсона была сопоставлена с риторикой С.В. Лаврова на предмет использования смягчающих речевых тактик [Мешаал, 2022]. В качестве эмпирического материала автор исследовал официальные заявления Б. Джонсона и С. Лаврова, размещенные на сайтах внешнеполитических ведомств, что кардинально отличает его подход от всех упомянутых ранее авторов, которые относили подобные публикации к традиционной дипломатии. Всего было использовано 11 материалов, охватывающих период с 2018 по 2020 г.

Статья А. Мешаала подсвечивает одну из главных проблем, с которой сталкиваются как филологи, так и политологи при изучении ЦД: как именно отграничить ее от традиционной дипломатии. А. Мешаал в своей работе признаком ЦД считает размещение тех или иных заявлений в сети Интернет. Другие исследователи, в частности упоминавшаяся Е.Н. Горбачёва, относят к ЦД только публикации в социальных сетях. Как представляется, второй подход более корректен, поскольку точнее отражает специфику рассматриваемого явления.

В своей статье А. Мешаал не столько сравнивает высказывания обоих министров иностранных дел, сколько использует их для иллюстрации пяти так называемых смягчающих тактик: «неопределенная ссылка» (позволяет не называть прямо объект действия или само действие), «смягчение литот», «эвфемические замены», «смысловое ограничение» и «ограничение модуса». Автор приходит к заключению, что цифровизация незначительно повлияла на дипломатический дискурс. Тем самым А. Мешаал фактически лишь подтверждает вывод Е.Н. Горбачёвой, что размещенные на сайтах дипломатические заявления не являются на самом деле примером дискурса ЦД.

В целом статьи, в которых проблематика ЦД рассматривается через линзы дискурс-анализа, принадлежат главным образом фило-

логам. Такие исследователи сосредоточены в первую очередь на вопросах типологизации коммуникативных стратегий ЦД внешнеполитических ведомств и политиков, выявлении их особенностей. Эмпирическую базу при этом составляет небольшая по объему подборка публикаций или отрывков из них, охватывающих значительный временной отрезок.

Как представляется, данный дизайн исследования оптимально подходит для изучения дискурса ЦД и ориентируется на качественный анализ. Однако он не позволяет ответить на ряд вопросов, которые ставят перед собой представители политических наук. Например, с помощью данного метода невозможно оценить эффективность ЦД, кроме того, за рамками исследования остается большой объем публикаций.

Контент-анализ на средних данных в исследованиях цифровой дипломатии

В свою очередь для политологического сообщества более характерно использование контент-анализа. Вероятнее всего, причиной его популярности стала возможность проанализировать большие объемы данных и минимизировать влияние субъективных факторов при подборе публикаций. Более того, иногда вместе с контент-анализом авторы применяют различные метрики вовлеченности аудитории, что позволяет более комплексно оценивать эффективность ЦД посольств.

Серьезным толчком для исследования рассматриваемой темы стала пандемия COVID-19 ввиду масштабного внедрения ИКТ и перенесения дипломатической деятельности в онлайн-формат. В статье А.А. Павлюченко был проведен сравнительный анализ публикаций внешнеполитических ведомств, посольств и послов США и Германии в Великобритании в период пандемии [Павлюченко, 2020]. Для решения этой задачи были отобраны публикации, содержащие тематический хештег «COVID-19». В общей сложности в ходе исследования с применением тематического контент-анализа было проанализировано 3046 публикаций за период с января по июнь 2020 г., т.е. с момента выявления первых случаев заражения до снятия режима ковидных ограничений в Великобритании.

Далее был проведен тематический анализ и выделено пять групп публикаций: «информационные», «политические», «побудительные»,

«позитивные» и «гуманитарная помощь». Анализ публикаций проводился вручную без использования программного обеспечения. Кроме количественных показателей был затронут вопрос о визуальной составляющей публикаций и их общей характеристике, т.е. можно говорить о применении смешанных методов в данной работе.

В результате исследования автор пришла к выводу, что публикации американского посольства носили по преимуществу имиджевый характер, в то время как материалы посольства Германии были более утилитарными и чаще были посвящены вопросу эвакуации граждан. Иными словами, два посольства в своих стратегиях преследовали разные цели, что отражалось в характере и тематике публикаций.

Вопрос об особенностях ЦД в период пандемии был поднят и в статье И.Е. Денисова, А.Р. Дагаева и С.П. Султанаева [Denisov et al., 2021], в которой авторы провели сравнительный тематический контент-анализ аккаунтов посольств Китая, Кореи и Японии в социальных сетях. Было проанализировано 2128 публикаций с января 2020 г. по 1 января 2021 г. В качестве первого шага были исследованы базовые метрики активности аккаунтов посольств изучаемых стран в Twitter, VKontakte, Facebook⁴ и YouTube: общее количество подписчиков, количество публикаций, «лайков», просмотров и «репостов» в день. Кроме того, авторами были подсчитаны и проанализированы такие метрики, как ежедневная вовлеченность аудитории (ER day) и вовлеченность аудитории на один пост (ER post).

Вторая часть исследования представляла собой количественный контент-анализ. В результате авторы заключили, что ЦД Китая во многом носила реактивный характер, а посольства выполняли функцию «информационных посредников, распространяющих официальную информацию из других источников без ее комментирования» [Denisov et al., 2021: 287], в то время как посольства Японии и Кореи активно использовали в ЦД свою популярную культуру, а политическая повестка отходила на второй план [Denisov et al., 2021].

Изучение данной темы продолжили в своей статье К.С. Кравцов и Е.Д. Соболева: в фокусе их исследования оказалась ЦД КНР в Африке на платформе Facebook. В качестве метода авторы выбрали фрейм-анализ, проводившийся в несколько этапов на материалах

⁴Здесь и далее. Деятельность Meta Inc. запрещена на территории Российской Федерации и признана экстремистской с 21 марта 2022 г.

295 публикаций в аккаунтах посольств в Кении, Алжире, ЮАР, Египте и Судане за 2019–2021 гг. (на официальных языках этих стран: английском, арабском и французском). Ввиду ограниченности возможностей данного метода, не позволяющего проанализировать несколько тысяч публикаций без привлечения большой команды исследователей, статьи подбирались случайным способом.

Для выделения фреймов, подходящих для целей конкретного исследования, был использован индуктивный метод. В рамках первого этапа авторы при чтении публикаций, посвященных сотрудничеству КНР и африканских стран, фиксировали повторяющиеся идеи и лексику, указывавшие на то, как такое взаимодействие интерпретируется, и присваивали таким интерпретациям определенный код [Кравцов, Соболева, 2023: 7]. На втором этапе на основе выделенных кодов был составлен список фреймов, с помощью которого все исследуемые публикации были повторно закодированы. Авторы использовали холистский подход, т.е. «кодировалось наличие или отсутствие медиафрейма в целом, а не его отдельных индикаторов» [Кравцов, Соболева, 2023: 7].

В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу о схожести фреймов, используемых в китайской ЦД и в официальных китайских СМИ, и отметили наличие тенденции к адаптации контента под специфику аудитории аккаунтов: «Например, подписчикам китайских посольств в арабских странах рассказывают о роли КНР в решении конфликта Израиля и Палестины и про празднование исламских праздников в СУАР» [Кравцов, Соболева, 2023: 16].

В целом метод тематического контент-анализа (или схожий по подходу анализ фреймов) можно назвать одним из самых универсальных. К его достоинствам относится возможность охватить в исследовании средние объемы данных (от нескольких сотен до нескольких тысяч публикаций). К этому следует добавить отсутствие необходимости в применении специализированного программного обеспечения. Кодирование, как и отбор публикаций, можно проводить вручную. Исключением может быть только применение специализированного инструментария для использования отдельных метрик.

Однако данный метод имеет и недостатки. Так, он не позволяет анализировать визуальную составляющую публикаций, а кроме того, дает возможность изучать только отдельные источники информации в отрыве от более широкого контекста.

Анализ хештегов на больших данных в изучении цифровой дипломатии

Следует отметить, что все отечественные работы, которые удалось найти при подготовке этого исследования и в которых применялись машинные методы обработки больших массивов данных (несмотря на сложность определения того, какие данные можно считать большими), принадлежат представителям Санкт-Петербургского государственного университета.

Одним из самых ярких примеров использования данного метода в контексте рассматриваемой темы можно назвать работу «Цифровая дипломатия США в зеркале больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 годов» А.Н. Сытник, Н.А. Цветковой и И.А. Цветкова [Сытник и др., 2022]. Исследование состояло из нескольких этапов. В рамках первого этапа авторы выгрузили машинным способом 10 млн публикаций социальной сети Твиттер, содержавших хештег «Венесуэла» на английском и испанском языках за период с декабря 2018 г. по март 2019 г., когда противостояние между сторонниками Х. Гуайдо и Н. Мадуро в интернете достигло кульминации, а оба политика вели активную деятельность по мобилизации общественной поддержки. Далее из пула публикаций было выделено 250 постов, принадлежавших наиболее популярным блогерам, а также 1000 наиболее популярных аккаунтов за каждый день. Авторы не описали, какие именно метрики они использовали, но можно предположить, что применялись метрики ER (вовлеченность аудитории). На следующем этапе была выявлена доля американских правительственных аккаунтов.

В результате авторам удалось проанализировать долю американских каналов ЦД в общем пуле популярных аккаунтов в Венесуэле. Исследователи установили, что американские правительственные аккаунты не пользовались большой популярностью у местной аудитории и не смогли сыграть большую роль в венесуэльском кризисе. Во многом это стало следствием существования в стране широкой и разветвленной сети лидеров общественного мнения, а чем больше такая сеть, тем меньше шансов остается у «внешних игроков — США, России, Китая или Европы — оказывать влияние на венесуэльцев» [Сытник и др., 2022: 201].

Еще одним ярким примером использования методов работы с большими данными может служить исследование Т.А. Гришани-

ной «Цифровая дипломатия США и формирование общественного мнения в социальных сетях», в рамках которой с применением инструментария Popsters и SemanticForse был проведен анализ ключевых слов и тональности американских каналов ЦД в Иране [Гришанина, 2022]. В отличие от предыдущих работ, в которых рассматривалась только одна социальная сеть, в данном случае было выполнено кросс-платформенное исследование, опиравшееся на данные, собранные из Facebook, Twitter и Telegram. В общей сложности Т.А. Гришанина проанализировала 5203 поста из 14 аккаунтов ЦД США, из них 1259 в Telegram, 2568 в Twitter и 1376 в Facebook; 745 постов — в каналах Д. Трампа, 383 — Госдепартамента США, 89 — госсекретаря М. Помпео, 67 — пресс-секретаря М. Ортагус, 80 — посольства США в Иране, 2492 — «Голоса Америки Фарси», 1347 постов — «Радио Фарда» в период с 1 по 15 января 2020 г. Выбор такого ограниченного хронологического отрезка позволил автору увеличить количество привлеченных платформ и аккаунтов.

В своем исследовании Т.А. Гришанина поставила перед собой задачу выяснить, каким образом США используют каналы ЦД для формирования общественного мнения и какие из них можно назвать самыми влиятельными. На первом этапе с помощью платформ Popsters и SemanticForse была произведена выгрузка публикаций. Далее они были проанализированы с точки зрения тональности упоминаемых слов (негативная, нейтральная и позитивная). Каждый из каналов был рассмотрен отдельно. Исследование показало, что хотя «самыми медиаактивными оказались каналы вещания и информационной поддержки политики США в Иране, наиболее влиятельным стал, несомненно, Twitter Д. Трампа, вторым по влиянию оказался Facebook 45-го президента США, довольно значительную активность проявляли пользователи Telegram «Голоса Америки Фарси» [Гришанина, 2022: 214].

Анализ хештега на больших данных можно назвать одним из наиболее редких методов изучения ЦД в российском академическом сообществе ввиду необходимости как профильного программного обеспечения, так и базовых навыков программирования и владения основами аналитики данных. Это повышает «порог входа» для исследователей, особенно если сравнивать его с контент-анализом, который можно провести вручную. Следует также добавить, что использование этого метода сопряжено и с рядом очень специфических трудностей методологического и чисто технического плана.

В частности, речь идет о проблеме отсеивания ботов и иных способов искусственной манипуляции трафиком. Этот вопрос на данный момент является одним из самых важных для исследователей ЦД. А.Н. Сытник в качестве возможного решения данной проблемы предлагает использовать коэффициент манипулирования трафиком (СТМ), разработанный Оксфордским интернет-институтом и рассчитываемый по формуле: $СТМ = U + R/10 + F$, где « R — это процент ретвитов, F — это процент трафика от топ-пятидесяти пользователей, а U — среднее количество твитов на пользователя. Значение СТМ более 12 обычно означает наличие манипулируемого трафика» [Сытник, 2021: 215]. Однако данный метод нельзя назвать универсальным, поэтому чаще всего этот вопрос остается за скобками исследования. Подробнее с проблематикой метрик при оценке ЦД можно ознакомиться в совместной статье М.М. Базлуцкой, Н.А. Цветковой и А.Н. Сытника [Базлуцкая и др., 2024].

В то же время анализ хештега, на наш взгляд, обладает наибольшим потенциалом для исследований международных отношений, поскольку позволяет проверить на больших массивах данных «масштабные» гипотезы, что невозможно сделать иными методами. Для развития культуры аналитики данных в политологической науке в будущих исследованиях рекомендуется больше внимания уделять их техническим аспектам для совершенствования их общей методологии. Кроме того, было бы полезно публиковать в открытом доступе дата-сеты подобных исследований для составления на их основе архивов обработанных данных.

* * *

В рамках проведенного исследования было выделено три основных метода, применяемых в российском академическом сообществе при изучении ЦД, каждый из которых обладает своими достоинствами и недостатками.

Так, дискурс-анализ в большей степени пригоден для работы с малыми данными. Он позволяет провести типологизацию коммуникативных стратегий ЦД внешнеполитических ведомств и отдельных политиков, выявить их особенности, используя в качестве иллюстративных примеров выборку из небольшого объема публикаций или отрывков из них. Данный дизайн исследования оптимален для изучения дискурса ЦД и носит описательный характер. Однако он не позволяет ответить на ряд вопросов, которые ставят перед со-

бой представители политических наук. Например, с помощью этого метода невозможно оценить эффективность ЦД и проблематично работать с большими объемами публикаций.

Второй наиболее распространенный метод — тематический контент-анализ. Он позволяет проанализировать как региональную контент-стратегию (например, при изучении публикаций нескольких посольств), так и стратегию отдельного актора и разработать рекомендации по ее тематическому наполнению. В комплексе с метриками вовлеченности данный метод имеет большой потенциал не только как инструмент академического исследования, но и как средство политического консультирования. Достоинствами метода являются возможность охватить достаточно большой объем данных (от нескольких сотен до нескольких тысяч публикаций), а также отсутствие необходимости в освоении специализированного программного обеспечения. К числу его основных недостатков можно отнести то, что он не позволяет проанализировать визуальную составляющую публикаций.

Наконец, большим потенциалом обладает метод анализа хештега, опирающийся на анализ больших данных. Данный метод больше всего подходит для проверки исследовательских гипотез или разработки глобальных стратегий, например, связанных с выявлением лидеров общественного мнения в блогосфере отдельного региона или с анализом общественных настроений по конкретному вопросу. Небезынтересна перспектива применения данной методологии в комплексе с генеративным искусственным интеллектом, как было показано в работе М.М. Базлуцкой и А.Н. Сытник [Базлуцкая, Сытник, 2024]. В то же время важно отметить, что при использовании данного метода остро встают вопросы, связанные с выявлением и оценкой фактов манипуляции информационным трафиком.

В целом можно констатировать, что российские исследователи ЦД в настоящий момент используют три основные группы методов, позволяющих решать разнообразные научные задачи. С учетом объема эмпирического материала, который предоставляет для анализа ЦД, дальнейшее совершенствование методологии ее изучения, на наш взгляд, лежит в направлении междисциплинарных исследований, привлечения методов филологии, социологии, культурологии и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н. Трансмедийное вовлечение: фрейм-анализ цифровой дипломатии США в России при помощи искусственного интеллекта // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4. С. 63–85. DOI: 10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85.
2. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н., Цветкова Н.А. Вовлеченность аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17 (4). С. 48–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82.
3. Барышников Д.Н., Туленков А.Ю. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 4. С. 121–128.
4. Бушканец Л.Е., Шигин Л.Б. Обучение интерактивным практикам в процессе подготовки студентов по направлению «Цифровая дипломатия» для работы в ситуационных центрах: Instagram политического деятеля // Вестник НЦ БЖД. 2021. № 4 (50). С. 55–69.
5. Ганжелюк П.Ю., Тахтарова С.С. Коммуникативные стратегии дискурса цифровой дипломатии (на материале американской твитпломатии) // Terra Linguae: Сборник научных статей / Науч. ред. Д.Р. Сабирова. Казань: Издательство Казанского университета, 2019. С. 20–26.
6. Горбачёва Е.Н. Цифровая дипломатия vs традиционная дипломатия с позиций дискурсивной перформативности (на материале англо- и русскоязычных дипломатических заявлений) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 164–169.
7. Гришанина Т.А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 4. С. 10–18. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18.
8. Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США в 2009–2020 гг. в свете развития инновационных технологий // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 4. С. 682–688. DOI: 10.30853/mns210141.
9. Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США и формирование общественного мнения в социальных сетях // Американские исследования в Санкт-Петербургском государственном университете: Сборник докладов XXX Российско-американского семинара в СПбГУ, 17–19 мая 2021 г. / Под ред. Н.А. Цветковой, Ю.К. Богуславской, Т.А. Гришаниной. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 209–217.
10. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1 (104). С. 213–228.

11. Зонова Т.В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе // *Право и управление. XXI век.* 2015. № 3 (36). С. 176–183.

12. Зуйкина К.Л. Цифровая дипломатия Госдепартамента США: эффективность воздействия на зарубежную аудиторию (опыт социологического исследования в России) // *Меди@льманах.* 2014. № 3 (62). С. 50–57.

13. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Коммуникативные информационные стратегии цифровой дипломатии Великобритании // *Современные исследования социальных проблем.* 2020. Т. 12. № 5. С. 178–192. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-178-192.

14. Кравцов К.С., Соболева Е.Д. Аккаунты китайских посольств в социальных сетях как инструмент цифровой дипломатии КНР в Африке // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика.* 2023. Т. 48. № 4. С. 3–22. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.320.

15. Кузнецов Н.М. Датафикация в международных отношениях: дискурс о новых тенденциях цифровой дипломатии // *Актуальные вопросы мировой политики: Сборник научных статей / Под ред. О.В. Архиповой, И.И. Климина.* СПб.: НИЦ «Пересвет», 2020. С. 52–64. DOI: 10.46987/0920112020_52.

16. Лебедева О.В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // *Международная жизнь.* 2019. № 5. С. 102–111.

17. Лебедева М.М., Зиновьева Е.С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения.* 2023. Т. 23. № 1. С. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156.

18. Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика.* 2014. Т. 6. № 3. С. 95–114.

19. Марчуков А.Н. Цифровая дипломатия Швеции: в поисках диалога // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика.* 2021. Т. 13. № 4. С. 162–181. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-162-181.

20. Мешаал А. Непреходящее место смягчающих тактик в цифровом дипломатическом дискурсе (анализ выступлений С. Лаврова и Б. Джонсона) // *Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. Д.С. Лукин.* М.: МГОУ, 2022. С. 167–173.

21. Никитина Ю.А., Таран К.К. Мировые практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху // *Пути к миру и безопасности.* 2021. № 1 (60). С. 11–28. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-11-28.

22. Новиков Н.В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017.

23. Павлюченко А.А. Информационная деятельность в Twitter-аккаунтах внешнеполитических ведомств Соединенных Штатов Америки и Федеративной Республики Германия в Великобритании в условиях пандемии COVID-19 // Русская политология. 2020. № 4 (17). С. 28–37.

24. Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии США // Русская политология. 2023. № 3 (28). С. 69–81.

25. Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия: к проблеме терминологии в академической литературе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 99–109. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.50.99.

26. Сурма И.В. Цифровая дипломатия. М.: Сам полиграфист, 2020.

27. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6 (39). С. 53–60.

28. Сытник А.Н. Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2021.

29. Сытник А.Н., Цветкова Н.А., Цветков И.А. Цифровая дипломатия США в зеркале больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2. С. 192–203. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.16.

30. Теленьга М.П. Цифровая дипломатия США: историографический обзор // Americana. 2020. № 16. С. 250–267.

31. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47.

32. Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США // Актуальные проблемы мировой политики: Ежегодный альманах. Т. 10 / Глав. ред. Т.С. Немчинова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2020. С. 432–443. DOI: 10.21638/11701/26868318.29.

33. Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 2. С. 174–196. DOI: 10.21638/spbu06.2022.204.

34. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / Под ред. Е.С. Зиновьева. М.: МГИМО-Университет, 2024.

35. Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутриполитические детерминанты, приоритеты и новые вызовы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и ми-

ровая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 164–187. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-164-187.

36. Шахуд З. Роль информационных технологий во внешней политике Российской Федерации в арабском мире: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2020.

37. Шур Е.А. Американская цифровая дипломатия в Индии при Дж. Буше-младшем и Б. Обаме // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 1. С. 72–80.

38. Bjola C., Holmes H. Digital diplomacy: Theory and practice. New York: Routledge, 2015.

39. Denisov I., Dagaev A., Sultanayev S. Chinese digital diplomacy in the pandemic and post-pandemic times: Analysis of the Russian-language accounts // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2021. Vol. 26. No. 26. P. 274–290. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-274-290.

40. Dizard W.P. Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age. Westport: Praeger, 2001.

41. Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the digital age. The Hague: Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2015.

42. Jacobson B.R., Höne K.E., Kurbalija J. Data diplomacy: Updating diplomacy to the big data era. Geneva: DiploFoundation, 2018.

43. Manor I. The digitalization of public diplomacy. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.

44. Tsvetkova N.A. Russian digital diplomacy: A rising cyber soft power? // Russia's public diplomacy: Evolution and practice / Ed. by A.A. Velikaya, G. Simons. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 103–117.

REFERENCES

1. Bazlutskaya M.M., Sytnik A.N. 2024. Transmediinoe вовлечение: freim-analiz tsifrovoi diplomatii SShA v Rossii pri pomoshchi iskusstvennogo intellekta [Transmedia engagement: AI-driven frame analysis of the U.S. digital diplomacy in Russia]. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, no. 4, pp. 63–85. DOI: 10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85. (In Russ.)

2. Bazlutskaya M.M., Sytnik A.N., Tsvetkova N.A. 2024. Vovlechennost' auditorii kak pokazatel' effektivnosti tsifrovoi diplomatii [Evaluating audience engagement as a measure of digital diplomacy effectiveness]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 17 (4), pp. 48–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82. (In Russ.)

3. Baryshnikov D.N., Tulenkov A.Yu. 2012. 'Tsifrovaya diplomatiya' i gosudarstvennyi suverenitet v epokhu globalizatsii ['Digital' diplomacy and the state sovereignty at the age of globalization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*.

Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya, no. 4, pp. 121–128. (In Russ.)

4. Bushkanets L.E., Shigin L.B. 2021. Obuchenie interaktivnym praktikam v protsesse podgotovki studentov po napravleniyu 'Tsifrovaya diplomatiya' dlya raboty v situatsionnykh tsentrakh: Instagram politicheskogo deyatelya [Teaching interactive practices for 'digital diplomacy' programs students for future working in situation centers: Instagram of a political figure]. *Vestnik NTs BZhD*, no. 4 (50), pp. 55–69. (In Russ.)

5. Ganzhelyuk P.Yu., Takhtarova S.S. 2019. Kommunikativnye strategii diskursa tsifrovoi diplomatii (na materiale amerikanskoi tvitplomatii) [Communicative strategies of the digital diplomacy discourse (based on the materials of American diplomacy)]. In: Sabirova D.R. (ed.). *Terra Linguae: Sbornik nauchnykh statei* [Terra Linguae: Collection of scientific articles]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., pp. 20–26. (In Russ.)

6. Gorbacheva E.N. 2019. Tsifrovaya diplomatiya vs traditsionnaya diplomatiya s pozitsii diskursivnoi performativnosti (na materiale anglo- i russkoyazychnykh diplomaticheskikh zavaylenii) [Digital diplomacy vs traditional diplomacy from the perspective of discursive performativity (based on diplomatic statements in English and Russian)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (138), pp. 164–169. (In Russ.)

7. Grishanina T.A. 2021a. Iskusstvennyi intellekt v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: rol' i napravleniya issledovaniya [Artificial intelligence in international relations: Role and research dimensions]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 10–18. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18. (In Russ.)

8. Grishanina T.A. 2021b. Tsifrovaya diplomatiya SShA v 2009–2020 gg. v svete razvitiya innovatsionnykh tekhnologii [The US digital diplomacy in 2009–2020 through the lens of evolving innovative technologies]. *Manuscript*, vol. 14, no. 4, pp. 682–688. DOI: 10.30853/mns210141. (In Russ.)

9. Grishanina T.A. 2022. Tsifrovaya diplomatiya SShA i formirovanie obshchestvennogo mneniya v sotsial'nykh setyakh [U.S. digital diplomacy and shaping public opinion through social media]. In: Tsvetkova N.A., Boguslavskaya Yu.K., Grishanina T.A. (eds.). *Amerikanskie issledovaniya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete: Sbornik dokladov XXX Rossiisko-amerikanskogo seminaru v SPbGU, 17–19 maya 2021 g.* [American studies at St. Petersburg State University: Collection of reports of the 30th Russian-American seminar, May 17–19, 2021]. Saint-Petersburg: Skifiya-print Publ., pp. 209–217. (In Russ.)

10. Zinov'eva E.S. 2013. Tsifrovaya diplomatiya SShA: vozmozhnosti i ugrozy dlya mezhdunarodnoi bezopasnosti [U.S. digital diplomacy: Opportunities and threats to international security]. *Security Index*, vol. 19, no. 1 (104), pp. 213–228. (In Russ.)

11. Zonova T.V. 2015. Tsifrovaya diplomatiya v diplomaticheskoi i konsul'skoi sluzhbe [Digital diplomacy in the diplomatic and consular service]. *Journal of Law and Administration*, no. 3 (36), pp. 176–183. (In Russ.)

12. Zuikina K.L. 2014. Tsifrovaya diplomatiya Gosdepartamenta SShA: effektivnost' vozdeistviya na zarubezhnyu auditoriyu (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya v Rossii) [American digital diplomacy: Effectiveness for foreign audiences (experience of sociological research in Russia)]. *Medi@lmanah Journal*, no. 3 (62), pp. 50–57. (In Russ.)

13. Kaufova I.B., Kaufova L.A. 2020. Kommunikativnye informatsionnye strategii tsifrovoi diplomatii Velikobritanii [Communicative information strategies in digital diplomacy of Great Britain]. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 12, no. 5, pp. 178–192. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-178-192. (In Russ.)

14. Kravtsov K.S., Soboleva E.D. 2023. Akkaunty kitaiskikh posol'stv v sotsial'nykh setyakh kak instrument tsifrovoi diplomatii KNR v Afrike [PRC's digital diplomacy in social network accounts of Chinese embassies in Africa]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, vol. 48, no. 4, pp. 3–22. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.320. (In Russ.)

15. Kuznetsov N.M. 2020. Datafikatsiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: diskurs o novykh tendentsiyakh tsifrovoi diplomatii [Datalization in international relations: Discourse on new trends of digital diplomacy]. In: Arkhipova O.V., Klimin I.I. (eds.). *Aktual'nye voprosy mirovoi politiki: Sbornik nauchnykh statei* [Relevant issues of the world politics: Digest of articles]. Saint-Petersburg, Nauchno-issledovatel'skii tsentr 'Peresvet' Publ., pp. 52–64. DOI: 10.46987/0920112020_52. (In Russ.)

16. Lebedeva O.V. 2019. Sovremennye instrumenty 'tsifrovoi diplomatii' kak vazhneishii element 'myagkoi sily' [Modern tools of 'digital diplomacy' as the most important element of 'soft power']. *The International Affairs*, no. 5, pp. 102–111. (In Russ.)

17. Lebedeva M.M., Zinov'eva E.S. 2023. Spetsifika mezhdunarodnykh peregovorov v epokhu tsifrovizatsii [International negotiations in the digital age]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 23, no. 1, pp. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156. (In Russ.)

18. Marchukov A.N. 2014. 'Publichnaya diplomatiya 2.0' vo vneshnei politike Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy razvitiya ['Public diplomacy 2.0' in foreign policy of the Russian Federation: Challenges and prospects]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 6, no. 3, pp. 95–114. (In Russ.)

19. Marchukov A.N. 2021. Tsifrovaya diplomatiya Shvetsii: v poiskakh dialoga [Digital diplomacy of Sweden: In search of a dialogue]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 13, no. 4, pp. 162–181. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-162-181. (In Russ.)

20. Meshaal A. 2022. Neprekhodyashchee mesto smyagchayushchikh taktik v tsifrovom diplomaticheskom diskurse (analiz vystuplenii S. Lavrova i

B. Dzhonsona) [The enduring place of mitigative tactics within digital diplomatic discourse: Examining the speeches of S. Lavrov and B. Johnson]. In: Lukin D.S. (ed.). *Rol' i mesto lingvokul'turnoi adaptatsii khudozhestvennogo teksta v teorii i praktike perevoda. Perevodcheskie strategii i taktiki: Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [The role and place of linguistic and cultural adaptation of a literary text in translation theory and practice. Translation strategies and tactics: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Engagement]. Moscow, MGOU Publ., pp. 167–173. (In Russ.)

21. Nikitina Yu.A., Taran K.K. 2021. Mirovye praktiki mediatsii v konfliktakh v tsifrovuyu epokhu [International practices of conflict mediation in the era of digital technologies]. *Pathways to Peace and Security*, no. 1 (60), pp. 11–28. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-11-28. (In Russ.)

22. Novikov N.V. 2017. *Kommunikativnye strategii tsifrovoi diplomatii* [Communication strategies of digital diplomacy]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

23. Pavlyuchenko A.A. 2020. Informatsionnaya deyatel'nost' v Twitter-akkauntakh vneshnepoliticheskikh vedomstv Soedinennykh Shtatov Ameriki i Federativnoi Respubliki Germaniya v Velikobritanii v usloviyakh pandemii COVID-19 [Information activities on the Twitter accounts of the Foreign Ministries of the United States of America and the Federal Republic of Germany in the United Kingdom in the context of the COVID-19 pandemic]. *Russian Political Science*, no. 4 (17), pp. 28–37. (In Russ.)

24. Pavlyuchenko A.A. 2023. K voprosu o periodizatsii tsifrovoi diplomatii SShA [On the periodization of U.S. digital diplomacy]. *Russian Political Science*, no. 3 (28), pp. 69–81. (In Russ.)

25. Pavlyuchenko A.A. 2024. Tsifrovaya diplomatiya vs kiberdiplomatiya: k probleme terminologii v akademicheskoi literature [Digital diplomacy vs cyber diplomacy: Issues of terminology in academic literature]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Serie: Political Science and Religion Studies*, vol. 50, pp. 99–109. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.50.99. (In Russ.)

26. Surma I.V. 2020. *Tsifrovaya diplomatiya* [Digital diplomacy]. Moscow, Sam poligrafist Publ. (In Russ.)

27. Surma I.V. 2014. Tsifrovaya diplomatiya v diskurse global'noi politiki [Digital diplomacy in the discourse of global policy]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (39), pp. 53–60. (In Russ.)

28. Sytnik A.N. 2021. *Tsifrovizatsiya i 'bol'shie dannye' v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: teoreticheskie, metodologicheskie i prikladnye aspekty* [Digitalization and Big Data in international relations: Theoretical, methodological and applied aspects]. PhD Thesis. Saint-Petersburg. (In Russ.)

29. Sytnik A.N., Tsvetkova N.A., Tsvetkov I.A. 2022. Tsifrovaya diplomatiya SShA v zerkale bol'shikh dannykh: uroki Venesuel'skogo krizisa 2018–2019 godov [U.S. digital diplomacy and Big Data: Lessons from the political crisis in

Venezuela, 2018–2019]. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 27, no. 2, pp. 192–203. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.16. (In Russ.)

30. Telen'ga M.P. 2020. Tsifrovaya diplomatiya SShA: istoriograficheskiy obzor [To the question of the development of digital diplomacy in international relations]. *Americana*, no. 16, pp. 250–267. (In Russ.)

31. Tsvetkova N.A. 2020a. Fenomen tsifrovoi diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i metodologiya ego izucheniya [The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology]. *RSUH/RGGU Bulletin Series Political Science. History. International Relations*, no. 2, pp. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47. (In Russ.)

32. Tsvetkova N.A. 2020b. Tsifrovizatsiya publichnoi diplomatii SShA [Digitalization of U.S. public diplomacy]. In: Nemchinova T.S. (ed.). *Aktual'nye problemy mirovoi politiki: Ezhegodnyi al'manakh. T. 10* [Digest of world politics: Annual review. Vol. 10]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., pp. 432–443. DOI: 10.21638/11701/26868318.29. (In Russ.)

33. Tsvetkova N.A., Sytnik A.N., Grishanina T.A. 2022. Tsifrovaya diplomatiya i digital international relations: vyzovy i novye vozmozhnosti [Digital diplomacy and digital international relations: Challenges and new advantages]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, no. 2, pp. 174–196. DOI: 10.21638/spbu06.2022.204. (In Russ.)

34. Zinov'eva E.S. (ed.). 2024. *'Tsifra' i iskusstvennyi intellekt na sluzhbe diplomatii: analiticheskii doklad* ['Digit' and artificial intelligence in the service of diplomacy: Analytical report]. Moscow, Izdatel'stvo 'MGIMO-Universitet' Publ. (In Russ.)

35. Sharikov P.A. 2023. Evolyutsiya publichnoi diplomatii SShA: vnutripoliticheskie determinanty, priorityety i novye vyzovy [Evolution of US public diplomacy: Domestic political determinants, priorities and new challenges]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 164–187. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-164-187. (In Russ.)

36. Shakhud Z. 2020. *Rol' informatsionnykh tekhnologii vo vneshnei politike Rossiiskoi Federatsii v arabskom mire* [The role of information technologies in the foreign policy of the Russian Federation in the Arab world]. PhD Thesis. Saint-Petersburg. (In Russ.)

37. Shur E.A. 2021. Amerikanskaya tsifrovaya diplomatiya v Indii pri Dzh. Bushe-mladshem i B. Obame [American digital diplomacy in India under G.W. Bush and B. Obama]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 1, pp. 72–80. (In Russ.)

38. Bjola C., Holmes H. 2015. *Digital diplomacy: Theory and practice*. New York, Routledge.

39. Denisov I., Dagaev A., Sultanayev S. 2021. Chinese digital diplomacy in the pandemic and post-pandemic times: Analysis of the Russian-language

accounts. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, vol. 26, no. 26, pp. 274–290. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-274-290.

40. Dizard W.P. 2001. *Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age*. Westport, Praeger.

41. Hocking B., Melissen J. 2015. *Diplomacy in the digital age*. The Hague, Netherlands Institute of International Relations Clingendael.

42. Jacobson B.R., Höne K.E., Kurbalija J. 2018. *Data diplomacy: Updating diplomacy to the big data era*. Geneva, DiploFoundation.

43. Manor I. 2019. *The digitalization of public diplomacy*. Cham, Palgrave Macmillan.

44. Tsvetkova N.A. 2020. Russian digital diplomacy: A rising cyber soft power? In: Velikaya A.A., Simons G. *Russia's public diplomacy: Evolution and practice*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 103–117.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024;
одобрена после рецензирования 23.12.2024;
принята к публикации 08.01.2025

The paper was submitted 18.10.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 08.01.2025

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 25: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» В 2024 Г.**

Статьи	№	С.
<i>Тема в фокусе: 75 лет НАТО — история с продолжением? .</i>		
Веселов В.А. Проблемы контроля над вооружениями в трансатлантических отношениях (1963–1975).	1	7–50
Истомин И.А., Левченко А.В. Меняющаяся роль военно-политических альянсов после холодной войны	1	51–92
Смирнов П.Е. «Открытые двери» НАТО в постбиполярный период и отношения альянса с Россией	1	93–140
Прохоренко И.Л. Политика партнерства НАТО: от военного альянса к сообществу безопасности и обратно	1	141–162
Мельникова Ю.Ю. Секьюритизация КНР в дискурсе НАТО во второй половине 2010-х — начале 2020-х годов как часть формирования глобальной идентичности альянса.	1	163–201
<i>Тема в фокусе: контуры многополярного мира</i>		
Мальшев Д.В. ШОС и БРИКС в условиях становления многополярного мирового порядка	2	9–31
Гаспарян А.Ю., Мелконян Т.А. Международно-политические аспекты деятельности ОПЕК+ в контексте энергетической дипломатии России и Саудовской Аравии до и после начала СВО.	2	32–56
Муратшина К.Г. Советание министров обороны АСЕАН-плюс: структура, особенности, динамика развития (2010–2022).	2	57–88
Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны Глобального Юга: тенденции и дискурсы	2	89–124
Стригунов К.С. Преступные организации Бразилии как субъекты неклассических войн в форме криминального мятежа	2	125–175

Статьи	№	С.
<i>Тема в фокусе: Арктика — зона конфликта?</i>		
Корунова Е.В. «Решение принято»: долгая история присоединения Швеции и Финляндии к НАТО	3	53–97
Аржанов И.А. Военно-политическая безопасность в Арктике до и в контексте «украинского кризиса».....	3	98–126
Конышев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России	3	127–152
Лабецкая Е.О. Арктический фронт мировой гибридной войны	3	153–174
<i>Международная безопасность</i>		
Кокошин А.А. Вопросы стратегического ядерного и неядерного сдерживания в политике национальной безопасности России	4	11–31
<i>Экономическая дипломатия</i>		
Оганисян Л.Д. Политика санкций ЕС: тернистый путь трансформации	4	32–69
<i>Идеология и внешняя политика</i>		
Шарилов П.А. «Трампизм» как доминирующее движение в Республиканской партии США в 2020-е годы	4	70–94
<i>Политика памяти</i>		
Понамарева А.М. Историческая политика Республики Беларусь: перипетии эволюции.....	4	95–139
<i>Национальная конкурентоспособность: политические аспекты</i>		
Воронин Т.В. Потенциал глобальной конкурентоспособности атомных энергетических технологий США	4	140–168
<i>Теория и методология международных исследований</i>		
Павлюченко А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях	4	225–250
<i>История международных отношений и внешней политики</i>		
Сотникова И.Н. Роль Л.М. Карахана в китайской политике Советского Союза (1923–1926)	3	7–52

Статьи	№	С.
Авдеев Б.А. Выход США из ЮНЕСКО при администрации Р. Рейгана: многоуровневый анализ.	4	169–224
<i>Региональные проблемы мировой политики</i>		
Требух А.Д. Внешнеполитические инициативы администрации Дж. Байдена в Латино-Карибской Америке в контексте нарастания американо-китайского соперничества.	1	202–229
<i>Диалог научных школ Московского университета</i>		
Васильев В.П. Глобальные программы устойчивого развития: кризис достижения целей.	2	176–184
<i>Научные обзоры и рецензии</i>		
Мизин В.И. История с продолжением? <i>Рецензия на монографию О.М. Александрии, А.Г. Савельева «Контроль над ядерными вооружениями в российско-американских стратегических отношениях (2010 — начало 2020-х гг.)»</i>	1	230–240
Кочетков В.В. На пути к суверенности российской науки о международных отношениях? <i>Размышления на полях книги Л.С. Воронкова «Либеральные ценности в теории и на практике. О проблемах интеллектуальной деколонизации России»</i>	3	175–190
Белинский А.В. Компас, океаны и мировая политика. <i>Рецензия на коллективную монографию «Международные отношения: грани настоящего и будущего»</i>	3	191–200

**COMPLETE LIST OF PAPERS PUBLISHED
IN «LOMONOSOV WORLD POLITICS JOURNAL» IN 2024**

Papers	№	P.
<i>Focal Point: 75 Years of NATO — to be Continued?</i>		
Veselov V.A. Issues of Arms Control in Transatlantic Relations (1963–1975).....	1	7–50
Istomin I.A., Levchenko A.V. Changing Role of Security Alliances in the Post-Cold War Era.....	1	51–92
Smirnov P.Ye. Russia and NATO’s ‘Open Door’ Policy in the Post-Bipolar Period.....	1	93–140
Prokhorenko I.L. NATO’s Partnership Policy: From the Military Alliance to the Security Community, and Back Again.....	1	141–162
Melnikova Yu.Yu. Securitization of China in the NATO Discourse in the Late 2010s — Early 2020s: Towards a Global Collective Identity.....	1	163–201
<i>Focal Point: Contours of a Multipolar World</i>		
Malyshev D.V. SCO and BRICS in an Emerging Multipolar World Order.....	2	9–31
Gasparyan A.Yu., Melkonyan T.A. International Political Aspects of OPEC+ Activities in the Context of Energy Diplomacy of Russia and Saudi Arabia before and after the Start of the Special Military Operation.....	2	32–56
Muratshin A.K.G. ASEAN Defence Ministers Meeting-Plus: Institutional Structure, Specific Features, and Evolution (2010–2022).....	2	57–88
Kuznetsov D.A., Dmitrieva V.A. Humanitarian Diplomacy and the Countries of the Global South: Trends and Discourses.....	2	89–124
Strigunov K.S. Brazilian Criminal Organizations as Subjects of Non-Classical Wars in the Form of Criminal Rebellion.....	2	125–175
<i>Focal Point: The Arctic — A Zone of Conflict?</i>		
Koronova E.V. The Die is Cast: Sweden and Finland’s Long Road to NATO.....	3	53–97

Papers	№	P.
Arzhanov I.A. Military and Political Security in the Arctic before and amidst the Ukrainian Crisis	3	98–126
Konyshchikov V.N., Sergunin A.A. Military Security in the Arctic: New Threats to Russia	3	127–152
Labetskaya E.O. The Arctic Front of the Global Hybrid Warfare. .	3	153–174
 <i>International Security</i>		
Kokoshin A.A. Strategic Nuclear and Non-Nuclear Deterrence in Russia's National Security Policy.	4	11–31
 <i>Economic Diplomacy</i>		
Oganisyan L.D. The EU Sanctions Policy: A Thorny Path of Transformation	4	32–69
 <i>Ideology and Foreign Policy</i>		
Sharikov P.A. 'Trumpism' as a Dominant Movement in the U.S. Republican Party in the 2020s.	4	70–94
 <i>Politics of History</i>		
Ponomareva A.M. History Politics of Belarus: Peripeteias of Evolution	4	95–139
 <i>National Competitiveness: Political Aspects</i>		
Voronin T.V. Global Competitiveness Potential of U.S. Nuclear Energy Technologies.	4	140–168
 <i>Theory and Methodology of IR Studies</i>		
Pavlyuchenko A.A. Digital Diplomacy in Russian International Studies: Research Methods	4	225–250
 <i>History of International Relations and Foreign Politics</i>		
Sotnikova I.N. The Role of L.M. Karakhan in the Chinese Policy of the Soviet Union (1923–1926).	3	7–52
Avdeev B.A. The U.S. Withdrawal from UNESCO under R. Reagan's Administration: A Multilevel Analysis.	4	169–224

Papers	№	P.
<i>Regional Issues of World Politics</i>		
Trebukh A.D. The Growing U.S.-Chinese Rivalry and Foreign Policy Initiatives of the Biden Administration in Latin Caribbean America.	1	202–229
<i>Lomonosov Moscow State University: Dialogue of Scientific Schools</i>		
Vasiliev V.P. Global Sustainable Development Programs: Challenges to the Achievement of the Goals.	2	176–184
<i>Review Essays and Book Reviews</i>		
Mizin V.I. To be Continued? <i>Book Review of 'Nuclear Arms Control in Russian-American Strategic Relations (2010 — Early 2020s)' by O.M. Aleksandriya and A.G. Savel'ev</i>	1	230–240
Kochetkov V.V. Towards Sovereign International Relations Studies? <i>Book Review of 'Liberal Values in Theory and Practice. On the Issues of Intellectual Decolonization of Russia' by L.S. Voronkov</i> .	3	175–190
Belinsky A.V. Compass, Oceans and World Politics. <i>Book Review of the Collective Monograph 'International Relations: Facets of the Present and the Future'</i>	3	191–200